

РОБЕРТ МАККАММОН

Зов ночной
птицы

18+

The Big Book

Роберт Маккаммон

Зов ночной птицы

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Маккаммон Р.

Зов ночной птицы / Р. Маккаммон — «Азбука-Аттикус»,
2002 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20226-9

Холодная весна 1699 года, североамериканская колония Каролина. Мировой судья Айзек Вудворд и его секретарь Мэтью Корбетт отправляются из столичного Чарльз-Тауна в городок Фаунт-Ройал, где происходит какая-то чертовщина: земля не родит, дома по ночам полыхают, а тут еще и два зверских убийства. Горожане обвиняют во всем молодую вдову Рейчел Ховарт и стремятся поскорее сжечь ведьму на костре, однако глава поселения Роберт Бидвелл желает, чтобы все было по закону. Для мирового судьи показания свидетелей звучат вполне убедительно, а вот его секретарь колеблется: точно ли девушка – ведьма и зачем в шкафах у горожан столько скелетов? И дьяволы ли козни всему виной – или же дьявольски хитроумный план неведомого преступника?... «„Зов ночной птицы“ – из тех уникальных произведений популярной литературы, что, ни на миг не жертвуя занимательностью, содержат массу пищи для ума. И теперь я жду не дождусь, когда и меня позовет ночная птица» (Стивен Кинг). Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20226-9

© Маккаммон Р., 2002

© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	25
Глава четвертая	35
Глава пятая	45
Глава шестая	60
Глава седьмая	76
Глава восьмая	88
Глава девятая	98
Глава десятая	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Роберт Маккаммон

Зов ночной птицы

Robert R. McCammon

SPEAKS THE NIGHTBIRD

Copyright © 2002 by McCammon Corporation All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© В. Н. Дорогокупля, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Почти сразу после великолепной «Жизни мальчишки» один из лучших наших рассказчиков замолчал на десять лет, так что прилета «ночной птицы» я ожидал с замиранием сердца. Ведь писать романы – не то же самое, что ездить на велосипеде: вполне можно и разучиться. Но зря я переживал: эта книга заставила меня забыть обо всем на свете. «Зов ночной птицы» – из тех уникальных произведений популярной литературы, что, ни на миг не жертвуя занимательностью, содержат массу пищи для ума. И теперь я жду не дождусь, когда и меня позовет ночная птица.

Стивен Кинг

«Зов ночной птицы» – это одновременно детектив, роман воспитания и убедительный портрет повседневной жизни в конце XVII века, со всеми его многочисленными демонами. Колониальная Америка встает со страниц как живая – Маккаммон воссоздает маленький уголок прошлого с удивительной, болезненной ясностью. Бурная мелодрама центрального сюжета покоится на крепком основании. Перед нами увлекательнейшее чтение от рассказчика мирового класса...

Locus

Параллели с «Именем розы» Умберто Эко неизбежны – только динамика отношений между мировым судьей Айзеком Вудвортом и его секретарем Мэтью Корбеттом выстроена не так, как между Вильгельмом Баскервильским и Адсоном, а с точностью до наоборот: более сильной личностью оказывается не наставник, а ученик.

The Courier

Глава первая

Постепенно оба путника поняли, что тьма застигнет их на лесной дороге, если вовремя не подыскать какое-нибудь укрытие. Такой денек мог бы прийтись по нраву разве что жабам да лысухам, а у представителей рода людского аж душа цепенела под этим низким серым небом и промозглым дождем. По заверениям и прогнозам погодных календарей, маю полагалось быть если и не беззаботно-веселым, то хотя бы щедрым на свет и тепло месяцем, но этот май уподобился мрачнолицему скряге, из экономии норовящему погасить все свечи даже в церкви.

С толстых ветвей, переплетавшихся в сорока футах над дорогой, струилась дождевая вода. Листья древних дубов и вязов, как и хвоя величавых сосен, казались скорее эбеново-черными, нежели зелеными; массивные стволы обросли длинными бородами мха и бурыми вздутиями древесных грибов размером с кулачище кузнеца. Как-то даже язык не поворачивался назвать дорогой то, что тянулось под ветвистым сводом; это больше походило на широкую грязевую нору со стенами цвета застарелой коросты, по ходу движения возникавшую из тумана, чтобы тотчас исчезнуть в тумане за спиной.

– Но! Н-но! – повторял возница, погоняя пару измотанных кляч, которые плелись в южном направлении, выпуская из ноздрей клубы пара и надсадно поводя костлявыми боками, когда деревянные колеса глубоко увязали в грязи.

Под рукой у возницы был небольшой, но сильно жалящий кнут, которым он, впрочем, не пользовался. Лошади – вместе с фургоном позаимствованные в муниципальных конюшнях Чарльз-Тауна¹ – и без того тянули что было сил. Под насквозь промокшим тентом из коричневой мешковины, за козлами из грубо отесанных сосновых досок, уже всадивших не одну занозу в седалища путников, хранился багаж: два разномастных сундука, дорожный несессер и коробка с париками. Многочисленные царапины и вмятости на всех этих предметах свидетельствовали о перипетиях частых разъездов.

Гром рокотал прямо над их головами. Лошади с чавканьем вытягивали копыта из дорожного месива.

– Н-но, шевелись! – прикрикнул возница без всякого воодушевления и так неловко щелкнул вожжами, что избежал ссадин на собственных руках лишь благодаря холщовым перчаткам.

После этого он долго сидел молча, а капли дождя продолжали стекать с полей его раскисшей треуголки на иссиня-черный касторовый сюртук, уже порядком отяжелевший от впитанной влаги.

– Подменить вас, сэр?

Возница взглянул на товарища по несчастью, готового взять бразды в свои руки. Даже при очень богатом воображении трудно было бы найти между ними хоть что-то общее. Вознице было пятьдесят пять лет, а его спутнику едва исполнилось двадцать. Старший был широк в кости, при багровом лице и массивной челюсти, а его густые седоватые брови подобно брустверам редута нависали над ледянисто-голубыми глазами, дружелюбия в которых было не больше, чем в дулах заряженных пушек, глядящих из амбразур. Что до носа возницы, то деликатный англичанин назвал бы его «не обделенным размерами», а бесцеремонный голландец не преминул бы пройти насчет ишейки-бладхаунда, предположительно затесавшейся среди предков его обладателя. Подбородок воистину скульптурной формы, казалось, был вытесан из цельного кирпича с добавлением ямочки, в которую запросто поместилась бы мушкетная пуля. Обычно

¹ Чарльз-Таун – старейший город современного штата Южная Каролина (в прошлом столица более обширной колонии Каролина), при основании в 1670 г. названный в честь короля Карла II. В 1783 г. это название было изменено на Чарлстон. – Здесь и далее примеч. перев.

это лицо было чисто выскоблено тщательными проходами бритвы, но сейчас на нем уже проступала щетина цвета соли с перцем.

– Да, – сказал возница. – Сделай одолжение.

Он передал вожжи соседу (каковые обмены случались уже многократно за последние несколько часов) и начал разминать затекшие пальцы.

Аскетичному, вытянутому лицу молодого человека явно был привычнее свет кабинетных ламп, нежели лучи солнца. Он был худ, но не хрупок – под стать упругой и гибкой садовой лозе. Наряд его состоял из тупоносых башмаков, белых чулок, оливкового цвета бриджей и облегающей коричневой куртки из дешевого казимира² поверх белой полотняной рубашки. Заплаты на коленях бриджей и на локтях куртки обновлялись как минимум не реже, чем аналогичные заплатки на одеянии его спутника. Шерстяная шапка мышиного цвета покрывала тонкие черные волосы, недавно остриженные почти под корень в процессе борьбы со вшами, заполонившими Чарльз-Таун. Все в этом юноше – нос, подбородок, скулы, локти, колени – казалось составленным из острых углов. Серые глаза с темно-синими крапинками – словно дым над костром в сумерки. Он не стегал лошадей и не погонял их криком, а только правил вожжами. По натуре он был, пожалуй, стойком, – во всяком случае, он умел ценить это качество, ибо в своей жизни уже прошел через испытания, вполне способные сломить людей менее стoического склада.

Продолжая разминать руки, старший невесело думал, что, если ему удастся пережить эту поездку и дотянуть до пятидесяти шести лет, он уйдет на покой и посвятит остаток своих дней добрым делам во славу Господа. Он не был скроен из грубой материи пионеров фронтира, полагая себя человеком утонченного вкуса, горожанином до мозга костей, малоприспособленным для странствий по диким дебрям. Его сердце радовали ровная кирпичная кладка и ярко окрашенные заборы, благодатная симметрия подстриженных живых изгородей и предсказуемая регулярность обходов фонарщика. Он был цивилизованным джентльменом. Но сейчас дождевая вода текла ему за шиворот и хлопала в сапогах, сумерки сгущались, а для защиты багажа и своих скальпов они располагали одной только ржавой саблей. В конце слякотного пути их ждало поселение, именуемое Фаунт-Ройал, но и этот факт утешал лишь отчасти. Дело, по которому они туда направлялись, было, увы, не из приятных.

Наконец-то погода проявила хоть немного милосердия к путникам. Дождь начал ослабевать, раскаты грома постепенно отдалялись. Старший пришел к выводу, что их задело только краем грозы, в полную силу бушевавшей над морем, пенистый серый простор которого изредка мелькал в просветах между деревьями. Однако противная морось по-прежнему секла их лица. Ключья тумана обволакивали ветви, придавая лесу фантасмагорический облик. Ветер стих, и одновременно стал явственнее ощущаться густой болотно-зеленый смрад.

– Вот вам и каролинская весна, – пробормотал старший сиплым голосом, но с мелодичным акцентом, унаследованным от нескольких поколений благородных английских предков. – К лету на кладбище высадят много новых цветов.

Младший ничего не ответил, хотя никак не смог отделаться от мысли, что они оба вполне могут сгинуть на этой дороге – просто исчезнуть по злой прихоти судьбы, как исчез где-то здесь же мировой судья Кингсбери; а ведь с той поры еще и двух недель не минуло. Нельзя было не считаться с тем фактом, что эти леса кишели кровожадными индейцами и всевозможным хищным зверьем. Даже завшивленный и чумной Чарльз-Таун казался райской обителью по сравнению с этой сырой зеленой преисподней. Основатели Фаунт-Ройала, должно быть, все поголовно свихнулись, когда решили поселиться в таком месте, подумал он.

² *Казмир* – плотная полушерстяная ткань для верхней одежды, некогда широко распространенная, но в XIX в. постепенно вышедшая из употребления.

С другой стороны, всего двадцать лет назад на месте Чарльз-Тауна стоял такой же первозданный лес. А теперь там был настоящий город с оживленным портом. Кто знает, каким станет со временем и этот Фаунт-Ройал? Хотя ни для кого не было секретом, что на каждый преуспевший Чарльз-Таун приходились десятки менее удачливых, а то и вовсе вымерших поселений. Та же участь вполне могла постигнуть и Фаунт-Ройал, но пока что он представлял собой живую реальность – чью-то мечту, воплощенную в жизнь тяжким трудом, – а посему тамошнюю проблему следовало решить способом, принятым в цивилизованном обществе. И все так же без ответа оставался вопрос: что случилось с мировым судьей Кингсбери, который ехал из Чарльз-Тауна в Фаунт-Ройал этой самой дорогой, но так и не прибыл в пункт назначения? Старший еще перед отбытием из Чарльз-Тауна высказал на сей счет ряд предположений – от засады индейцев или банды грабителей до поломки фургона с последующим нападением хищников, – но молодой человек этим не удовлетворился. Ибо, хотя нос его напарника и смахивал на нос ищейки, нюхом ищейки был наделен как раз младший. И любое сомнение, как слабый остаточный запах, заставляло его подолгу сидеть в раздумьях перед одинокой свечой, когда старший уже давно храпел в своей спальне.

– Что там такое?

Рука в серой перчатке поднялась и ткнула пальцем в туман перед ними. Спустя мгновение и младший заметил то, на что указывал его спутник: скат крыши справа от дороги. Крыша была темно-зеленой, что вкупе с чернотой мокрых стен делало строение почти незаметным среди точно так же окрашенного леса. Это место могло оказаться безлюдным подобно той фактории, где они несколькими часами ранее надеялись перекусить и дать отдых лошадям, но обнаружили только обугленные руины. Однако здесь был налицо обнадеживающий признак: над каменной трубой вился белый дымок. Туман чуть рассеялся, открыв их взорам очертания неказистой бревенчатой хижины.

– Жилье! – воскликнул старший с радостным облегчением. – Господь к нам милостив, Мэтью!

Вероятно, хижину построили совсем недавно, чем и объяснялось ее отсутствие даже на самых подробных картах этой местности. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее ощущался запах свежих сосновых бревен. Мэтью не мог не отметить – хотя в данной ситуации это пахло черной неблагодарностью, – что мастерство и усердие строителей оставляли желать много лучшего. Просветы между плохо подогнанными бревнами были небрежно залеплены красной глиной. Печная труба в большей мере состояла из той же глины, чем из каменной кладки, и дым струйками сочился сквозь боковые щели. Крыша была посажена вкривь и вкось, оттого напоминая сдвинутую набекрень шляпу забулдыги. Ни краски, ни каких-либо резных украшений на фасаде не наблюдалось, а узкие окошки были закрыты примитивными дощатыми ставнями. Чуть поодаль показалось еще одно убогое строение – видимо, сенной сарай, – рядом с которым в загоне стояли три лошади с провислыми спинами. В соседнем загоне хрюкали и фыркали, мяся зловонную жижу, с полдюжины свиней, а вдоль изгороди гордо расхаживал рыжий петух в сопровождении нескольких мокрых кур и выводка задрипанных цыплят.

На зеленой сосновой табличке, прибитой к столбу рядом с коновязью, густой белой краской была нарисована надпись: «ТРАКТИР И ФАКТОРИЯ».

– Так это еще и трактир! – промолвил старший и взял вожжи из рук Мэтью, как будто это могло каким-то образом ускорить их продвижение к заветной цели. – Значит, можно рассчитывать на горячий ужин!

Одна из лошадей в загоне у сарая громко заржала; тотчас рывком отворился ставень, и на приезжих воззрилось едва различимое в полумраке лицо.

– Добрый день! – обратился к нему старший. – А мы уж и не чаяли найти приста...

Ставень захлопнулся.

– ...нище, – закончил он.

Между тем клячи доплелись-таки до коновязи.

– Тпру! Стой! – скомандовал он, все еще не отрывая взгляда от закрытого окна. – А трактирщик не слишком-то гостеприимен. Но раз уж мы сюда прибыли, здесь мы и сделаем остановку, не так ли, Мэтью?

– Да, сэр, – откликнулся тот не очень уверенным тоном.

Старший слез с козел фургона, по щиколотку погрузившись в грязь. Пока он приматывал вожжи к коновязи, спустился и Мэтью. Даже с учетом двухдюймовой слякоти под ногами, сразу стало заметно, что это на редкость высокий молодой человек: при росте в пять футов десять дюймов³ он на добрых три дюйма превосходил своего напарника, который был в этом отношении «среднячком».

Лязгнул открываемый засов. Дверь хижины распахнулась настежь, даже с какой-то нарочитой эффектностью.

– Добрый день! Добрый день! – произнес стоявший на пороге мужчина.

Одет он был в невесть чем запятнанную куртку оленьей кожи, коричневую рубаху и серые полосатые бриджи. Над голенищами коротких сапог полоской виднелись кричаще-яркие желтые чулки. От уха до уха на его круглом, как каштан, лице растянулась улыбка, обнажая кривые пеньки зубов.

– Входите, обогрейтесь!

– Добрым этот день я не назвал бы, а вот погреться у камелька нам уж точно не помешает.

На крыльцо вели две ступеньки. Трактирщик шагнул в сторону, уступая дорогу и одновременно придерживая дверь. Еще не дойдя до него, путники успели пожалеть, что аромат смолистого дерева все же не настолько силен, чтобы перекрыть зловоние немывтого тела и грязной одежды хозяина.

– Эй, девка! – крикнул он кому-то в глубине комнаты в тот самый момент, когда ухо Мэтью, как назло, очутилось напротив его смердящего рта. – Подкинь еще дров, да пошустрее!

Дверь закрылась за их спинами, и вместе с тем пропал свет. Здесь было так темно, что путники могли разглядеть только мерцающие язычки красного пламени в очаге. При этом не весь дым уходил в трубу – значительная часть его оставалась внутри и грязно-серыми слоями висела под потолком. У Мэтью было ощущение, что рядом передвигаются еще какие-то фигуры, но дым разъедал глаза, мешая им привыкнуть к темноте. В спину ему уперлась шишковатая ладонь.

– Двигайте дальше! – пригласил трактирщик. – Погрейте свои косточки!

Они начали продвигаться к очагу. По пути Мэтью сослепу наткнулся на угол стола. Кто-то невидимый что-то сказал глуховатым голосом, кто-то другой рассмеялся, но смех тут же перешел в надрывный кашель.

– Где ваши манеры, чертово семя?! – рявкнул трактирщик. – Нонче у нас в гостях джентльмены!

Старший из путников также прокашлялся, пытаясь очистить легкие от едкого дыма. Вступив в полукруг красноватого света от очага, он стянул мокрые перчатки; глаза его слезились.

– Мы с раннего утра в пути, – произнес он. – Едем из Чарльз-Тауна. Были готовы увидеть краснокожих, а теперь видим, что здесь есть и белые.

– Оно верно, сэр, эти краснокожие чертяки рыщут по всей округе. Но увидеть их вы сподобитесь, токо кады они сами вздумают показаться. Я Уилл Шоукомб. Держу этот трактир и факторию.

В этом чаду старший не столько разглядел, сколько угадал, что ему протягивают руку. Он в ответ протянул свою и пожал жесткую, как квакерское седло, ладонь.

³ Прибл. 178 см.

– Меня зовут Айзек Вудворд, – представился он в свою очередь. – А это Мэтью Корбетт. Он кивком указал на молодого человека, в ту минуту занятого растиранием своих окоченевших пальцев.

– Прямиком из Чарльз-Тауна, сталбыть? – Шоукомб не спешил отпускать руку гостя. – Ну и как оно там?

– Пока что терпимо. – Вудворд наконец высвободил руку, стараясь не думать о том, как долго придется ее отмывать, чтобы избавиться от грязи и вони. – Хотя последние недели как-то не задалось. Бросает то в жар, то в холод. Испытание не для слабых духом.

– Вот и здесь от дождей спасу нет, – заметил Шоукомб. – Иной раз поутру всю парит, а на другое утро колотун неумоготу.

– Конец света грядет, не иначе, – прозвучал из темноты все тот же глуховатый голос. – Когда еще мы кутались в одеяла на исходе весны? Про такую погоду говорят, что в это время Дьявол лупит свою женушку.

– Захлопни-ка пасть! – Буравчики темных маленьких глаз Шоукомба вонзились в говорившего. – Тоже мне знаток!

– Я читаю Библию, и мне ведомо слово Божье! Это конец времен, настала пора всякой нечисти, так-то вот!

– Ежели сей миг не заткнешься, я тебе живо вправлю мозги!

В мерцающем красном свете углей лицо Шоукомба исказила гримаса еле сдерживаемой ярости. Вудворд оценил габариты дюжего трактирщика: рост пять футов шесть дюймов, широкие плечи и грудная клетка объемом с пивную бочку. Добавьте к этому темно-русую, с проседью, гриву и многодневную пегую щетину по всей физиономии, и вы получите портрет человека, с которым вам вряд ли захочется вступать в конфликт. Что до его нахрапистых манер и вульгарного акцента, то в этом плане – по догадке Вудворда – он все еще недалеко ушел от докерских кварталов в низовьях Темзы.

Сквозь проплывающие клубы дыма оба, Вудворд и Мэтью, попытались разглядеть знамена Библии, каковым оказался скрюченный белобородый старикашка, сидевший за одним из колченогих столов в трактирном зале. Глаза его краснели отраженным светом очага, как раздутые угли.

– Еще разок услышу эту ахинею, и тады пеняй на себя! – пригрозил ему Шоукомб.

Старик открыл было рот с намерением ответить, но ему хватило ума воздержаться от этого. А когда Вудворд снова взглянул на трактирщика, тот уже смущенно улыбался, давая понять, что вспышка гнева миновала.

– Это мой дядюшка Эбнер, – заговорщицким шепотом пояснил Шоукомб. – У него котелок прохудился вконец.

Новая фигура возникла из сумрака и протиснулась между Вудвордом и Мэтью к широкому зеву очага с обрамлением из закопченных камней. Щуплая и низкорослая – вряд ли выше пяти футов, – она была облачена в заплатанную шерстяную сорочку болотного цвета, а по спине ее рассыпались длинные темные волосы. В огонь были подкинута толстое сосновое полено и охапка веток с шишками и хвоей. Стало светлее, и перед Мэтью возник бледный профиль девушки с удлинненным подбородком и свисающими на лицо нечесаными прядями. Даже не взглянув в его сторону, она быстро развернулась и исчезла в темноте.

– Мод! Ты чего там расселась? А ну быстро подай рома джентльменам!

Это распоряжение было адресовано еще одной женщине, сидевшей рядом со стариком. Послышался скрип стула, передвигаемого по неровному дощатому полу, затем отрывистый кашель и хриплый вздох, после чего Мод – тощее седовласое привидение в балахоне, сшитом из пары джутовых мешков, – кряхтя и бормоча, проковыляла через комнату к двери рядом с очагом.

– Боже, спаси наши задницы! – проорал Шоукомб вслед этому жалкому существу. – Можно подумать, тут вовек не бывало живых гостей, охочих до жратвы и выпивки! Это ж трактир как-никак, иль ты о том ни сном ни духом?! – Он повернулся к Вудворду и резко сменил тон. – Вы ведь заночуете у нас, сэр? Для вас найдется удобная комната, и стоять это будет сушие гроши. Есть кровать с отменно мягким матрасом, чтобы спина отдохнула после долгой поездки.

– Можно вопрос? – поспешил вмешаться Мэтью прежде, чем его спутник среагирует на это предложение. – Далеко ли отсюда до Фаунт-Ройала?

– До Фаунт-Ройала? Дотудова, молодой господин, езды будет часа два-три – но это по сухой дороге. А в такую погоду оно выйдет вдвое дольше, как пить дать. Да и стемнеет уже скоро. Никому не пожелаю напороться на Одноглаза или краснокожего дикаря посреди ночи, да еще без факела и мушкета. – Шоукомб опять переключил внимание на старшего. – Ну так что, остаетесь ночевать?

– Да, конечно. – Вудворд начал расстегивать мокрый тяжелый сюртук. – Глупо будет ехать дальше в темноте.

– Надо думать, при вас есть поклажа? – Любезная улыбка вмиг сошла с его лица при повороте головы в другую сторону. – Эбнер! Оторви зад от стула и принеси сюда их вещи! Девка, и ты иди с ним!

До того момента девушка неподвижно стояла у дальней стены, опустив голову и скрестив на груди оголенные по локоть руки. Она не издала ни звука, но по команде Шоукомба двинулась к входной двери. На ней были высокие, до колен, сапоги из оленьих шкур.

– В такую погоду даже свиней на улицу не выгоняют! – запротестовал Эбнер, будто приросший к своему стулу.

– Свинью я пожалел бы, а для старого хряка вроде тебя погодка в самый раз! – отрезал Шоукомб, снова используя свой буравящий взгляд. – Живо встал и – за работу!

Недовольно бурча себе в бороду, Эбнер поднялся и побрел вслед за девушкой с такой мучительной медлительностью, словно его ноги были изувечены какой-то ужасной болезнью.

Мэтью уже было собрался выяснить у трактирщика, кто такой этот Одноглаз, однако не смог примириться с мыслью, что девушка и старик – в особенности девушка – будут таскать их тяжелые сундуки.

– Надо им помочь, – сказал он и шагнул в сторону двери, но Шоукомб ухватил его за руку ниже локтя.

– Не стоит. Эти нахлебники бьют баклуши днями напролет, совсем обленились. Пусть разомнутся, хотя бы свой ужин отработают.

Мэтью помедлил, глядя ему прямо в глаза. То, что он там увидел – дремучее невежество, мелочную жадность и, очень возможно, бездумную жестокость, – вызывало дурноту. Он уже неоднократно встречал этого человека – в других облициях, разумеется, – и сразу понял, что перед ним злобный выродок, получающий удовольствие от унижения и травли тех, кто слаб телом или нетверд умом. От него не ускользнул и мимолетный проблеск во встречном взгляде, – похоже, Шоукомб догадался о произведенном им впечатлении. А это значило, что он был не так прост, как поначалу показалось Мэтью. Трактирщик слегка улыбался – точнее, кривил рот в подобии улыбки. Понемногу наращивая усилие, Мэтью попытался освободиться, но Шоукомб, все так же улыбаясь, его не отпускал.

– Как я сказал, им нужно помочь, – повторил Мэтью.

Трактирщик не ослаблял хватку. Между тем Вудворд, все это время пытавшийся стянуть с себя сюртук, наконец-то обратил внимание на маленькую драму, которая разыгрывалась прямо перед ним.

– Да, – сказал он, – полагаю, им потребуется помощь с переноской сундуков.

– Ладно, как скажете, сэр. – Шоукомб тотчас выпустил руку юноши. – Я бы и сам помог, да только спина уже ни к черту. Бывало, тяжеленные мешки ворочал в порту на Темзе, ну и надорва...

Мэтью хмыкнул и, не дослушав его речь, вышел из трактира в синеватые сумерки, на свежий прохладный воздух, теперь казавшийся благословением. Старик уже держал в руках коробку с париками Вудворда, а девчонка обогнула фургон и пыталась взвалить себе на спину один из сундуков.

– Погодите, – сказал Мэтью, шлепая по грязи. – Я помогу.

Он ухватился за одну из кожаных ручек, и в тот же миг девчонка шарахнулась от него, как от прокаженного. При этом ее сторона сундука шмякнулась в грязь, а сама она замерла под дождем, ссутулившись, с налипшими на лицо мокрыми волосами.

– Ха! – фыркнул Эбнер. Кожа у него была тускло-серой, цвета мокрого пергамента, что стало заметно при естественном освещении. – Говорить с ней без толку, еще никто от нее ни слова не дождался. Да она, почитай, уже одной ногой в Бедламе.

– А как ее зовут?

Эбнер помолчал, задумчиво морща покрытый струпьями лоб.

– Девкой и зовут, – ответил он наконец и захохотал с таким видом, словно только что услышал наиглупейший вопрос в своей жизни, после чего унес коробку в дом.

Мэтью повернулся к девушке. Та уже начала трястись от холода, но по-прежнему не издала ни звука и не подняла взгляд от грязевой лужи между ними. Он понял, что придется тащить сундук в одиночку – да и второй, скорее всего, тоже, поскольку на Эбнера надежды было мало. Он посмотрел на небо сквозь ветви окружающих деревьев. В лицо ударили струи дождя, который к тому времени вновь усилился. Не было смысла стоять здесь, утопая в слякоти, и сетовать на судьбу, занесшую его в эту глухомань. С ним случались неприятности и похуже, да и от новых нельзя было зарекаться. А девчонка – кто знает ее прошлое? Да и кого оно может интересовать? Никого. Тогда и ему что за дело? Он поволок сундук по грязи, но перед самым крыльцом остановился.

– Ступай в дом, – сказал он девчонке. – Я сам занесу остальное.

Она не сдвинулась с места. Мэтью предположил, что она так и будет стоять, пока ее не подстегнет очередной окрик Шоукомба.

Впрочем, это была не его забота. Он втащил сундук на крыльцо и, прежде чем перенести его через порог, в последний раз оглянулся. Теперь девчонка распрямилась, запрокинула голову, широко развела руки и, зажмурившись, ловила открытым ртом дождевые капли. И он подумал: может быть, при всем ее безумии, она таким манером пытается смыть запах Шоукомба со своей кожи.

Глава вторая

– Весьма досадное упущение, – сказал Айзек Вудворд после того, как Мэтью заглянул под жалкое подобие кровати с соломенным тюфяком и не обнаружил ночного горшка. – Уверен, они просто недоглядели.

Мэтью уныло качнул головой:

– Я ожидал чего-то более приличного. Даже на сеновале мы смогли бы устроиться лучше.

– Как-нибудь и здесь переживем одну ночевку. – Вудворд повел подбородком в сторону единственного окошка, в закрытый ставень которого настойчиво стучался дождь. – А могли бы и не пережить эту ночь, отправься мы дальше в такую погоду. Так что нам грех жаловаться, Мэтью.

Засим Вудворд вернулся к процессу переодевания. Открыв сундук, он поочередно выудил оттуда свежую льняную рубашку, чистые чулки и светло-серые бриджи, аккуратно раскладывая все это поперек постели и следя, чтобы материя не зацепилась за какой-нибудь гвоздь или щепку. Сундук Мэтью также был открыт, и чистая одежда лежала наготове. Одно из правил Вудворда гласило: независимо от их местонахождения и прочих обстоятельств, к трапезе они всегда должны выходить одетыми как цивилизованные люди. Мэтью не видел особого смысла в том, чтобы всякий раз наряжаться таким кардиналом – особенно перед каким-нибудь скудным ужином, – однако он мог понять Вудворда, без соблюдения таких условностей не ощущавшего себя достойным членом общества.

Вудворд взял подставку для париков и водрузил ее на низкий столик, наряду с кроватью и сосновым стулом составлявший всю меблировку комнаты. Затем на эту круглую болванку был надет один из трех его париков: нейтрального каштанового цвета, с буклями почти до плеч. Далее, при свете чадающей свечи в кованом потолочном подсвечнике, Вудворд приступил к осмотру своей лысины в зеркальце с серебряной оправой, проделавшем вместе с ним путешествие из самой Англии. Его белый череп был испещрен красноватыми пигментными пятнами, каковое зрелище всегда очень расстраивало Вудворда. Уши были опущены жидкой седой порослью. Он разглядывал свои возрастные пятна, стоя посреди комнаты в нижнем белье; круглое брюшко нависало над поясом подштанников, бледные ноги были тощими, как у цапли. Послышался тихий горестный вздох.

– Годы... – промолвил он. – Годы не щадят никого. Всякий раз, глядя в это зеркало, я нахожу новые поводы для огорчения. Береги свою молодость, Мэтью. Это величайшая ценность.

– Да, сэр.

Ответ прозвучал по-будничному невыразительно. Эта тема была далеко не новой для Мэтью, ибо Вудворд нередко впадал в лирику, рассуждая о печальных признаках старения. Мэтью начал надевать через голову чистую белую рубашку.

– А ведь когда-то я был хорош собой, – продолжил Вудворд. – Я был красив. – Он повернул зеркало под другим углом, исследуя возрастные пятна. – Красив и тщеславен. А сейчас осталось только тщеславие, увы.

Он пригляделся. Кажется, пятен стало больше с тех пор, как он их в последний раз пересчитывал. Да, определенно больше. Значит, больше и напominаний о бренности бытия, об отведенном ему времени, утекающем, как вода из худого ведра. Резким движением он убрал зеркало в сторону.

– Сдаю помаленьку, не так ли? – обратился он к Мэтью с еле заметной улыбкой. – Можешь не отвечать. Сегодня обойдемся без самообличений. Эх, где моя былая гордость?

Он снова полез в сундук и на сей раз – с превеликой осторожностью и даже благоговением – извлек оттуда камзол. Но отнюдь не простой камзол. Темно-коричневый – цвета густого

французского шоколада, – с подкладкой из превосходного черного шелка. Он был украшен тонкими полосками золотой тесьмы, которая заблестела отраженным светом, когда Вудворд расправил камзол, двумя руками подняв его перед собой. Такая же тесьма обрамляла два небольших полускрытых кармана, а все пять пуговиц были вырезаны из слоновой кости, которая с течением лет приобрела грязновато-желтый оттенок, но все же оставалась благородной слоновой костью. Замечательный наряд, реликвия из прошлой жизни Вудворда. Впоследствии бывали дни, когда его рацион состоял только из сухарей и диких ягод, когда в его кладовой – как и в его карманах – гулял ветер, но и тогда ему даже в голову не приходило продать камзол на рынке Чарльз-Тауна, хотя за него можно было бы выручить весьма приличную сумму. Эта вещь напоминала о его прежнем статусе состоятельного джентльмена, и Вудворду не раз случалось засыпать, прижимая к груди камзол как будто в надежде, что тот навеет сны о более счастливых лондонских временах.

Прямо над хижиной грянул раскат грома. Мэтью обнаружил протечку в одном из углов комнаты: вода сбегала по неотесанным бревнам и лужицей скапливалась на полу. Он также заметил тут и там крысиный помет и по размерам кучек предположил, что местные грызуны могут быть даже крупнее своих городских сородичей. Посему он решил попросить у Шоукомба дополнительную свечку и держать ее под рукой; а вздремнуть, если это удастся вообще, можно будет и сидя.

Пока Мэтью облачался в темно-синие брюки и черный сюртук, Вудворд натянул чулки, серые бриджи – несколько жавшие в поясе – и белую рубашку. Затем сунул ноги в сапоги, по возможности очищенные от грязи, после чего надел и застегнул свой драгоценный камзол. Настал черед парика, затем подправленного перед ручным зеркальцем. Вудворд ощупал лицо, проверяя, насколько чисто он побрился над тазиком с дождевой водой, которую Шоукомб принес им для умывания. Последним предметом одежды был бежевый сюртук – порядком измятый, но стойко перенесший не одно путешествие. Мэтью пригладил щеткой непокорный ежик черных волос, и наконец оба гостя были готовы к встрече с хозяином.

– Входите и располагайтесь! – возгласил Шоукомб, когда Вудворд и Мэтью показались в дверях общего зала.

Дыма здесь не поубавилось, – напротив, он стал еще более густым и едким. Сумрак отчасти рассеивался несколькими свечами, а перед очагом Мод и девчонка суестились у булькающего котла, подвешенного на крюке над багровыми углями. Шоукомб стоял посреди комнаты с объемистой деревянной кружкой рома в руке; другой рукой он сделал жест, приглашающий постояльцев к столу. По тому, как он сохранял – точнее, пытался сохранить – равновесие, было видно, что напиток уже возымел свое действие. Он оглядел вошедших и громко, с нарастающей силой, присвистнул.

– Боже, харкни в короля, это что, всамделишное золото?

Вудворд не успел податься назад, и грязная пятерня трактирщика, дотянувшись до камзола, заскользила по золотой тесьме.

– И сукнецо первостатейное! Эй, Мод, ты только глянь! Да он весь разодет в золото, ты хоть раз видала такое?

Старуха – чье лицо при свете очага напоминало маску из растрескавшейся глины, отчасти прикрытую длинными белыми космами, – оглянулась через плечо и издала ряд звуков, которые могли быть как невнятной репликой, так и просто сильным клекотом. После этого она вернулась к своему занятию, помешивая варево и бормоча какие-то распоряжения или упреки в адрес девушки.

– Да вы важные птицы, как я погляжу! – заявил Шоукомб с широкой ухмылкой, которая напрашивалась на сравнение с рваной раной от удара тесаком. – Золотой павлин и черный дрозд, ни дать ни взять! – Он выдвинул стул из-за ближайшего стола. – Садитесь и расправляйте свои перышки!

Вудворд, чье достоинство было задето этой выходкой, взял другой стул и опустился на него со всем аристократическим изяществом, на какое только был способен. Мэтью садиться не стал и, глядя в лицо Шоукомбу, произнес:

– Ночной горшок.

– Чаво? – Кривая ухмылка застыла на физиономии трактирщика.

– Ночной горшок, – повторил молодой человек. – У нас в комнате его нет.

– Горшок, значит. – Шоукомб приложился к своей кружке, и ромовый ручеек сбежал по его подбородку. Ухмылка исчезла, а зрачки сузились до размеров булавочной головки. – Ночной, черт раздери, горшок? А лес вокруг чем вам плох? Коль приспичит отлить или продристаться, шпарьте туда. Зады можно листьями потереть. А сейчас давайте к столу, ужин почти готов.

Мэтью остался стоять. Сердце его забилося быстрее. Он физически ощущал напряжение, которое повисло в воздухе между ними и стесняло дыхание так же, как и этот едкий дым. Вены на толстой шее трактирщика вздулись, набухая кровью, а на лице читался злобный вызов: он явно хотел, чтобы Мэтью его ударил и тем самым нарвался на ответ, куда более сильный и яростный. Пауза затягивалась, Шоукомб ждал следующего хода Мэтью.

– Успокойся, – негромко произнес Вудворд и взял Мэтью за рукав. – Присядь.

– В гостевой комнате должен быть ночной горшок, – упорствовал Мэтью, продолжая игру в гляделки. – Или хотя бы простое ведро.

– Мой юный господин... – Теперь голос Шоукомба сочился фальшивым сочувствием. – Вам пора бы уразуметь, где находитесь. Это не королевский дворец, и о культурных обхождениях тут никто сроду не слыхивал. У себя в Чарльз-Тауне вы, может, и привыкли тужиться над расписными вазами, но здесь мы это делаем за сараем, так уж оно повелось. И потом, вы ж не хотите, чтобы юная девица убирала за вами дерьмо. – Он насмешливо поднял брови. – Это будет как-то не по-джентльменски.

Мэтью молчал. Вудворд тянул его за рукав, сознавая, что по такому поводу в драку лезть негоже.

– Мы как-нибудь обойдемся без горшка, мистер Шоукомб, – сказал Вудворд, когда Мэтью неохотно последовал его призыву и сел. – Так что у нас сегодня на ужин?

«Бах!» – громкий, как пистолетный выстрел, хлопок заставил их подпрыгнуть на стульях. Они повернулись в сторону очага, откуда донесся звук, и увидели старуху с увесистым деревянным молотком в руке.

– Застукала тварюку! – прохрипела карга и торжествующе подняла другую руку, двумя пальцами держа за кончик хвоста большую черную крысу с перебитой спиной, еще дергавшуюся в предсмертных конвульсиях.

– Ну так и сбagri ее с глаз долой! – распорядился Шоукомб.

Вудворд и Мэтью уже были готовы к тому, что добыча отправится в общий котел, однако же старуха добрела до окна, открыла ставень и выбросила полудохлого грызуна в штормовую тьму.

Распахнулась дверь, и в проеме возникла крыса иной породы, вместо хвоста волоча за собой шлейф ругательств и проклятий. Дядюшка Эбнер промок насквозь, вода капала с его бороды и одежды, а сапоги были покрыты толстым слоем грязи.

– Конец треклятого света, вот что это такое! – объявил он, закрыв дверь на засов. – Скоро всех нас смоет с лица земли, помяните мое слово!

– Ты задал корм лошадям?

Ранее Шоукомб приказал Эбнеру разместить лошадей и фургон путников под навесом у сарая, а также позаботиться о трех других клячах с провислыми спинами.

– Знамо дело.

– Не напортачил в этот раз? Ежели снова бросил их под дождем, я твой пердак на ремни порежу!

– Да в сарае они этом чертовом, а ты посмоктай мой стручок, коль не веришь на слово!

– Следи за пастью, покудова я ее не заштопал! А ну, бегом принес этим джентльменам рома!

– Больше с места не сдвинусь! – взвыл старик. – И так уже промок до самой селезенки!

– Лично я предпочел бы эль, – сказал Вудворд, вспоминая, как недавно чуть не сжег себе глотку, угостившись ромом Шоукомба. – Или чай, если он у вас есть.

– И я тоже, – сказал Мэтью.

– Ты слышал этих джентльменов! – напустился трактирщик на своего горемычного дядюшку. – Быстро носи эль! Самый лучший, какой есть в доме! Бегом, я сказал!

Он сделал пару шагов к старику, угрожающе поднимая тяжелую кружку как будто с намерением раскроить череп Эбнера, и попутно облил своих гостей вонючей жидкостью. Мэтью мрачно взглянул на Вудворда, но тот лишь покачал головой, не желая участвовать в этой пошлой комедии. Подмоченная бравада дядюшки спасовала перед гневом племянника, и Эбнер спешно отбыл в кладовую, напоследок грязно, со всхлипом выругавшись.

– Кой-кому нужно порой напоминать, кто в доме хозяин! – заявил Шоукомб, выдвигая стул и без приглашения подсаживаясь к путникам. – Прошу меня понять, джентльмены! Я здесь куда ни гляну, всюду вижу только недоумков!

«В том числе и в зеркале», – про себя добавил Мэтью.

Вудворд поерзал на стуле.

– Не сомневаюсь, что управляться с трактиром – дело очень хлопотное.

– Воистину так, видит Бог! Здесь бывают проезжие, но их совсем не густо. Пробавляюсь кой-какой торговлишкой с трапперами да индейцами. Правда, я тут осел недавно, всего месяца три-четыре тому.

– Вы сами построили этот дом? – спросил Мэтью, уже заметивший в зале с полдюжины мест, где бодрая капель свидетельствовала о прорехах в крыше.

– Своими руками. Каждое бревно, каждую доску.

– И больная спина не помешала вам валить лес и поднимать бревна?

– Какая больная спина? – озадачился Шоукомб. – О чем вообще речь?

– Я о спине, которую вы надорвали, ворочая тяжелые мешки. Вы же сами рассказывали о своей работе в порту на Темзе. Я так понял, что полученная травма не позволяет вам поучаствовать в переноске... к примеру... обычных дорожных сундуков.

Лицо Шоукомба окаменело. Прошло несколько секунд, и показался кончик языка, облизнувший нижнюю губу. Трактирщик вымученно улыбнулся.

– Ах да, – медленно проговорил он, – моя спина. Что ж... у меня был напарник. Он-то и корячился с бревнами. Еще мы наняли пару-другую краснокожих и расплатились с ними побрякушками. Я это к тому, что... у меня ломит спину больше в сырую погоду. А в иные дни я как огурчик.

– А где теперь ваш напарник? – поинтересовался Вудворд.

– Заболел, – последовал быстрый ответ. При этом трактирщик по-прежнему смотрел на Мэтью. – Лихоманка скрутила. Совсем измаялся бедолага и под конец уехал в Чарльз-Таун.

– А почему он не отправился в Фаунт-Ройал? – продолжил Мэтью. В нем уже пробудился инстинкт ищейки: что-то здесь было нечисто. – Ведь там тоже есть доктор, не так ли?

– Знать не знаю, отчего да почему. Вы спросили, я ответил. Он уехал в Чарльз-Таун.

– Вот! Этого добра у нас довольно, чтоб упиться вусмерть!

Две деревянные кружки, налитые до краев, брякнулись на середину стола, после чего Эбнер – продолжая бормотать проклятья – пошел обсыхать к очагу.

– Это суровый край, – задумчиво молвил Вудворд, стараясь снять напряжение, возникшее между двумя его соседями за столом. Он подвинул к себе одну из принесенных кружек и с досадой обнаружил на поверхности эля маслянистую пленку.

– Это суровый *мир*, – поправил его Шоукомб и только теперь отвел взгляд от Мэтью. – Выпьем, джентльмены.

И он припал к своей кружке.

Вудворд и Мэтью проявили разумную осторожность, сначала лишь пригубив это пойло, и были сполна вознаграждены за такой недостаток смелости. Судя по вкусу, эль варили из перебродивших кислых яблок, а крепость была такова, что у обоих свело челюсти и перехватило дыхание. Вдобавок у Мэтью слезы навернулись на глаза, а у Вудворда защищало под париком – должно быть, выступила испарина. Тем не менее оба проглотили жидкость.

– Этот эль я достаю у индейцев. – Шоукомб вытер губы тыльной стороной ладони. – Ежели перевести с их языка, его название означает «змеиный укус».

– Я и впрямь чувствую себя укушенным, – заметил Вудворд.

– Второй глоток пойдет не в пример легче. А кто ополовинит кружку, заделается рыкающим львом или же заблеет, как агнец. – Шоукомб отхлебнул еще и прополоскал рот ромом, прежде чем его проглотить. Затем водрузил ноги на край столешницы и откинулся на спинку стула. – А позвольте узнать, по какому делу вы едете в Фаунт-Ройал?

– По судебному, – ответил Вудворд. – Я мировой судья.

– А-а-а, – протянул Шоукомб с понимающим видом. – Вы, сталбыть, оба – люди мантии?

– Нет, Мэтью – мой секретарь.

– Это все из-за тамошней заварухи, я угадал?

– Да, ситуация вызывает определенное беспокойство, – обтекаемо выразился Вудворд, не зная, много ли известно трактирщику о событиях в Фаунт-Ройале, и не желая снабжать его дополнительными нитями, из которых он смог бы сплести историю для проезжих слушателей.

– Будьте покойны, я и так знаю всю подноготную, – заверил его Шоукомб. – Никакой это не секрет. В последние пару месяцев тут уйма гонцов носилась туда-сюда, и я от них много чего наслушался. Скажите мне только одно: вы ее повесите, сожжете или обезглавите?

– Во-первых, обвинения против нее еще должны быть доказаны. Во-вторых, лично я не привожу в исполнение приговоры, это не входит в мои обязанности.

– Но *выносить* этот приговор будете вы, верно? Ну так скажите, каким он будет?

Чувствуя, что отвязаться от назойливых расспросов будет трудно, Вудворд решил ответить по существу.

– Если ее признают виновной, в данном случае наказанием будет повешение.

– Всего-то? – Шоукомб пренебрежительно взмахнул рукой. – Как по мне, надобно сперва оттяпать ей башку, потом сжечь всю без остатка и бросить пепел в море! Они ж не выносят соленой воды, знамо дело. – Он повернул голову в сторону очага. – Эй, вы там! Долго еще ждать ужина?

Мод что-то сердито прокаркала в ответ, брызнув длинной струйкой слюны.

– Тады заканчивай с этим быстрее! – Он сделал еще один глоток рома и вновь обратился к гостям. – Вот как я это вижу: Фаунт-Ройал надобно закрыть, спалить там все дотла, и дело с концом. Коли Дьявол облюбовал себе какое местечко, сладить с ним можно только огнем. Вы можете ее вешать или казнить на какой вам угодно манер, но Дьявол уже взял в оборот Фаунт-Ройал, и спасенья от этого нет.

– Я считаю это самой крайней мерой, – сказал Вудворд. – В других местах бывали схожие проблемы, но после исправления ситуации те поселки остались в целости, а иные процветают по сей день.

– Ну, я-то уж точно не захотел бы жить в Фаунт-Ройале или еще каком месте, где до того Дьявол гулял по улицам, как у себя дома! Наша жизнь и без того ни к черту, так не хватало еще,

чтобы на меня нагнали порчу, покуда я дрыхну. – Он громко прочистил горло, подчеркивая значимость сказанного. – Оно конечно, сэр, языком чесать вы мастак, но быюсь об заклад, вам не захочется жить там, где в любом темном проулке вас может подловить сам Сатана! Так что вот вам добрый совет от простого трактирщика, сэр: снесите башку этой дьяволице и прикажите сжечь весь городишко дотла.

– Я не стану притворяться, будто знаю ответы на все загадки, равно богоданные и богопротивные, – ровным голосом произнес судья, – но не стану и отрицать, что ситуация в Фаунт-Ройале сложилась нездоровая.

– И чертовски опасная... – Шоукомб собирался продолжить фразу, но так и застыл с открытым ртом. Вследствие обильных возлияний его мысли рассеялись, и теперь, отвлекшись от невзгод Фаунт-Ройала, он вновь залюбовался золоченым камзолом судьи.

– Знатно сработано, спору нет, – одобрил он и потянулся грязной лапищей, чтоб еще раз пощупать материю. – Где вы это раздобыли? В Нью-Йорке?

– Это... мне подарила жена. В Лондоне.

– Я тоже был женат когда-то. И одного раза мне хватило с лихвой. – У него вырвался отрывистый безрадостный смешок, тогда как его пальцы продолжали мусолить ткань, к великому неудовольствию Вудворда. – Ваша жена сейчас в Чарльз-Тауне?

– Нет. – Голос Вудворда как будто немного подсел. – Моя жена... осталась в Лондоне.

– А моя на дне клятой Атлантики. Загнулась в пути, вся на понос изошла. Обмотали ее парусиной и вышвырнули за борт. Скажите, а такой вот знатный жилет... он сколько может стоять?

– Больше, чем будет готов заплатить кто бы то ни было, – отрезал Вудворд и демонстративно отодвинулся вместе со стулом на несколько дюймов, так что рука трактирщика зависла в воздухе.

– Дайте место! Ишь, растопырились тут! – Мод брякнула на стол перед судьей и Шоукомбом две деревянные миски, наполненные темно-коричневой бурдой.

Мэтью в то же время обслужила девчонка – поставив миску, она крутнулась на месте и тотчас ушла обратно к очагу. При этом край ее одежды задел руку Мэтью, а поднятый быстрым движением ветерок донес до его ноздрей целый букет запахов. Разумеется, пахло немытым телом, но этот запах перекрывался другим – резким, мускусным, кисловато-сладким, – и внезапно, как удар кулаком в грудь, его осенило понимание, что это был аромат ее интимных мест.

Трактирщик шумно втянул воздух носом и посмотрел на Мэтью, провожавшего девчонку расширенными глазами.

– Эй! – рявкнул Шоукомб. – Ты на что zenки пялишь?

– Ни на что. – Мэтью перевел взгляд на свою миску.

– Ну-ну.

Девчонка вернулась с тремя деревянными ложками. И вновь ее юбка задела Мэтью, который дернулся так, словно его в локоть ужалила оса. Тот же запах опять ворвался ему в ноздри. Сердце вдруг сильно заколотилось. Взявшись за ложку, он обнаружил, что ладонь вспотела. А затем ощутил на себе пристальный взгляд Шоукомба, который читал юношу как открытую книгу.

В глазах трактирщика плясали отблески свечей. Он облизнул губы, прежде чем заговорить.

– На закуску и этот кусочек сойдет, верно?

– Простите, сэр?

Шоукомб сально ухмыльнулся:

– Небось, не прочь пошурудить в ее корзинке?

– Мистер Шоукомб! – вмешался Вудворд, который понял намек и посчитал такие речи недопустимыми. – Будьте добры сейчас же...

– О, вы оба можете с ней поразвлечься, была бы охота. Обойдется вам в гинею на двоих.

– Это исключено! – Щеки Вудворда побагровели. – Я ведь сказал вам, что я женатый человек!

– Да, но женушка-то в Лондоне, ведь так? Или станете уверять, будто у вас на елде написано ее имя?

Если бы снаружи не свирепствовал шторм, если бы их лошади не получили укрытия, если бы имелся хоть какой-то шанс переночевать в другом месте, Вудворд с максимально возможным достоинством поднялся бы из-за стола, чтобы немедленно распрощаться с этим отвратительным наглецом. В глубине души он испытывал сильнейшее желание хорошей оплеухой снести похабную ухмылочку с его физиономии. Однако Вудворд был джентльменом, а джентльмены себе таких вещей не позволяют. Посему он проглотил свой гнев и отвращение – будто разом выпил ведро желчи – и сухо произнес:

– Сэр, я храню верность своей супруге. Буду очень признателен, если вы примете это к сведению.

Вместо ответа Шоукомб сплюнул на пол и повернулся к молодому человеку:

– Ну а как насчет вас? Не прочь вставить разок-другой? Скажем, за десять шиллингов?

– Я... я только хочу сказать, что...

Мэтью взглядом попросил помощи у Вудворда, поскольку в действительности сам не знал, что хочет сказать.

– Сэр, – произнес Вудворд, – вы ставите нас в неловкое положение. Сей молодой человек... большую часть жизни провел в сиротском приюте. Соответственно... – Он наморщил лоб в попытке деликатно сформулировать следующую мысль. – Вы должны понимать... что его опыт в некоторых вещах весьма ограничен. В частности, ему пока еще не представлялась возможность...

– Пречистая блудница! – воскликнул, прервав его, Шоукомб. – То есть он еще ни разу не был с девкой?

– Ну... как я уже сказал, его жизненный опыт доселе не...

– Чего уж там, давайте без экивоков! Он гребаный девственник, вы к этому ведете?

– Мне кажется, одно из слов в вашем определении вступает в некоторое противоречие с другим, но в целом... да, сэр, именно это я имел в виду.

Шоукомб изумленно присвистнул, а взгляд, которым он окинул Мэтью, заставил молодого человека залиться краской.

– Мне еще не попадались юнцы вроде тебя, сынок. Даже не слыхивал о таких, разрази меня гром, коли вру! Сколько ж тебе лет?

– Мне... двадцать, – пробормотал Мэтью. Его лицо буквально пылало.

– Двадцать лет – и ни единой киски на счету? Да как у тебя яйца не полопались?

– Кстати, не мешало бы уточнить и возраст девушки, – сказал Вудворд. – Должно быть, ей нет еще и пятнадцати?

– А который у нас нынче год?

– Тысяча шестьсот девяносто девятый.

Шоукомб начал считать в уме, загибая пальцы. Между тем Мод принесла деревянное блюдо с ломтями бурого кукурузного хлеба и тотчас удалась. Трактирщик, похоже, был не в ладах с арифметикой: запутавшись в подсчетах, он опустил руку и с ухмылкой сказал Вудворду:

– Да чего там, она уже всяко поспела: сочная, как инжирный пудинг.

Тут Мэтью потянулся за «змеиным укусом» и сделал большой – чтоб не сказать жадный – глоток.

– Как бы то ни было, – сказал Вудворд, – мы оба отклоняем ваше приглашение.

Он взял свою ложку и погрузил ее в жидковатое варево.

– А я вас и не приглашал никуда. Просто предложил сделку. – Шоукомб глотнул еще рома и тоже приступил к еде.

– Дичайшая вещь из всех мною слышанных! – бубнил он с полным ртом, из уголков которого стекал соус. – Сам я вовсю драл девок уже в двенадцать лет.

– Одноглаз... – подал голос Мэтью, давно хотевший об этом спросить, тем более что данный вопрос не хуже любого другого годился для того, чтобы отвлечь Шоукомба от щекотливой темы.

– Чаво?

– Ранее вы упомянули какого-то Одноглаза. – Мэтью макнул кусок хлеба в соус и начал его жевать. Хлеб сильно отдавал гарью, перебивавшей вкус кукурузы, но бурда оказалась вполне съедобной. – Кто это?

– Это всем зверюгам зверюга. – Шоукомб поднес миску ко рту и отпил через край. – На дыбах футов семь, а то и все восемь будет. Черный, как шерсть под хвостом у Дьявола. Один глаз ему выбило индейской стрелой, да разве ж одной стрелой такого завалишь? Нет уж, сэр! Оттого он, как говорят, токо стал яриться пуще прежнего. Яриться и кровожадничать. Запросто может содрать с человека лицо и слопать его мозги на завтрак.

– Одноглаз – это чертов медведь! – пояснил Эбнер, все еще сушившийся у очага. – Агротмадный! Больше коня! Больше кулака Господня, так-то вот!

– И вовсе он не медведюга.

Шоукомб повернул голову в сторону последней реплики, блеснув потеками жира на подбородке.

– А? Чаво ты там вякнула?

– Не медведюга он вовсе.

Мод приближалась к столу, вырисовываясь темным силуэтом на фоне огня. Голос у нее был все таким же сиплым и каркающим, однако она старалась говорить медленно и отчетливо. Насколько поняли Вудворд и Мэтью, эта тема волновала ее всерьез.

– Ясное дело, медведь! – сказал Шоукомб. – А ежели не медведь, то кто он, по-твоему?

– Не простой медведь, – поправила старуха. – Я-то его повидала, а ты вот нет. И я знаю, кто это.

– Совсем уже сбрендила, как и все они тут, – сказал трактирщик Вудворду, пожимая плечами.

– Уж я его *повидала*, – с нажимом повторила старуха. Она подошла к столу и остановилась рядом с Мэтью. Свечи высветили морщинистое лицо, но глубоко посаженные глаза оставались в тени. – Я тогда стояла у двери. На самом пороге, значит. А мой Джозеф шел к дому. И наш мальчик с ним. Гляжу, они идут от леса через поле, оленя несут на шесте. Я с фонарем вышла на крыльцо, зову их... и тут прям за ними встает эта тварь! Невесть откуда он взялся... – Ее правая рука поднялась, и костлявые пальцы сомкнулись на ручке незримого фонаря. – Хотела крикнуть мужу... но не смогла... – Она поджала губы и, помолчав, хрипло продолжила: – Я пыталась... пыталась... но Господь отнял у меня голос.

– Бражка дрянная его у тебя отняла, так оно будет вернее! – хохотнул Шоукомб.

Старуха ему не ответила. Она молчала, по крыше молотил дождь, в огне потрескивали смолистые ветки. Наконец она издала долгий прерывистый вздох, полный печали и смирения с судьбой.

– Враз убил нашего мальчика, Джозеф не успел и обернуться, – сказала она, не обращая ни к кому конкретно, хотя Мэтью показалось, что она в эту минуту смотрит на него. – Снес ему голову когтями, одним махом. Потом подмял моего мужа... тут уж никак не спастись. Я подбежала, фонарем в него кинула, да куда там – ведь он был прям как гора. Ужас какой здоровущий. Повел черным боком, как от мелкого укуса, и утащил оленя в лес, а меня оставил там. Джозеф был разодран от шеи до живота, все кишки наружу. Он умирал еще три дня.

Старуха покачала головой, и Мэтью заметил влажный блеск в глубине ее глазных впадин.

– Боже правый! – промолвил Вудворд. – А что соседи? Неужто никто не пришел к вам на помощь?

– Суседи? – Она явно удивилась вопросу. – Да откуда им там взяться, суседам? Мой Джозеф траппером был да с индейцами приторговывал. Тем и жили. Я вот к чему это говорю: Одноглаз не простой медведюга. На этой земле всюду тьма... всюду зло и зверство. Ты ждешь мужа и сына с охоты, светишь и кричишь им с крыльца, и вдруг это чудище откуда ни возьмись... и всему конец, и у тебя уже нет никого на белом свете. Вот что такое Одноглаз.

Ни Вудворд, ни Мэтью не знали, как реагировать на эту жуткую историю, зато Шоукомб, на протяжении рассказа Мод активно работавший ложкой и отправлявший в рот куски хлеба, с реакцией не задержался.

– Проклятье! – вскричал он, хватаясь за челюсть и кривясь от боли. – Что ты насовала в этот дерьмовый хлеб, женщина?!

Он покопался пальцами во рту и вынул оттуда небольшой темно-коричневый предмет.

– Чуть зубы не сломал об эту гадость! Ох, черт возьми! – Только теперь он разглядел свою находку. – Так это ж и впрямь сраный зуб!

– Не иначе как мой, – предположила Мод. – У меня шаталось несколько штук нонче утром.

Она сцапала зуб с ладони трактирщика, прежде чем тот успел что-либо ответить, покинула мужскую компанию и вернулась к своим хлопотам у очага.

– Старая хрычовка рассыпается заживо! – мрачно посетовал Шоукомб, сполоснул рот ромом и, проглотив его, возобновил прерванную трапезу.

Вудворд посмотрел на ломоть хлеба, ранее положенный им в миску, и вежливо кашлянул.

– Кажется, мой аппетит пошел на убыль, – сказал он.

– Что, больше не голодны? Тады оставьте это мне!

Шоукомб взял миску судьи и вывалил ее содержимое в свою. Ложкой он не пользовался, предпочитая ей собственные руки; жирный соус капал с его губ и покрывал пятнами рубашку.

– Слышь ты, писарь! – с набитым ртом обратился он к Мэтью, размышлявшему, стоит ли утоление голода риска проглотить гнилой зуб. – Ежели захочешь попробовать девку, я накину десять центов за то, чтоб на это взглянуть. Не каждый день увидишь девственника на его первой мохнатке.

– Сэр! – возмущенно возвысил голос Вудворд. – Помнится, я уже дал вам отрицательный ответ на сей счет.

– А почему вы говорите от его имени? Вы ему родной папаша, что ли?

– Нет, но я его опекаю.

– С каких это пор двадцатилетним мужчинам нужна чья-то опека?

– В этом мире полно волков, мистер Шоукомб, – сказал Вудворд, многозначительно поднимая брови. – И молодой человек должен быть очень осторожен, чтобы не стать их жертвой.

– По мне, так уж лучше волчья стая, чем заунывное нытье святош, – заявил трактирщик. – Сожрать они тебя, быть может, не сожрут, но со скуки подохнешь беспрерывно.

Образ волков, терзающих человеческую плоть, напомнил Мэтью об еще одной загадке. Он подвинул свою миску к трактирщику и начал:

– Две недели назад из Чарльз-Тауна в Фаунт-Ройал отправился другой мировой судья. Его звали Тимон Кингсбери. Он к вам не заглядывал?

– Не-а, такого здесь не было, – ответил Шоукомб, не прекращая жевать.

– В Фаунт-Ройал он не прибыл, – продолжил Мэтью. – Скорее всего, он остановился бы здесь, если только...

– Может, он просто не добрался досюда, – прервал его Шоукомб. – Мог схлопотать дубинной по башке от лихих ребят, что озоруют на большой дороге всего-то в лиге от Чарльз-Тауна.

Или им закусил Одноглаз. В этих краях одинокий путник всегда, почитай, играет с адским огнем.

Мэтью обдумал эти слова под шум ливня, сотрясающего крышу. Вода с потолка уже не капала, а бежала ручейками; лужи на полу разрастались.

– А ведь я не говорил, что он ехал без сопровождения, – произнес наконец Мэтью.

В работе челюстей Шоукомба случился небольшой сбой.

– Но вы назвали только одно имя, разве не так?

– Да. Но я мог просто обойти упоминанием его секретаря.

– Да какого черта?! – Шоукомб с громким стуком опустил миску на стол. – Один он был или нет, что это меняет?

– Он был один, – спокойно сказал Мэтью. – Его секретарь заболел в ночь накануне поездки. – Он задержал взгляд на горящей свече, на черных витках дыма над оранжевым язычком пламени. – Хотя, не думаю, что это так уж важно.

– Вот и я о том же. – Шоукомб сердито взглянул на Вудворда. – Он ко всем так пристаёт с вопросами?

– Он очень любознательный юноша, – ответил судья. – И голова у него светлая.

– Ишь ты... – Шоукомб вновь повернулся к Мэтью, у которого возникло отчетливое и крайне неприятное ощущение, будто на него уставился раструб заряженного мушкетона со взведенным курком. – Тока гляди, чтобы тебя, такого светлого, кто-нибудь не притушил ненароком.

Еще несколько долгих секунд Шоукомб пронзал его взглядом, а затем налег на еду, отодвинутую молодым человеком.

Оба путника, сославшись на усталость, поспешили удалиться сразу после того, как Шоукомб объявил, что Эбнер сыграет на скрипке для их «увеселения». Вудворд уже некоторое время всеми силами сдерживал естественные позывы тела, но теперь, не в силах более противиться природе, был вынужден надеть свой походный сюртук, взять фонарь и выйти под ливень.

В гостевой комнате, при свете одинокой свечи, Мэтью слушал барабанную дробь по крыше и пиликанье скрипки Эбнера: гостей все же решили увеселить независимо от их желания. В довершение всех неприятностей, Шоукомб начал прихлопывать и подвывать, большей частью не в такт музыке. В углу комнаты скреблась крыса, по всей видимости не менее постоянно раздраженная этой какофонией.

Он сидел на соломенном тюфяке, сомневаясь, что сможет заснуть этой ночью даже после столь утомительной поездки. С крысами в комнате и кошачьим концертом за стенкой это будет непросто. Можно было заняться составлением и решением математических задач – на латыни, разумеется. Обычно это помогало ему расслабиться в сложных ситуациях.

«Не думаю, что это так уж важно», – сказал он Шоукомбу касательно путешествия судьи Кингсбери в одиночку. Хотя на самом деле Мэтью считал это важным обстоятельством. Отправляться в дальний путь без сопровождения было необычным и даже – как верно заметил Шоукомб – безрассудным поступком. Но, поскольку Мэтью ни разу не видел судью Кингсбери трезвым, легко можно было предположить, что алкоголь сказался на его умственных способностях. Однако же трактирщик был изначально уверен, что Кингсбери ехал в одиночку. Он не спросил: «Был ли он один?» или «Кто был вместе с ним?». Нет, он сказал утвердительно, как о чем-то известном ему наверняка: «Одинокий путник».

Между тем скрипка достигла ужасающе высоких нот. Мэтью вздохнул и покачал головой, сетуя на унижительную беспомощность своего положения. Зато у них, по крайней мере, имелась крыша над головой. Продержится ли крыша до конца ночи – это уже был другой вопрос.

Он все еще чувствовал запах той девчонки.

Этот запах застал его врасплох и до сих пор оставался с ним – то ли в ноздрях, то ли в мозгу, он не мог сказать точно. «Не прочь вставить разок-другой?»

Да, подумал Мэтью. Математические задачи. «Сочная, как инжирный пудинг». И непременно на латыни.

Скрипка стонала и взвизгивала, Шоукомб начал притопывать. Мэтью пристально смотрел на дверь, запах девушки звал его.

Во рту пересохло. Желудок как будто скрутило каким-то немыслимым узлом. Да, думал он, заснуть этой ночью будет непросто.

Очень, очень непросто.

Глава третья

Мэтью вздрогнул и открыл глаза. От свечи остался лишь кургузый огарок, мерцавший тускло-желтым светом. Рядом на жесткой соломе шумно храпел Вудворд; рот его был приоткрыт, мясистая складка на подбородке подрагивала в такт храпу. Еще через несколько секунд Мэтью почувствовал влагу на левой щеке. А когда с протекающего потолка ему на лицо упала вторая капля, он рывком сел, выругавшись сквозь стиснутые зубы.

Это внезапное движение заставило крысу – очень крупную, судя по звуку – с паническим писком и цокотом когтей шмыгнуть в свою нору под стеной. Перестук падающей на пол капли обрел чуть ли не симфонический размах. Мэтью подумал: не пора ли приступить к строительству ковчега? Возможно, Эбнер был прав насчет близкого конца света и год 1700-й так никогда и не будет отмечен в календарях.

Как бы то ни было, Мэтью ощутил потребность внести в этот потоп и свою малую лепту. А то и нечто посolidнее, учитывая накопившуюся тяжесть в кишечнике. Ничего не поделаешь, придется выходить под дождь и справлять нужду по-простецки, на корточках. Он мог бы потерпеть еще какое-то время, но некоторые вещи долго сдерживать невозможно. Уж лучше, пока не прижало совсем, без спешки посетить кусты за сараем, позволив крысам тем временем заниматься своими крысиными делами на полу комнаты. Ну а если – не приведи Господь – ему придется еще раз отправиться в такую поездку, он уж точно не забудет прихватить ночной горшок.

Он поднялся с пыточного ложа, именовавшегося здесь постелью. В трактире было тихо – наступил самый глухой час ночи. В отдалении рокотал гром; гроза по-прежнему висела над колонией Каролина как парящий чернокрылый стервятник. Мэтью сунул ноги в башмаки. Не имея плаща или иной одежды из плотной материи, он поверх фланелевой нижней рубашки надел кастановый дорожный сюртук судьи, еще влажный после недавнего похода Вудворда за той же надобностью. Сапоги судьи, стоявшие подле кровати, были облеплены комьями грязи, счистить которую могла бы только жесткая щетка из свиной щетины. Мэтью не хотел брать с собой единственную свечу: ее все равно быстро загасит дождь, а в отсутствие света обитатели нор в стенах обнаглеют совсем. Посему он решил взять в соседней комнате фонарь, надеясь, что света от него хватит, чтобы за сараем не наступить в тамошнее «гадкое месиво», по определению Вудворда. Заодно и лошадей можно проверить, раз уж он будет вблизи сарая.

Он уже начал поднимать щеколду на двери, когда судья перестал храпеть и тихо застонал. Лицо Вудворда под пятнистым куполом лысины кривилось и подрагивало. Мэтью задержался, разглядывая его при тусклом свете. Губы судьи шевелились, веки трепетали.

– Ох... – прошептал он вполне отчетливо, так что даже в столь тихом голосе Мэтью смог уловить страдальческие нотки.

– Охxxx... – повторил Вудворд, терзаемый какими-то кошмарными видениями. – Ему больно, Анна... – Последовал тяжкий вздох. – Больно... ему так больно, о Боже, Анна... больно...

Он добавил еще несколько неразборчивых слов, смешавшихся с очередным жутким стоном. Его руки вцепились в ночную рубашку на груди, голова откинулась назад и вдавилась затылком в соломенный тюфяк. Из рта вырвался слабый звук – возможно, отголосок давних рыданий, – а потом его тело понемногу обмякло, и вскоре возобновился храп.

Для Мэтью это явление не было в новинку. Ночь за ночью судья блуждал по просторам мучительных снов, но в дневное время отказывался говорить о первопричине этих видений. Однажды, пять лет назад, Мэтью решился спросить об этом напрямик и услышал в ответ, что его задача – осваивать премудрости судебного производства, а при недостаточном прилежании

юнцу прямая дорога обратно в сиротский приют. Эта отповедь – произнесенная с необычной для судьи резкостью – ясно дала понять, что его ночные кошмары не подлежат обсуждению.

Мэтью догадывался, что это было как-то связано с его женой, оставшейся в Лондоне. Должно быть, Анна – это ее имя, хотя Вудворд ни разу не упоминал его в часы бодрствования, да и вообще никогда не говорил об этой женщине. Собственно, Мэтью почти ничего не знал о прошлой жизни Вудворда в Англии, хотя и проживал в его доме с пятнадцатилетнего возраста. Он знал лишь то, что некогда Вудворд был весьма авторитетным юристом, а также преуспел на финансовом поприще, но причины, по которым фортуна переменилась и вынудила его уехать из Лондона в лишь недавно основанные колонии, так и оставались загадкой. Из прочитанных книг и бесед с Вудвордом ему было известно, что Лондон – это огромный город; но сам он там не бывал, как не бывал и в Англии вообще, родившись на борту судна посреди Атлантики через девятнадцать дней после отплытия из Портсмута.

Мэтью тихо поднял щеколду и вышел из комнаты. В глубине темного зала несколько язычков пламени еще глодали головешки в очаге, тогда как большая часть углей погасла под толстым слоем золы. Едкий дым по-прежнему висел в воздухе. Мэтью разглядел на крюках рядом с печью два фонаря из кованой жести с множеством мелких отверстий для света. На подставке внутри одного из них сохранился свечной огарок, и Мэтью взял этот фонарь. Затем нашел на полу сосновый прут, зажег его от одного из последних огоньков в очаге и поднес пламя к фитилю.

– Ты чаво удумал, а?!

Этот окрик так внезапно разорвал тишину, что Мэтью чуть не выпрыгнул из собственных башмаков. Он вмиг развернулся, и понемногу набирающий силу свет упал на Уилла Шоукомба, который сидел за одним из столов с кружкой перед собой и закопченной глиняной трубкой в зубах.

– Что, на блуд потянуло, малыш?

Глаза Шоукомба терялись в темных впадинах, а кожа в свете фонаря отливала грязноватой желтизной. Он выпустил изо рта кольцо табачного дыма.

– Мне... нужно выйти, – пробормотал Мэтью, еще не оправившись от неожиданности. Шоукомб неторопливо затянулся.

– Раз так, – сказал он, – не зевай, гляди под ноги. Склизь там жуткая.

Мэтью кивнул и уже начал поворачиваться к двери, но трактирщик заговорил вновь.

– Твой хозяин навряд ли уступит мне этот славный камзольчик, так ведь?

– Он его ни за что не продаст, – ответил Мэтью и, понимая, что Шоукомб его лишь поддразнивает, все же не удержался от комментария. – Мистер Вудворд мне не хозяин.

– Вона как? Тады с какой стати он решает за тебя, что ты должен делать, а что нет? Сдается мне, что он твой хозяин, а ты его раб.

– Мистер Вудворд блюдет мои интересы.

– Ага... – Шоукомб запрокинул голову и выпустил струю дыма в потолок. – То бишь заставляет ворочать сундуки, но не позволяет резвиться с девками? И еще несет всякую хрень про волков и про заботу о твоём будущем. Но ты же взрослый парень двадцати лет! Небось, он и грязюку со своих сапог заставляет счищать?

– Я его секретарь, – произнес Мэтью с нажимом, – а не лакей.

– Но ты ведь чистишь его сапоги?

Мэтью замаялся. По правде говоря, он действительно чистил обувь судьи, но не видел в этом ничего унижительного. С течением лет некоторые вещи – такие как сортировка юридических документов, поддержание чистоты в жилых помещениях, штопка одежды, упаковка дорожных сундуков и выполнение всяких мелких поручений – легли на плечи Мэтью просто потому, что он справлялся с ними быстрее и лучше.

– Знаю, что чистишь, – продолжил Шоукомб. – Люди такого типа кичатся голубой кроушкой в своих жилах. Не хочет лишний раз марать свои ручонки, да? Так оно и выходит, что он хозяин, а ты раб.

– Можете в это верить, если вам так нравится.

– Я верю тому, что вижу, – сказал трактирщик. – Иди-ка сюда, я тебе кое-что покажу. Пускай ты лишь раб и все такое, но и тебе может статься в охотку на это взглянуть.

Не успел Мэтью отказаться и пойти к выходу, как Шоукомб поднял правую руку и разжал кулак.

– Наверняка ты такого сроду не видел и вряд ли когда увидишь опять.

Свет, искрясь, отразился от поверхности золотой монеты.

– Вот! – Шоукомб протянул ее Мэтью. – Даже дам поддержать.

Вопреки своему желанию – и настойчивым позывам мочевого пузыря – Мэтью приблизился, взял монету с ладони трактирщика и поднес ее к фонарю, чтобы разглядеть получше. Монета сильно истерлась, многие буквы были неразличимы, но в центре проступали контуры креста, разделяющего изображения двух львов и двух башен, а по краю Мэтью смог прочесть надписи «Carolus II» и «Dei Grat».

– Знаешь, что это? – спросил Шоукомб.

– Карл Второй, Божией милостью, – произнес Мэтью. – Должно быть, это испанская монета.

– Верно. Испанская. Усекаешь, что это значит?

– Что здесь недавно побывал испанец?

– Почти в точку. Я нашел это в сумке дохлого индейца. А откуда у краснокожего испанское золото? – Он не стал дожидаться предположений Мэтью и продолжил: – Это значит, что где-то поблизости шляется чертов испанский шпион. Скорее всего, подбивает индейцев к мятежу. Ты наверняка знаешь, что испанцы засели во Флориде, а это меньше семидесяти лиг отсюда. Они рассылают по всем нашим колониям своих шпионов, и те пускают слух, будто всякая черная ворона, улетев от хозяина во Флориду, станет там свободным человеком. Неужто никогда об этом не слыхал? То же самое испанцы обещают всем бандитам, убийцам и прочей мрази.

Он выхватил монету из руки Мэтью.

– Ежели ты, к примеру, дашь деру во Флориду и твой хозяин захочет тебя вернуть, эти испанцы над ним только надсмеются. Так же и всякий, кто здесь украл или убил, может бежать во Флориду, а там испанцы возьмут его под свое крылышко. Вот что я тебе скажу: когда черномазые толпами ломанутся во Флориду получать вольную, этот мир прямиком полетит в адское пекло.

Шоукомб бросил монету в свою кружку – еще не пустую, судя по звуку булькнувшей жидкости, – после чего сделал долгую затяжку и какое-то время просидел молча, скрестив руки на груди.

– То-то и оно, – изрек он затем, умудренно качая башкой. – Испанский шпион рыскает в наших краях и подкупает краснокожих, чтобы те учинили какую-нибудь лиходейство. Черт, да он запросто может сидеть в Фаунт-Ройале, ежели это предатель-англичанин!

– Не исключено. – Необходимость облегчиться стала уже острейшей. – Извините, но мне очень нужно выйти.

– Ну так ступай. И смотри в оба, а то ноги покалечишь. – Шоукомб позволил Мэтью дойти до двери, но там снова задержал вопросом. – Слышь, писарь, а он точно ни в какую не отдаст этот камзол?

– В этом нет сомнения.

Шоукомб хмыкнул, окутываясь клубами синеватого дыма.

– Еще поглядим, – произнес он тихо.

Мэтью открыл дверь и вышел наружу. Буря к этому времени поутихла; ливень сменился туманной дымкой и моросью. Однако молнии еще сверкали в отдалении, подсвечивая облачный покров. Липкая грязь вцепилась в башмаки Мэтью. Сделав с полдюжины шагов, он был вынужден задрать подол ночной рубашки и помочиться куда попало. Однако приличия требовали, чтобы большую нужду он справил в лесу, тем более что поблизости не было листвы или хотя бы хвои, чтобы потереться. Покончив с малым делом, он при свете фонаря двинулся в обход сарая, по щиколотки утопая уже в настоящем болоте. Достигнув опушки, он нарвал пригоршню мокрых листьев и опустил на корточки. Отблески дальних молний плясали над головой; Мэтью промок, испачкался в грязи и чувствовал себя хуже некуда. Однако естественный процесс нельзя было ускорить, как бы он ни старался.

Этот процесс, казалось, длился вечность, так что Мэтью успел многократно помянуть недобрым словом Шоукомба и поклясться в следующий раз обязательно взять в поездку ночной горшок, но наконец-то дело было сделано, и в ход пошли мокрые листья.

Распрямившись, он вытянул вперед руку с фонарем, высматривая обратный путь к этому сомнительного рода заведению. И вновь раскисшая почва всасывала и с чавканьем отпускала его башмаки, а коленные суставы напряженно похрустывали при каждом шаге по трясине. Он вспомнил, что изначально собирался проверить лошадей перед возвращением к жалкому подобию постели, где его ждали храп мирового судьи, крысиная возня и дождевая капель с потолка на... Внезапно он упал.

Все произошло так быстро, что он не успел осознать происходящее. Первым ощущением было, что земля вдруг разверзлась под его ногами. Следующий момент потребовал мгновенной реакции, чтобы не погасла свеча. Поэтому, даже падая ничком под плеск воды и грязи, сплошь покрывшей сюртук мирового судьи, он ухитрился поднять руку и уберечь фонарь. Выплывая набившуюся в рот грязь и чувствуя, как лицо наливается кровью от обиды и злости, он крикнул:

– Проклятье!

Когда, почти ослепший из-за грязи на лице, он попытался сесть, с этим возникли неожиданные сложности. Земля не хотела отпускать его ноги, которые глубоко провалились и застряли в чем-то вроде ежевичного куста, накрытого слоем грязи. С большим трудом, все время оберегая фонарь, он смог выпростать правую ногу, однако левая засела крепко. Вновь сверкнула молния, дождь усилился. Подобрал правую ногу под себя для упора, он со всей силы дернул левую ногу вверх.

Раздался сухой треск. Нога освободилась.

Однако, посветив вниз, Мэтью обнаружил на своей лодыжке отломившуюся часть того, что ранее удерживало ее в земле.

Сначала он не понял, что это такое. Выглядело так, будто нога угодила в забитую грязью корзину из толстых прутьев. Он видел острые обломанные края, один из которых при рывке до крови расцарапал его ногу.

Дождь постепенно смывал грязь с этого предмета. Мэтью присмотрелся, и тут ему на помощь пришла очередная вспышка молнии. В момент узнавания его сердце как будто сжала невидимая ледяная рука. Ему не потребовалось вспоминать уроки анатомии, чтобы понять: он продавил башмаком грудную клетку скелета размером с человеческий. Ребра выдернулись вместе с частью позвоночника, к которому пристали клочки бурого вещества – без сомнения, остатки разложившейся плоти.

Он испустил сдавленный крик и начал остервенело пинать эту мерзость носком другого башмака. Кости с треском ломались, а когда последние позвонки наконец отвалились, Мэтью пополз прочь со всей быстротой, на какую был способен в этой слякоти. Добравшись до леса, он сел на подстилку из листьев и хвои, привалившись спиной к стволу дерева. Легкие клокотали при каждом вздохе, глаза вылезли из орбит.

Вдруг всплыла мысль о загубленном касторовом сюртуке – судья будет очень расстроен. Такую качественную одежду трудно найти в колониях. А теперь его уже не привести в порядок. *Грудная клетка. Размером с человеческую.* Никакая чистка не поможет. Черт бы побрал этот дождь и эту грязь, черт бы побрал эту дикую глухомань, черт бы побрал Шоукомба и заодно ночной горшок, который надо было захватить с собой!

Мысли снова вернулись к скелету. Дождь стекал по лицу, было холодно, но холод помогал Мэтью сосредоточиться. Конечно, это могли быть кости какого-нибудь животного. Почему бы и нет?

Фонарь был забрызган грязью, но – каким-то чудом! – свеча продолжала гореть. Он поднялся, добрал до костей и, встав на колени, осветил их в попытке распознать существо, которому они принадлежали. От этого дела его отвлек мягкий протяжный шорох справа. Мэтью посветил туда и обнаружил провал футов четырех в поперечнике; жидкая грязь стекала по стенкам вглубь ямы, создавая тот самый шуршащий звук.

Мэтью сразу пришло в голову, что точно таким же образом разверзлась земля и под его ногами, как будто отвечая протестом разверзшимся хлябям небесным. Он встал, приблизился к краю ямы и направил свет фонаря вниз.

Увиденное в глубине сперва показалось ему грудой хвороста, бесформенной и покрытой грязью. Но чем дольше он всматривался, тем больше прояснялась картина.

И тем ужаснее она становилась.

Он разглядел кости руки, лежавшей поперек полуразложившегося голого торса. Из грязи выпирал серый коленный сустав. Сгнившая кисть была развернута ладонью вверх – как будто в умоляющем жесте. Была там и голова: наполненный грязью череп, хотя куски кожи на нем еще кое-где сохранились. Мэтью, с пересохшим ртом и гулко бьющимся сердцем, заметил, что верх черепа был вдавлен в результате страшного удара.

Такой удар можно нанести кувалдой, подумал он. Кувалдой или тем самым молотом, каким старуха убивала крыс.

В этой могильной яме могло находиться несколько беспорядочно сброшенных трупов. Четыре или пять – поди теперь разберись в этом переплетении костей. Судя по всему, ни одно из тел не было захоронено в одежде.

Слышь, писарь, а он точно ни в какую не отдаст этот камзол?

Мэтью почувствовал, как земля плывет у него под ногами. Раздался звук, подобный шипению дюжины змей, и почва вокруг начала проседать, обнажая все новые человеческие кости, как обломки кораблей при отливе на коварных мелях. Как будто очутившись в кошмарном сне, Мэтью ошеломленно замер на клочке земли, из-под которой возникали все новые свидетельства убийств. Только осознав, что вот-вот и сам увязнет в яме с мертвецами, он повернулся и с трудом, шаг за шагом, начал отступать к сараю.

Оттуда он сквозь ливень устремился к трактиру, подгоняемый осознанием неотложности дела. Уже на подходе к двери он поскользнулся и упал вновь. На сей раз фонарь плюхнулся в лужу, и свеча погасла. Мэтью с головы до пят был покрыт рыжей глиной. Ворвавшись в трактирный зал, он не застал там Шоукомба, хотя кружка стояла на прежнем месте, а горьковатый запах трубочного табака еще висел в воздухе. Еле удержавшись от громкого крика, чтобы сей же момент предупредить судью, Мэтью быстро проследовал в гостевую комнату и запер за собой дверь.

Вудворд крепко спал, раскинувшись на постели. Мэтью встряхнул его за плечи:

– Просыпайтесь, сэр! Вы меня слышите?

Его севшему от испуга голосу все же достало силы проникнуть сквозь покровы сна Вудворда. Тот заворочался и приоткрыл глаза, но взор был еще затуманен.

– Нам надо убираться отсюда! – тормозил его Мэтью. – Сейчас же! Медлить нельзя...

– Господи боже мой! – прохрипел судья, принимая сидячее положение. – Что такое случилось?

– Случилось то, что я нашел закопанные трупы! Скелеты людей за сараем! Думаю, этот Шоукомб – убийца!

– Что?! Ты спятил? – Вудворд принялся к его дыханию. – Или тебя так развезло с индейского пойма?

– Нет, я наткнулся на тела, погребенные в яме! Вероятно, Шоукомб убил и Кингсбери, а потом бросил его в ту яму! – Он заметил изумление и замешательство на лице судьи. – Послушайте! Надо бежать отсюда как можно быс...

– Джентльмены?

Это произнес Шоукомб. От звуков его голоса кровь застыла в жилах Мэтью. Затем раздался стук в дверь костяшками пальцев.

– Джентльмены, у вас там что-то неладно?

– Я уверен, что он задумал убить нас среди ночи! – прошептал Мэтью судье. – Он хочет забрать ваш камзол!

– Мой камзол, – пробормотал Вудворд.

У него вмиг пересохло во рту. Он посмотрел на дверь и перевел взгляд на испачканное грязью лицо Мэтью. Если еще можно было чему-то верить в этом свихнувшемся мире, так это словам Мэтью, который просто не умел врать и не был подвержен прихотливым полетам фантазии. В глазах юноши светился неподдельный страх, и сердце Вудворда также забилось быстрее.

– Джентльмены? – Шоукомб говорил, приблизив рот к дверной щели. – Я слышал ваши голоса. Стряслось чаво или как?

– Ничего серьезного! – ответил Вудворд и приложил палец к губам, призывая Мэтью хранить молчание. – У нас все в порядке, не беспокойтесь!

Последовало несколько секунд тишины. Затем Шоукомб продолжил:

– Слышь, писарь, ты чаво наружную дверь раскрытой оставил? Совсем одурел с перепою?

И вот настало время Айзеку Вудворду принять одно из самых трудных решений в его жизни. Его сабля – пусть ржавая и тупая, но все же сабля – осталась в фургоне. Ни оружия в руке, ни молитвы в голове, и никакой иной защиты от напасти. Если Шоукомб и впрямь был убийцей, он пришел сюда нести смерть. Вудворд взглянул на единственное окно в комнате, закрытое ставнем, и решение было принято: придется бросить все – сундуки, одежду, парики и прочие вещи – ради спасения хотя бы своей шкуры. Он знаком направил Мэтью к окну и наконец-то поднялся с отсыревшей соломы.

– Эй, парень, у тебя там что, язык отсох? – спросил Шоукомб. Теперь в его голосе слышалось раздражение. – Я вроде как задал вопрос!

– Минутку!

Вудворд открыл свой сундук, достал оттуда пару рубашек и положил руки на шитый золотом камзол. Его он не бросил бы ни за что, даже чувствуя затылком дыхание убийцы. На то, чтобы натянуть сапоги и надеть треуголку, времени уже не оставалось. Схватив камзол, он распрямился и жестом приказал Мэтью открыть окно.

Что и было сделано. Засов со скрипом вышел из гнезда, и Мэтью толкнул ставень навстречу дождевым струям.

– Они в окошко полезли! – раздался вопль дядюшки Эбнера, как раз под этим окном и стоявшего. В одной руке он держал фонарь, а в другой вилы.

За спиной Вудворда с жутким треском распахнулась дверь. Судья разом побледнел, повернулся и увидел Шоукомба, который перешагивал через порог, широко ухмыляясь щербатым ртом. Позади него маячила старуха с подсвечником, в котором горели две свечи. Ее белые патлы были всклокочены, морщинистое лицо исказила демоническая гримаса.

– Охо-хо! – глумливо фыркнул трактирщик. – Глянь-ка, Мод! Они хотят удрать, не заплатив по счету!

– Чем объясняется столь грубое вторжение? – произнес Вудворд сердито, маскируя гневом свои настоящие чувства: панику и отчаянный страх.

Шоукомб захохотал, качая головой.

– Так и быть, объясню, – сказал он, поднимая правую руку и оглядывая зажатый в ней деревянный молот, которым накануне Мод прикончила черную крысу. – Это значит, что ты, засранец хренов, и твой писаришка нонче отсель никуда не уйдете. Разве только к чертям в преисподнюю... – Он отыскал глазами то, зачем пришел. – А-а-а, вот он где! Дай-ка сюда!

И он потянулся левой рукой к добыче.

Вудворд перевел взгляд с грязных пальцев трактирщика на свой любимый камзол и обратно на эту алчную лапу, а затем вскинул голову и сделал глубокий вдох.

– Сэр, – сказал он, – вы получите эту вещь только через мой труп.

Шоукомб вновь расхохотался, на сей раз сопровождая смех довольным похрюкиванием.

– Ну дык ясное дело, что через труп! – Он сузил глаза. – Тока я не думал, что у тебя достанет духу отдать концы на мужской, а не на крысиный манер. Я-то думал, ты тока вякнешь напоследях, как тот бухой щегол из вашей же братии, когда я его прихлопнул.

Он внезапно махнул молотом перед самым лицом Вудворда. Тот вздрогнул, но не отступил.

– Значит, хочешь, чтобы я взял его самолично? Дык запросто, мне-то оно не впервой.

– Они отправят сюда еще кого-нибудь, – заговорил Мэтью. – Из Чарльз-Тауна. Они пришлют...

– Еще одного засратого судью? Ну и пускай посылают. Скольких пришлют, столько я и шлепну!

– Они отправят ополченцев, – сказал Мэтью, хоть и сам не очень-то верил в реальность этой угрозы (если сколько-нибудь верил в нее вообще).

– Ополченцев! – Пеньки зубов трактирщика обозначились в мерцающем свете. – Они прям-таки пошлют ополчение аж из самого Чарльз-Тауна? Что ж тады их ни разу не послали ради Кингсбери и прочих, кого я тутося укокошил? – Ухмылка начала трансформироваться в оскал, и Шоукомб замахнулся молотом. – Начну-ка я с тебя, тощий сучен...

И тут свой ход сделал Вудворд.

Он резко хлестнул камзолом по глазам Шоукомба и в броске перехватил кисть его руки, уже начавшей опускать молот. Шоукомб выхаркнул проклятие, а Мод пронзительно завизжала, наверняка переполошив и обратив в бегство обитателей крысиных нор. Левая рука Шоукомба – теперь сжатая в кулак – врезалась снизу в подбородок Вудворда. Голова судьи мотнулась назад, глаза помутнели, однако он не отпустил кисть Шоукомба.

– Эбнер! Эбнер! – вопила старуха.

Вудворд нанес ответный удар, но трактирщик вовремя это заметил и успел отклониться, так что кулак лишь скользнул по скуле. Затем Шоукомб свободной рукой схватил судью за горло, и оба продолжили борьбу в тесной комнате – один пытался пустить в ход свой молот, а другой пытался ему помешать.

Постепенно они смещались в сторону кровати. Шоукомб краем глаза уловил какое-то движение и повернул в ту сторону голову за мгновение до того, как Мэтью нанес по этой голове удар подобранным с пола сапогом судьи. Второй удар пришелся по плечу трактирщика, и теперь Мэтью увидел в его глазах проблеск неуверенности. Судья оказался более грозным противником, чем ожидал Шоукомб, и тогда он с рычанием разъяренного зверя саданул коленом в пах Вудворда, который вскрикнул и сложился пополам, ухватившись обеими руками за больное место. Молот высвободился, и Шоукомб тут же занес его для сокрушительного удара по черепу судьи.

– Нет! – крикнул Мэтью. Сапог уже описывал дугу в воздухе, и Мэтью вложил в этот удар всю силу, попав деревянным каблуком по переносице Шоукомба.

Основной звук, похожий на стук топора, вонзающегося в дубовый чурбан, сопровождался отчетливым хрустом, что свидетельствовало о переломе носовых костей. С глухим вскриком Шоукомб попятился, ощупывая свое лицо, вместо того чтобы – как он рассчитывал – любоваться цветом судейских мозгов. Мэтью двинулся на него с намерением выхватить молот, но внезапно был атакован визжащей каргой, одна рука которой вцепилась ему в воротник, а другая уже подносила к его глазам горящие свечи.

Мэтью рефлекторно отмахнулся, попав ей по лицу, но при этом ему пришлось сделать шаг назад, а между тем в комнату уже входил Эбнер с фонарем и вилами.

– Убей их! – гнусаво взвыл Шоукомб, после чего уперся спиной в стену и сполз по ней на пол; его руки были прижаты к лицу; молот валялся рядом. – Эбнер! Убей обоих!

Эбнер, с бороды которого обильно капала вода, взял вилы наперевес и двинулся к Вудворду, все еще стонавшему в согбенной позе.

Мэтью вспомнил об открытом окне у себя за спиной. Его мозг сработал быстрее, чем могло бы среагировать его тело. Он громко сказал:

– Не убий.

Эбнер замер как вкопанный, растерянно моргая.

– Что? – спросил он.

– Не убий, – повторил Мэтью. – Так сказано в Библии. Тебе ведь ведомо слово Божье, не так ли?

– Мне... слово Божье? Да, оно вроде бы так...

– Эбнер, чтоб тебя, кончай их! – рявкнул Шоукомб.

– Так сказано в Библии, ты помнишь?... Мистер Вудворд, проследуйте к окну, пожалуйста.

Слезы боли текли по лицу судьи. Однако он уже достаточно пришел в себя, чтобы понять: промедление смерти подобно.

– Да чтоб вас всех! Помогите мне встать! – Шоукомб попробовал подняться; к тому моменту оба его глаза налились кровью и уже начали опухать. Но, кое-как встав на ноги, он не смог сохранить равновесие и снова сполз по стенке.

– Мод, не упусти их!

– Дай мне эту рогулину! – Мод ухватила и потянула к себе вилы, но Эбнер их не отпустил.

– А парень-то прав, – сказал Эбнер. Голос прозвучал умиротворенно, как будто на него только что снизошла благодать. – Так и сказано в Библии. Не убий. Это воистину слово Господне.

– Дурень чертов! Дай сюда!

Мод вновь попыталась вырвать вилы из его рук, и вновь безуспешно.

– Быстрее, – сказал Мэтью, помогая судье перевалиться через подоконник. Вудворд шлепнулся в грязную лужу, как мешок с мукой. Мэтью начал выбираться следом.

– Далеко вам не уйти! – пригрозил Шоукомб сдавленным от боли голосом. – Все равно догоним!

Мэтью взглянул через плечо и убедился, что Мод еще не завладела вилами. Эбнер по-прежнему крепко их удерживал; лицо его сморщилось от мыслительного усилия. Мэтью понимал, что эти благочестивые раздумья вряд ли продлятся долго. По своей сути старик был таким же закоренелым преступником, как и двое остальных, и слова юноши могли стать лишь временным препятствием на этом несправедном пути. Уже перебравшись через подоконник, Мэтью увидел еще одну фигуру, возникшую в дверном проеме комнаты. То была девушка – с бледным лицом и темными грязными прядями, закрывающими глаза. Она обхватила себя руками, как будто в попытке защититься. Он не знал, была ли она безумна, под стать всей компании; не знал, что ждет ее в будущем. Он знал только одно: сейчас он все равно не в силах ей помочь.

– Ну-ну, драпай, щенок шелудивый! – издевательски промышчал Шоукомб. Кровь текла меж его пальцами и капала на пол, а распухшие глаза превратились в щелочки. – Если ты думаешь найти ту саблю в своем фургоне, то зря! Да и всяко она слишком тупа – ею даже струю пердучих газов не разрубишь. Так что драпай, покуда можешь, а там поглядим, как далеко вы оба уйдете!

Мэтью отпустил подоконник и прыгнул в грязь рядом с Вудвордом, который с трудом поднимался на ноги. В комнате Мод начала поливать бранью Эбнера. Мэтью сознавал, что им необходимо максимально удалиться от трактира, прежде чем начнется погоня.

– Вы можете бежать? – спросил он у судьи.

– Бежать? – Вудворд взглянул на него с изумлением. – Ты бы лучше спросил, могу ли я ползти!

– Двигайтесь, как можете, но лучше поспешите, – сказал Мэтью. – Первым делом надо зайти поглубже в лес.

– А как же наши лошади и фургон? Нельзя же так просто оставить их здесь!

– Нет времени возиться с упряжью. Они могут быть здесь уже через пару минут. И если они придут с топором и мушкетом...

– Ни слова больше! – Вудворд побрел к лесу на противоположной от трактира стороне дороги. Мэтью держался рядом, готовый помочь, если он споткнется.

Сверкали молнии, гремел гром, дождь лил как из ведра. На опушке леса Мэтью оглянулся на трактир, но оттуда все еще никто не вышел. Он понадеялся, что Шоукомб – хотя бы на время – утратил желание выбираться из дома в непогоду, а старик и карга вряд ли предпримут вылазку без него, по своей инициативе. Возможно, Шоукомб сейчас был слишком занят собственной болью, чтобы причинять боль другим. Мэтью подумал о том, чтобы вернуться в сарай за лошадьми, но ему ни разу в жизни не доводилось седлать или взнуздывать лошадь, а ситуация была критической. Нет, решил он, надежнее будет углубиться в лес, а потом идти вдоль дороги до поселения.

– Мы лишились всего, – безутешно стenal Вудворд, пока их ноги месили кашу из грязи и опавшей хвои. – Всего! Моей одежды, моих париков, моих судейских мантий! Боже правый, и моего камзола! Этот негодяй забрал мой камзол!

– Да, сэр, – ответил Мэтью. – Однако же ему не удалось забрать вашу жизнь.

– То будет жалкая жизнь, начиная с этого самого дня! Ох-ох-ох, ударь он еще чуть сильнее, и мой баритон превратился бы в сопрано! – Вудворд уставился в кромешную тьму впереди. – Куда мы идем?

– В Фаунт-Ройал.

– Что?! – Судья качнулся и едва устоял на ногах. – Ты заразился безумием от этого типа?

– Дорога ведет в Фаунт-Ройал, – сказал Мэтью. – Если двигаться в том направлении, мы через несколько часов будем на месте.

То был слишком оптимистичный расчет, как он признался самому себе. Грязь и проливной дождь сильно замедляли движение. Впрочем, они должны были замедлить и погоню.

– А потом пошлем сюда местных ополченцев, – продолжил он вслух, – и вернем свои вещи. По-моему, это единственный выход.

Вудворд промолчал. Другого выхода у них действительно не было. Если он сможет вернуть свой камзол – и заодно увидеть Шоукомба на виселице, – это послужит достаточной наградой за несколько часов страданий и унижений. В то же время его терзала мысль о том, что немилость Господня подобна бездонной яме: стоит однажды в нее упасть, и это падение будет нескончаемым. Его обувь осталась в трактире, отбитые яички распухли и сильно ныли, непокрытую голову поливал дождь, мокрая и грязная ночная рубашка липла к телу. Зато они оба выжили, чего нельзя было сказать о злосчастном Тимоне Кингсбери. «Исполнение приговоров

не входит в мои обязанности», – сказал он тогда Шоукомбу. Что ж, из всякого правила можно сделать исключение.

Он лично вернется сюда за своим камзолом, даже если это станет его последним поступком на этой земле.

Мэтью шагал быстрее судьи и периодически останавливался, чтобы его подождать. Недолгое время спустя ночная буря поглотила обоих.

Глава четвертая

Послеполуденное солнце наконец-то пробилось сквозь низкую облачность и осветило пропитанную влагой землю. Заметно потеплело по сравнению с предыдущей ночью. Теперь погода уже больше походила на обычный май, хотя тучи – темно-серые, набухшие, готовые пролиться новыми дождями – понемногу сдвигали ряды и наползали со всех сторон света с очевидным намерением затмить солнце вновь.

– Продолжайте, – произнес дородный мужчина в парике впечатляющих размеров, озирая пейзаж из окна на втором этаже своего дома. – Я слушаю.

Еще один мужчина в этом помещении – рабочем кабинете с полками книг в кожаных переплетах и красно-золотым персидским ковром на полу – сидел на скамейке перед письменным столом из африканского красного дерева и держал на коленях раскрытый гроссбук. Он был здесь визитером – кресло напротив него, за столом, принадлежало обладателю парика и только что освободилось от двухсот двадцати фунтов его веса. Визитер прочистил горло и переместил указательный палец на следующую строку в гроссбухе.

– Хлопок опять не дал всходов, – сообщил он. – Как и посевы табака.

Он помедлил, прежде чем нанести следующий удар:

– С горечью вынужден сообщить, что две трети яблонь поражены гнилью.

– Две трети?! – повторил человек у окна, не поворачиваясь и продолжая смотреть наружу.

Его парик волнами белых кудряшек обтекал плечи темно-синего сюртука с медными пуговицами. Наряд дополняли белые кружевные манжеты, белые чулки на толстых икрах и отполированные до блеска башмаки с серебряными пряжками.

– Да, сэр. Та же история со сливами и с половиной груш. Черешни пока не затронуты, но Гуд считает, что какие-то вредители отложили яйца во все фруктовые деревья. Орехов и каштанов это не коснулось, но потоки воды на плантациях смыли верхний слой почвы и обнажили их корни, что делает деревья уязвимыми ко всякого рода повреждениям.

Докладчик прервал это перечисление бед, чтобы поправить очки на носу. Это был человек среднего роста и соответствующей комплекции, равно как средних лет и посредственной внешности. Светло-русые волосы, высокий лоб и бледно-голубые глаза дополнялись кислой миной, характерной для измученного работой счетовода. Его одежда, в отличие от богатого наряда хозяина, состояла из простой белой рубашки, коричневого камзола и песочного цвета штанов.

– Продолжай, Эдвард, – негромко повторил человек у окна. – Я весь внимание.

– Да, сэр. – Визитер, Эдвард Уинстон, вернулся к записям в гроссбухе. – Гуд высказал одно предложение касательно фруктовых деревьев и настоятельно попросил передать его вам.

Он вновь сделал паузу.

– И в чем состоит его предложение?

Прежде чем продолжить, Уинстон поднял руку и медленно провел двумя пальцами по краям губ. Человек у окна ждал, распрямив широкую спину и сохраняя неподвижность. Наконец Уинстон произнес:

– Гуд советует их сжечь.

– Сжечь? Какие из деревьев? Только больные?

– Нет, сэр. Все.

В комнате надолго установилось молчание. Человек у окна наполнил легкие воздухом и медленно выдохнул; одновременно его спина обмякла и плечи опустились.

– Все, – повторил он.

– Гуд считает, что сожжение – это единственный способ истребить вредителей. Он говорит, что уничтожать только больные деревья в конечном счете бесполезно. Более того, он предлагает разбить новые сады в другом месте, а на прежнем очистить почву морской водой и золой.

Человек у окна издал тихий звук, в котором, однако, можно было расслышать страдальческие нотки. А когда он вновь заговорил, голос звучал еле слышно.

– И сколько всего деревьев надо сжечь?

Уинстон сверился со своим гроссбухом.

– Восемьдесят четыре яблони, пятьдесят две сливы, семьдесят восемь черешен, сорок четыре груши.

– Это значит, нам придется все начинать сначала?

– Боюсь, что так, сэр. Береженого Бог бережет, как я всегда говорю в подобных случаях.

– Тысяча чертей! – шепотом выругался человек у окна. Он уперся ладонями в подоконник, тогда как его карие глаза с покрасневшими веками взирали на обреченные плоды его трудов и мечтаний. – Неужели это *она* наслала на нас проклятие, Эдвард?

– Мне это неизвестно, сэр, – честно ответил Уинстон.

Роберт Бидвелл, тот самый человек у окна, к своим сорока семи годам хлебнул уже немало горя и страданий. Лицо его избороздили глубокие складки, лоб всегда был нахмурен, вокруг тонкогубого рта и на подбородке образовалась сплошная сетка морщин. Многие из этих отметин появились в последние пять лет – с тех самых пор, как он официально стал владельцем девятиста девяноста акров земли на побережье колонии Каролина. Но тогда это была лишь *мечта*, а сейчас перед ним, в косых лучах красноватого солнца среди зловеще набухающих туч, лежало его *творение*.

Он назвал это место Фаунт-Ройал⁴ по двоякой причине. Во-первых, в знак благодарности королю Вильгельму и королеве Марии⁵, чья вера в его лидерские и управленческие качества была подобна неиссякаемому источнику; а во-вторых, ввиду наличия реального источника, давшего поселку перспективы для развития. Этот источник находился в шестидесяти ярдах от главных ворот его особняка – единственного двухэтажного здания в Фаунт-Ройале – и представлял собой овальное озерцо пресной, всегда холодной воды голубоватого цвета площадью примерно три акра. Землемер, несколько лет назад составлявший карту этой местности и среди прочего промерявший источник, сообщил Бидвеллу, что его глубина превышает сорок футов. Источник был жизненно важен для поселения, в изобилии обеспечивая его пресной водой, тогда как во всей округе преобладали соляные болота и черные гнилые пруды.

На мелководьях озера рос камыш, а на травянистых берегах тут и там попадались дикие цветы, устойчивые к холоду, которым постоянно тянуло от воды. Фактически источник был центром Фаунт-Ройала, и к нему сходились все местные улицы – пока что не мощеные, а лишь посыпанные песком и ракушечной крошкой. Этих улиц было всего четыре, и названия им также придумал Бидвелл: улица Правды шла на восток, улица Усердия – на запад, улица Гармонии – на север, улица Мира – на юг. Вдоль этих улиц располагались побеленные дощатые домики, крашенные охрой амбары, огороженные выгоны, сарайчики с односкатными крышами и разнообразные мастерские, что в совокупности и составляло поселение.

На улице Усердия трудился у горна кузнец; на улице Правды стояли друг напротив друга школа и бакалейная лавка; на улице Гармонии соседствовали сразу три церкви – англиканская, лютеранская и пресвитерианская, – которым составляло компанию небольшое, но, увы, довольно плотно заселенное кладбище; улица Мира, пройдя мимо сгрудившихся лачуг рабов и личной конюшни Бидвелла, упиралась в лес, за которым лежали приливные болота, а дальше

⁴ Fount Royal (англ.) – Королевский источник.

⁵ Вильгельм III Оранский (1650–1702) являлся правителем Нидерландов с 1672 г. и королем Англии с 1689 г., а Мария II Стюарт (1662–1694) была его супругой и соправительницей.

уже был морской простор. В свою очередь, улица Усердия вела к садам и плантациям, с которых Бидвелл рассчитывал снимать богатые урожаи яблок, груш, хлопка, кукурузы, бобов и табака. На улице Правды находилась еще и тюрьма, где держали «ту самую женщину», а также просторное здание, используемое в качестве дома собраний. Цирюльня разместилась на улице Гармонии, рядом с таверной Питера Ван Ганди, а прочие мелкие заведения были рассеяны по всему поселку в надежде, что мечта Бидвелла осуществится и со временем здесь возникнет полноценный город, самый южный в колониях.

Из почти тысячи акров, приобретенных Бидвеллом, лишь немногим более двух сотен были использованы под застройку, насаждения, посевы или пастбища. Для защиты от индейцев весь поселок, включая сады, был обнесен частоколом из заостренных бревен. Единственным входом со стороны суши были ворота в конце улицы Гармонии, тогда как с моря охранные функции выполняла поднимавшаяся над прибрежными зарослями вышка, на которой днем и ночью дежурил ополченец с мушкетом. Такая же дозорная вышка стояла и подле ворот, позволяя издали замечать всех, кто по дороге приближался к поселку.

За недолгий период существования Фаунт-Ройала индейцы ни разу его не потревожили. Они вообще были невидимы, и Бидвелл уже начал сомневаться в том, что краснокожие обитают ближе, чем в ста милях от поселка, но его сомнения развеял Соломон Стайлз, который однажды наткнулся на странные знаки, нарисованные на стволе сосны. Стайлз, имевший репутацию опытного следопыта и охотника, объяснил Бидвеллу, что индейцы таким образом помечают границу своих лесных угодий, предостерегая от ее нарушения. Бидвелл решил пока ничего не предпринимать, хотя документ с королевской печатью закрепил окрестные земли за ним. Разумнее было избегать конфликтов с краснокожими до той поры, когда представится возможность выкурить их отсюда раз и навсегда.

Теперь же ему было больно видеть плачевное состояние, в какое пришел город его мечты. Слишком много брошенных домов, слишком много заросших бурьяном садов, слишком много обвалившихся изгородей. Бездзорные свиньи валялись в грязи, бродячие собаки тут и там гавкали на прохожих, а то и норовили укусить. За последний месяц пять добротных строений – на тот момент уже опустевших – сгорели дотла посреди ночи, и запах гари все еще висел в воздухе. Бидвелл знал, кого следует винить в этих пожарах. Пусть она и не лично приложила здесь руку, но то было дело рук – или когтистых лап – адских тварей и бесов, ею призванных. Огонь был их языком, и с его помощью они делали недвусмысленные заявления.

Мечта умирала. Ее убивала «та самая женщина». Хотя ее тело удерживали тюремные запоры и толстые стены, ее дух – ее фантом – легко покидал пределы темницы, чтобы плясать и предаваться утехам с нечестивым любовником, чтобы строить все новые козни во зло и на погибель мечте Бидвелла. Изгнание этой гадины в дикий лес не дало бы эффекта; она не раз открыто заявляла, что останется здесь в любом случае и что никакие земные силы не заставят ее покинуть свое обиталище. Не будь Бидвелл законопослушным гражданином, он бы давно уже вздернул ее на виселице, и дело с концом. Но он считал, что преступница должна предстать перед судом – и да поможет Господь тому судье, который будет разбирать это дело.

«Нет, не так, – мрачно подумал Бидвелл. – И да поможет Господь Фаунт-Ройалу».

– Эдвард, – обратился он к своему управляющему, – каково сейчас наше население?

– Вы хотите знать точно? Или по приблизительной оценке?

– Хотя бы приблизительно.

– Около сотни, – сказал Уинстон. – Но это число наверняка уменьшится еще до конца этой недели. Доркас Честер при смерти.

– Да, я знаю. Эта болотная лихорадка скоро заполнит кладбище под завязку.

– Раз уж речь зашла о кладбище... Элис Барроу тоже слегла.

– Элис Барроу? – Бидвелл отвернулся от окна, чтобы взглянуть на собеседника. – Она захворала?

– Этим утром я заглянул по делам к Джону Суэйну, – сказал Уинстон, – и узнал от Кэсс Суэйн, что Элис Барроу жаловалась разным людям на дурные сны о Черном человеке. Эти кошмары настолько ее запугали, что теперь она совсем не встает с постели.

Бидвелл раздраженно фыркнул:

– И при этом разносит свои кошмары по всей округе, как размазывают прогорклое масло по лепешке, да?

– Похоже на то, сэр. Миссис Суэйн сказала мне, что эти сны имеют прямое отношение к кладбищу. Она и сама была так испугана, что не смогла сообщить подробности.

– Господи Иисусе! – произнес Бидвелл, и его обвислые щеки начала заливать краска. – Но ведь Мейсон Барроу вполне разумный человек! Неужели он не может приструнить свою болтливую жену? – Он в два шага приблизился к столу и сердито хлопнул ладонью по его поверхности. – Из-за таких вот глупостей и погибает мой город, Эдвард! *Наш* город, я хотел сказать. Видит Бог, через полгода он превратится в руины, если эти длинные языки не уймутся!

– Я не хотел вас огорчать, сэр, – сказал Уинстон. – Я лишь пересказал то, что счел нужным довести до вашего сведения.

– Взгляни туда! – Бидвелл махнул рукой в сторону окна, за которым дождевые тучи снова затягивали солнечный просвет. – Пустые дома и голые поля! В прошлом мае здесь было более трехсот жителей! Более трехсот! А сейчас ты говоришь, что нас осталась всего сотня, так?

– *Около* ста человек, – уточнил Уинстон.

– Пусть так. И скольких еще подтолкнут к бегству рассказы Элис Барроу? Черт, я не могу просто сидеть сложа руки в ожидании, когда прибудет судья из Чарльз-Тауна! Но что я могу предпринять, Эдвард?

Лицо Уинстона было мокрым от пота из-за сырости в комнате. Он поправил очки, сдвинув их вверх по переносице.

– Сейчас вы ничего не можете сделать, сэр. Остается только ждать. Нужно соблюсти законные процедуры.

– А какие законы соблюдает этот Черный человек? – Бидвелл уперся руками в стол, наклонился и приблизил к Уинстону столь же потное, побагровевшее лицо. – Какие нормы и правила сдерживают его шлюху? Будь я проклят, если и дальше стану бездельно наблюдать за тем, как все мои вложения в эту землю сводит на нет какой-то потусторонний ублюдок, влезающий со своим дерьмом в людские сны! Да я бы ни за что не преуспел в морской коммерции, если бы отсиживал свой зад в тихом закутке и только трясся, как плаксивая девица! – Последние фразы были произнесены сквозь стиснутые зубы. – Если есть желание, можешь пойти туда со мной. Так или иначе, я намерен положить конец болтовне Элис Барроу!

Он направился к двери, не дожидаясь управляющего, который мигом захлопнул свой grossбух, вскочил со скамейки и поспешил за Бидвеллом, как преданный мопс за бойцовым бульдогом.

Они спустились на первый этаж посредством сооружения, до сих пор удивлявшего многих жителей Фаунт-Ройала: двухмаршевой лестницы. Правда, ей недоставало перил, поскольку руководивший работами плотник скончался от кровавого поноса еще до завершения строительства. Стены особняка были украшены картинами и гобеленами с английскими пасторальными пейзажами, на которых при ближайшем рассмотрении можно было заметить предательские пятнышки плесени. Белые потолки местами потемнели от сырости, а в затененных нишах лежал россыпью крысиный помет. Громкий топот на лестнице привлек внимание экономки Бидвелла, которая всегда следила за передвижениями своего хозяина. Эмма Неттлз – плечистая, крепко сбитая особа лет тридцати пяти – обладала столь длинным и острым носом при столь массивной нижней челюсти, что одним своим видом могла бы до смерти напугать самого свирепого краснокожего воина. Она встретила мужчин у подножия лестницы в своем обычном одеянии: просторном черном платье, драпирующем ее пышные формы, и накрахмаленном

белом чепце, который удерживал в строгом порядке ее безжалостно расчесанные и намасленные темные волосы.

– Какие будут указания, сэр? – произнесла она с отчетливым шотландским акцентом. В ее мощной тени совсем затерялась одна из девушек-служанок.

– Я ухажу по делам, – коротко бросил Бидвелл, снимая с вешалки в холле темно-синюю треуголку – одну из нескольких в его гардеробе, подобранных под цвет костюмов. Ему пришлось повозиться, водружая шляпу на голову поверх высокого парика. – На ужин пусть будут «растерзайки» с лепешками. И присмотрите тут за хозяйством.

Он прошел мимо нее и служанки к двери, сопровождаемый Уинстоном.

– Это уж как водится, сэр, – тихо промолвила миссис Неттлз через мгновение после того, как дверь закрылась за двумя мужчинами. Ее глаза под нависающими веками были сумрачны, под стать ее нраву.

Бидвелл приостановился, чтобы отпереть покрытые белой краской узорчатые чугунные ворота шести футов в высоту (привезенные аж из Бостона ценой немалых затрат и усилий), которые отделяли его усадьбу от остального Фаунт-Ройала, после чего зашагал по улице Мира так стремительно, что за ним с трудом поспевал более молодой и менее тучный Уинстон. Мужчины миновали источник, где как раз набиравшая воду Сесилия Симмс открыла было рот, чтобы поприветствовать Бидвелла, но при виде его сердитого лица сочла за благо прикусить язык.

Последний лучик солнца был подавлен тучами в тот самый момент, когда Бидвелл и Уинстон проходили мимо медных солнечных часов, установленных на деревянном постаменте близ пересечения улиц Мира, Гармонии, Усердия и Правды. Том Бриджес, направлявший запряженную волами повозку к своей ферме на улице Усердия, поздоровался с Бидвеллом, но основатель Фаунт-Ройала не сбавил хода и никак не среагировал на приветствие.

– Добрый день, Том! – ответил Уинстон, после чего ему пришлось поберечь дыхание, дабы не отстать от своего работодателя, который уже свернул на восток по улице Правды.

Огромная лужа посреди улицы была занята двумя свиньями, одна из которых насмешливо хрюкнула, когда его башмаки глубже погрузились в грязь, а запаршивленная дворняга сердито облаяла пришельцев. Неподалеку от лужи со свиньями стояли Дэвид Каттер, Хайрам Аберкромби и Артур Доусон, покуривая глиняные трубки и ведя какой-то явно малопрятный разговор.

– Добрый день, джентльмены! – мимоходом обронил Бидвелл.

Каттер вынул трубку изо рта и откликнулся:

– Бидвелл! Когда же наконец приедет этот судья?

– В свое время, джентльмены. Всему свое время! – не останавливаясь, ответил Уинстон.

– Я обращаюсь к кукловоду, а не к его кукле! – огрызнулся Каттер. – Нам уже осточертело ждать, когда с этим делом будет покончено! Может статься, они там даже не думают посылать к нам судью!

– Мы получили заверения от их Совета, сэр! – сказал Уинстон, в то время как его щеки вспыхнули от нанесенного оскорбления.

– К дьяволу их заверения! – подал голос Доусон, тщедушный рыжий башмачник. – С таким же успехом они могут заверять, что дождь завтра прекратится, да что с того толку?

– Не отставай, Эдвард, – вполголоса поторопил Бидвелл.

– Эта канитель уже в печенках сидит! – возмутился Каттер. – На виселицу чертовку, и все дела!

Фермер Аберкромби, который некогда одним из первых откликнулся на призыв Бидвелла и поучаствовал в основании Фаунт-Ройала, также внес свою лепту:

– Чем скорее ее повесят, тем спокойнее все мы будем спать! Не приведи Господь сторгеть в своей постели среди ночи!

– Да, разумеется, – пробормотал Бидвелл, жестом показывая, что разговор окончен.

Теперь он пошел еще быстрее; пот блестел на его лице, ткань под мышками потемнела. Позади тяжело отдувался Уинстон; его очки запотели совсем, и при следующем шаге он наступил в кучу «конских яблок», которую перед тем успешно обогнул Бидвелл.

– А если все же пришлют, – прокричал им вдогонку Каттер, – то какого-нибудь психа из тамошней богадельни!

– Вот человек, знающий все о богадельнях, – заметил Бидвелл, не обращаясь ни к кому конкретно.

Они миновали школу и дом учителя Джонстона, ферму Линдстрема с домом, амбаром и выгоном, где паслось небольшое стадо коров, а затем дом собраний, на флагштоке перед которым вяло обвис британский флаг. Чуть поодаль – тут Бидвелл прибавил шагу – замаячило сложенное из массивных бревен, лишенное окон здание тюрьмы. Единственная входная дверь была заперта на висячий замок с толстой цепью. К установленному перед тюрьмой позорному столбу обычно привязывали воров, богохульников и прочих злодеев, признанных таковыми решением городского совета; иногда их вдобавок обмазывали той самой субстанцией, которая только что неприятно утяжелила правый башмак Уинстона.

За тюрьмой, на последнем отрезке улицы Правды, находилось еще несколько домов с надворными постройками, садами и огородами. Часть домов уже пустовала, а от одного остались только головешки. Брошенные сады зарастали сорняками и колючим кустарником, а некогда щедрая пашня теперь больше смахивала на опасную трясику. Бидвелл направился к одному из домов в конце улицы и решительно постучал в дверь. Уинстон остановился неподалеку, рукавом вытирая пот с лица.

Почти сразу дверь со скрипом отворилась, и в проеме возникло сероватое, с запавшими глазами, лицо человека, явно страдающего от недосыпа.

– Добрый день, Мейсон, – сказал Бидвелл. – Я пришел поговорить с твоей женой.

Мейсон Барроу сразу понял, с какой целью его навестил хозяин Фаунт-Ройала, и потому без лишних слов распахнул дверь, отступая от входа. При этом его черноволосая голова понурилась, как у провинившегося пса в предчувствии порки. Бидвелл и Уинстон вошли в дом, который казался размером с коробку для париков по сравнению с недавно покинутым ими особняком. Двое детей Барроу – восьмилетняя Мелисса и шестилетний Престон – тоже находились в гостиной; старшая смотрела на чужаков из-за стола, а младший цеплялся за отцовскую штанину. Соблюдая правила вежливости, Бидвелл при входе первым делом снял шляпу.

– Надо полагать, она сейчас в постели?

– Да, сэр. Так расхворалась, что прямо беда.

– И все же я должен с ней побеседовать.

– Конечно, сэр. – Барроу вяло кивнул, а Бидвелл меж тем заметил, что детям тоже не мешало бы выспаться, да и поесть чего-нибудь горячего и сытного. – Как пожелаете.

С этими словами он указал на комнату в глубине дома.

– Хорошо. Эдвард, за мной.

Бидвелл подошел к открытой двери и заглянул в комнату. Там на постели лежала Элис Барроу, подтянув смятую простыню до подбородка. Ее глаза уставились в потолок, землистого цвета лицо блестело от пота. Единственное окно было закрыто ставнем, но комнату в достаточной степени освещали семь сальных свечей и смолистые сосновые ветки, горевшие в большой глиняной чаше. Жечь свечи среди бела дня было неразумной расточительностью для бедного фермера вроде Мейсона Барроу, не говоря уже о том, что его дети наверняка испытывали дискомфорт от такой избыточной иллюминации. Когда Бидвелл перешагнул порог, под его башмаком скрипнула половица, и женщина повернула голову к двери. Ее глаза широко раскрылись, дыхание замерло, как от резкой боли, и она инстинктивно попыталась забиться поглубже в постель.

Бидвелл сразу же остановился, не проходя дальше в комнату.

– Добрый день, мадам, – сказал он. – Можно с вами перемолвиться парой слов?

– Где мой муж? – тревожно спросила она. – Мейсон? Куда он делся?

– Я здесь! – ответил Барроу из-за спин гостей. – Все хорошо, бояться нечего.

– Не дай мне заснуть, Мейсон! Обещай это!

– Обещаю, – сказал он, быстро взглянув на Бидвелла.

– Что за чушь? – обратился к нему Бидвелл. – Эта женщина боится спать?

– Да, сэр. Она боится заснуть и увидеть во сне...

– Замолчи! – умоляюще, с дрожью в голосе вскричала Элис Барроу. – Если любишь меня, не упоминай *это*!

Девочка расплакалась, мальчик все так же держался за папину ногу. Барроу посмотрел прямо в лицо Бидвеллу.

– Она малость не в себе, сэр. Не спала уже две ночи. Боится темноты и даже теней среди дня.

– Так оно обычно и начинается, – тихо заметил Уинстон.

– Придержи язык! – цыкнул на него Бидвелл, после чего достал из кармана камзола кружевной платок и смахнул им бисеринки пота со своих щек и лба. – Как бы то ни было, Барроу, мне нужно с ней поговорить. Могу я войти, мадам?

– Нет! – ответила она, натягивая влажную простыню до самых глаз, расширенных от ужаса. – Убирайтесь!

– Благодарю вас.

Бидвелл подошел к постели и остановился, глядя на нее сверху вниз и обеими руками держа свою шляпу. Уинстон последовал за ним, а Мейсон Барроу остался в гостиной, чтобы успокоить плачущую дочку.

– Мадам, – начал Бидвелл, – вам следует воздержаться от распространения слухов об этих ваших снах. Мне известно, что вы рассказали об этом Кэсс Суэйн. И я вынужден вас попросить...

– Я рассказала Кэсс, потому что мы с ней дружим! – отозвалась женщина из-под простыни. – И прочим друзьям я это рассказала тоже! Почему бы и нет? Им надо знать то, что знаю я, если они ценят свои жизни!

– И что же делает ваши знания столь ценными, мадам?

Она откинула простыню с лица и вызывающе уставилась на Бидвелла. В глазах ее были слезы и страх, но острый подбородок нацелился на него, как таран.

– Все люди в этом городишке непременно умрут!

– Боюсь, что цена этим сведениям – не более шиллинга. Все люди, живущие во всех городах, со временем непременно умрут.

– Но не от *его* руки! Не в муках адского пламени! О да, он мне все рассказал! Он *показал* мне это! Он провел меня по кладбищу и показал имена на могилах! – На ее шее вздулись вены; темные волосы жидкими прядями липли ко лбу. Она продолжила свистящим шепотом: – Он показал мне могилу с именем Кэсс Суэйн! И могилу Джона! Он показал мне могилы моих детей! – Ее голос дрогнул, по щекам заструились слезы. – Моих собственных мертвых детей, лежащих в земле! Ох, милостивый Боже!

Она издала жуткий, душераздирающий стон, после чего зажмурилась и вновь закрыла лицо простыней.

Из-за горящих свечей, смолистого соснового дыма и просачивающейся снаружи сырости комната превратилась в настоящую парилку. Бидвеллу каждый вдох давался с немалым трудом. Он услышал отдаленный гром: вновь надвигалась буря. Нужно было что-то сказать в ответ на бредни Элис Барроу, но, как назло, ничего не приходило в голову. Без сомнения, город оказался во власти некоего великого Зла, которое продолжало разрастаться как пасмурным

днем, так и темнейшей ночью с быстротой ядовитых грибов. Это Зло проникало в сновидения жителей Фаунт-Ройала и доводило их до безумия. Бидвелл признал правоту Уинстона: так оно обычно и начинается.

– Крепитесь, – сказал он наконец, но прозвучало это неубедительно.

Она открыла глаза, опухшие и сильно покрасневшие.

– Крепитесь?! – повторила она недоверчиво. – Против *него*? После того, как он показал мне наше кладбище, полное могил?! Да там и шагу нельзя было ступить, чтоб не запнуться о могильный холмик! Это был пустой город. Все либо сбежали... либо умерли. Так он мне сказал. Стоя рядом со мной, так что я чувствовала ухом его дыхание. – Она качнула головой, глядя куда-то сквозь Бидвелла. – Тот, кто здесь останется, сгинет в адском пламени. Так он сказал мне прямо в ухо. Будет вечно гореть в аду. Пустой город. Мертвая тишина. Он сказал: «Тс-с-с, Элис». Он сказал: «Тс-с-с, слушай мой голос. Взгляни на это, – так он сказал, – и ты узнаешь, кто я».

Она моргнула, взгляд стал чуть более сфокусированным, но она все еще казалась потерянной и отрешенной.

– Я это увидела, – сказала она, – и теперь я знаю.

– Понятно, – произнес Бидвелл, стараясь сохранять спокойный и взвешенный тон, насколько это было возможно для человека, терпение которого было уже на исходе. – Однако нам всем нужно быть более ответственными и не сеять панику среди наших людей по малейшему поводу.

– Я вовсе не хочу сеять панику! – огрызнулась она. – Я хочу сообщить им правду, которая мне открылась! Это место проклято! Вы это знаете, я это знаю, и каждый местный в здравом уме это знает!

Она задержала взгляд на одной из свечей. Девочка в соседней комнате по-прежнему всхлипывала, и Элис Барроу произнесла с легким нажимом:

– Тише, Мелисса. Ну же, тише.

Бидвелл вновь не мог подобрать слова. Он заметил, что его пальцы крепко, до боли, впились в поля треуголки. Гром отдавался эхом, постепенно приближаясь; пот стекал по шее Бидвелла за шиворот. Эта комната-парильня как будто сжималась вокруг него, затрудняя дыхание. Надо было выбираться отсюда. Резко развернувшись и при этом едва не сбив с ног Уинстона, он сделал два шага к двери.

– Я видела его лицо, – сказала женщина, и Бидвелл замер на месте, как будто врезался в кирпичную стену. – Я его видела. Он *показал* мне себя.

Бидвелл посмотрел на нее, ожидая продолжения. Она уже сидела, простыня сползла набок; глаза ее теперь горели, исполненные жестокой муки.

– У него было *ваше* лицо, – произнесла она с какой-то дикой, полубезумной ухмылкой. – Навроде маски. Он нацепил на себя ваше лицо, когда показывал могилы моих детей.

Ее руки взметнулись и плотно зажали рот, словно она боялась, что оттуда вырвется истошный вопль, способный вывернуть наизнанку ее душу.

– Успокойтесь, мадам, – сказал Бидвелл, хотя и у него при этом дрогнул голос. – Вам нужно вернуться в реальность, отбросить все эти потусторонние видения.

– Мы все будем гореть в аду, если он не получит своего! – заявила она. – Он хочет, чтобы ее выпустили, вот чего он хочет! Чтобы ее выпустили и чтобы мы все убрались отсюда!

– С меня довольно! – Бидвелл снова развернулся и на сей раз покинул комнату.

– Хочет, чтобы ее выпустили! – прокричала она ему в спину. – Он не даст никому из нас покоя, пока не заполучит ее обратно!

Бидвелл без задержки пересек гостиную и вышел из дома; Уинстон шел за ним по пятам.

– Сэр! Сэр! – окликнул Барроу, выйдя наружу вслед за ними.

Бидвелл остановился, стараясь сохранить внешнюю невозмутимость.

– Простите ее, сэр, – сказал Бидвелл. – У нее и в мыслях не было вас обидеть.

– Нет никаких обид. Ваша супруга опасно больна.

– Так и есть, сэр. Но... раз пошли такие дела, вы поймете мое решение: нам придется уехать отсюда.

К этому времени темные чрева туч разродились морсящим дождем, и Бидвелл вновь водрузил треуголку поверх парика.

– Поступайте, как считаете нужным, Барроу. Я над вами не властен.

– Да, сэр. – Он облизнул нижнюю губу, собираясь с духом, прежде чем высказать то, что было у него на уме. – Это был хороший город, сэр. Был когда-то... – Он передернул плечами. – Но теперь все изменилось. Очень жаль, но мы не можем здесь оставаться.

– Ну так проваливай! – Внешнее спокойствие Бидвелла дало трещину, из которой, как черная желчь, просочились гнев и разочарование. – Здесь тебя никто на цепи не держит! Беги прочь, как трусливый пес, вместе со всеми прочими! А я бежать не собираюсь! Клянусь Богом, я прочно укоренился на этом месте, и никакие призраки меня отсюда...

Внезапно раздался колокольный звон. Низкий и гулкий. Один удар, второй, третий...

Это был колокол на вышке в конце улицы Гармонии. Он продолжил звонить, сообщая, что дозорный заметил кого-то приближающегося к Фаунт-Ройалу по дороге.

– ...Отсюда не выкорчуют! – закончил Бидвелл со свирепой решимостью. Он посмотрел в направлении ворот, всегда запертых на случай нападения индейцев, и в его сердце расцвела новая надежда.

– Эдвард, это не иначе как судья из Чарльз-Тауна! Наконец-то! Это должен быть он! Идем!

И он, не сказав больше ни слова Мейсону Барроу, направился к перекрестку четырех улиц.

– Быстрее! – подгонял он Уинстона, ускоряя шаг.

Между тем дождь взялся за дело всерьез, но даже страшнейший потоп со времен Ноя не удержал бы его от намерения лично поприветствовать судью в этот счастливый день. Колокольному звону начал вторить лай собак, и весь путь на север по улице Гармонии Бидвелл и Уинстон – первый с ликующей улыбкой, а второй с широко разинутым, хватающим воздух ртом – проделали в сопровождении эскорта вертлявых и брехливых шавок, словно бродячие клоуны на ярмарке.

Оба мужчины достигли ворот, насквозь промокнув от дождя и пота и пыхтя как кузнечные мехи. Тут уже собралось около дюжины обитателей ближайших домов, что и понятно: люди из внешнего мира не баловали Фаунт-Ройал своими визитами. Наверху вышки Малькольм Дженнингс перестал дергать веревку колокола, а двое других сторожей – Исай Полинг и Джеймс Рид – уже приготовились поднять запорное бревно и открыть ворота.

– Стойте-стойте! – крикнул Бидвелл, проталкиваясь через группу зевак. – Да пропустите же!

Подойдя к воротам, он почувствовал, что весь дрожит от нетерпения. Задрав голову, он обратился к Дженнингсу на верхней площадке, к которой вела пятнадцатифутовая лестница.

– Это белые?

– Да, сэр, – ответил Дженнингс. Этот замухрышка с вечно всклокоченными темными волосами имел во рту от силы пяток зубов, зато его глаза могли поспорить в зоркости с ястребиными. – Их двое. Я о том, что они... *вроде как* белые.

Бидвелла озадачило это «вроде как», но он не желал мешкать в столь ответственный момент.

– Отлично! – сказал он и обернулся к Полингу и Риду. – Открывайте!

Запорное бревно было вынуто из пазов. Затем Рид ухватился за две скобы на краях створок, потянул их на себя и открыл ворота.

Бидвелл шагнул вперед, заранее раскрывая объятия для своего спасителя. Но уже в следующий миг он замер, прервав этот гостеприимный жест.

Перед ним стояли двое: полнотелый лысый мужчина и тощий юнец с коротко стриженными черными волосами. Никто из них не походил на того человека, которого он надеялся поприветствовать.

Предположительно, оба были белыми, хотя судить наверняка не позволяла обильно покрывавшая их грязь. Тот, что крупнее и старше, был в дорожном сюртуке, изначальный черный цвет которого местами проглядывал сквозь рыжую глину. Он был бос, демонстрируя замызганные худые лодыжки. Все одеяние младшего составляло лишь подобие ночной рубашки, в которой он, похоже, катался по земле. Зато он имел башмаки, пусть и самого жалкого вида.

Дворняги, донельзя возбужденные всем происходящим, сразу начали рычать и возбужденно облаивать двух пришельцев, которые ошеломленно озирались, словно им был непривычен вид нормально одетых людей.

– Нищие бродяги, – вынес заключение Бидвелл тихим, но таящим в себе угрозу голосом.

Он слышал раскаты грома над лесом, и в них ему почудился рокочущий насмешливый хохот Господа. Поднятые для объятий руки плетью упали к бокам.

– Они прислали мне каких-то бродяг, – молвил он уже громче и рассмеялся за компанию с Господом. Сперва вполголоса, а затем в полную силу.

Хриплый безудержный хохот рвался наружу, раздирая глотку и заставляя слезиться глаза, и как бы ни хотел – как бы ни старался – остановить это Бидвелл, он контролировал свой хохот не более, чем может самовольно остановиться запущенный сорванцами волчок.

– Бродяги! – выдавил он сквозь смех. – Я... так... бежал... чтобы... встретить бродяг!

– Сэр! – заговорил старший из пришельцев и сделал шаг вперед босыми ногами; при этом его чумазое лицо исказилось от гнева. – Сэр!

Бидвелл покачал головой, продолжая смеяться уже навзрыд, и небрежно отмахнулся от приبلудного попрошайки.

Айзек Вудворд сделал глубокий вдох. Как будто ему было мало этой адской ночи, так теперь еще его терпение взялся испытывать какой-то расфуфыренный наглец. И это терпение лопнуло.

– Сэр!! – взревел он своим особым, «судейским» голосом, настолько громким и резким, что на пару секунд заткнулись пасти даже у собачьего хора. – Я мировой судья Вудворд, прибывший к вам из Чарльз-Тауна!

Бидвелл это услышал, и последний, остаточный смешок застрял у него в горле, после чего он потрясенно воззрился на полуголоое грязное пугало, вдруг объявившее себя мировым судьей.

Единственной мыслью, вонзившейся в мозг Бидвелла подобно жалу шершня, была недавно услышанная фраза: «А если все же пришлют, то какого-нибудь психа из тамошней богадельни!»

Он слышал собственный стон словно со стороны. Его веки затрепетали. Весь этот мир – беспрестанные ливни, грохочущий глас Божий, зеленые дебри за оградой поселка, бродяги и судьи, садовые вредители, разруха и гибель, накрывшие город своей хищной тенью, – закружился перед его взором. Он попятился, пытаясь найти какую-нибудь опору.

Но опереться было не на что. Тогда Бидвелл рухнул навзничь посреди улицы Гармонии; холодный серый туман заполнил его голову, и он погрузился в забытие.

Глава пятая

В дверь постучали.

– Господин судья, мистер Бидвелл велел передать вам, что гости уже прибывают.

– Сейчас буду, – ответил Вудворд, распознав экономку по шотландскому акценту.

Вдруг вспомнилось, что когда он услышал стук в дверь в предыдущий раз, его чуть не отправили на тот свет. Сама мысль о том, что подлый душегуб может прямо сейчас щеголять в его золоченом камзоле, была невыносимой, и судья, разволновавшись, никак не мог справиться с пуговицами только что надетой чистой голубой рубашки.

– Чтоб тебя! – сказал он своему отражению в овальном зеркале на стене.

– Сэр? – донесся из-за двери голос миссис Неттлз.

– Я сказал, что сейчас приду! – повторил он громче.

Она ответила: «Да, сэр» – и тяжелой поступью проследовала по коридору в сторону комнаты Мэтью.

Вудворд наконец-то застегнул рубашку, коротковатую в рукавах и слишком туго обхватившую его объемистый живот. Эта рубашка и другие вещи – бриджи, камзолы, чулки и башмаки – были подобраны для них с Мэтью любезным хозяином, когда тот очнулся от обморока и узнал об обстоятельствах пропажи их личных вещей. Как только Бидвелл понял, что до его желанной цели уже рукой подать, он с величайшей готовностью предоставил в их распоряжение две комнаты в своем особняке, а также раздобыл приблизительно подходящую по размерам одежду и позаботился о таких вещах, как хорошо направленные бритвы и горячая вода для мытья. Вудворд боялся, что никогда не сможет полностью соскрести с себя всю эту грязь, однако ее остатки все же были удалены посредством жесткой мочалки и долгих монотонных усилий.

Еще до рубашки он облачился в черные бриджи – также тесноватые, но в целом сносные, – белые чулки и черные тупоносые башмаки. Последним был надет жемчужно-серый шелковый камзол из личного гардероба Бидвелла. Судья еще раз осмотрел свое лицо в зеркале, сетуя на то, что вынужден предстать перед новыми людьми в таком виде: с голым пятнистым черепом. Но парик был слишком личной деталью наряда, чтобы даже думать о его заимствовании у посторонних. Пусть уж будет как есть. Ладно хоть голова на плечах сохранилась. По правде говоря, он бы куда охотнее проспал весь этот вечер, вместо того чтобы играть роль почетного гостя на званом ужине Бидвелла. Он еще не восстановил свои силы, хотя урвал часа три сна после ванны – достаточно, чтобы продержаться до той минуты, когда он вновь сможет растянуться на этой прекрасной кровати с мягкой пуховой периной и четырьмя столбиками по углам.

Напоследок он открыл рот и проверил состояние зубов. В горле слегка свербило, но с этим вполне мог справиться добрый глоток рома. И вот наконец, благоухая сандаловым мылом и лимонным лосьоном после бритья, он открыл дверь своей просторной комнаты и вышел в освещенный свечами коридор.

На первом этаже, ориентируясь по звуку голосов, он проследовал в отделанную деревянными панелями комнату рядом с вестибюлем главного входа. Ее уже подготовили для приема гостей перед трапезой: сдвинули к стенам стулья и прочую мебель, освобождая центр комнаты, а в белокаменном камине очень кстати развели огонь, ибо к вечеру непрерывный дождь дополнился похолоданием. Под потолком висела люстра из оленьих рогов, меж кончиков которых горела дюжина свечей. Бидвелл был уже здесь: в новом парике, размерами не уступающем прежнему, и бархатном костюме цвета темного портвейна. Он стоя беседовал с двумя джентльменами, а при виде Вудворда прервал разговор словами:

– А вот и наш мировой судья! Как отдохнули, сэр?

– Боюсь, отдых был недостаточно продолжительным, – признался Вудворд. – Тяготы прошлой ночи еще дают о себе знать.

– Судья поведал удивительную историю! – обратился Бидвелл к двум другим джентльменам. – Насколько я понял, он и его секретарь лишь чудом избежали смерти в трактире по пути сюда! Преступник явно поднатерел в убийствах, не так ли, сэр?

– Именно так. Мой секретарь спас наши шкуры, но только они при нас и остались. Когда мы бежали оттуда, пришлось бросить все вещи. Я жду не дожусь завтрашнего дня, мистер Бидвелл.

– Судья попросил меня направить туда ополченцев, чтобы вернуть его собственность, – пояснил Бидвелл остальным. – И чтобы арестовать этого человека для предания его правосудию.

– Я тоже поеду, – сказал Вудворд. – Не могу отказать себе в удовольствии взглянуть на рожу Шоукомба, когда он окажется в кандалах.

– Вы об Уилле Шоукомбе? – Один из гостей (тот, что был помоложе, лет тридцати) наморщил лоб. – Мне доводилось останавливаться в его трактире по пути в Чарльз-Таун и обратно. И уже тогда он показался мне подозрительным.

– У вас были на то все основания. Скажу больше: он убил мирового судью, который направлялся сюда две недели назад. Его звали Тимон Кингсбери.

– Позвольте мне вас представить, – спохватился Бидвелл. – Мировой судья Айзек Вудворд, это Николас Пейн... – он кивком указал на молодого человека, и Вудворд пожал протянутую руку, – а это Элиас Гаррик.

Вудворд обменялся рукопожатием и с ним.

– Мистер Пейн – капитан местного ополчения, – сообщил Бидвелл. – Завтра утром он возглавит экспедицию по поимке мистера Шоукомба. Верно, Николас?

– Это мой долг, – ответил Пейн, хотя блеск серо-стальных глаз свидетельствовал о недовольстве самим фактом планирования подобных действий без его ведома. – Буду рад оказать вам услугу, судья.

– А мистер Гаррик владеет самой крупной из здешних ферм, – продолжил Бидвелл. – Кроме того, он был одним из первых присоединившихся ко мне поселенцев.

– Да, сэр, – сказал Гаррик. – Я построил свой дом в первый же месяц после основания поселка.

– А! – Бидвелл взглянул в сторону двери. – Вот и ваш секретарь!

Мэтью только что вошел, испытывая некоторый дискомфорт из-за жавших ему башмаков.

– Добрый вечер, господа, – сказал он, вымучивая слабую улыбку, хотя устал как собака и не был настроен на светские беседы. – Извините за опоздание.

– Вам нет нужды извиняться! – Бидвелл жестом попросил его приблизиться. – Мы как раз говорили о ваших приключениях прошлой ночью.

– Точнее будет назвать их злоключениями, – сказал Мэтью. – Ни за что не согласился бы такое повторить.

– Господа, это секретарь мирового судьи, мистер Мэтью Корбетт, – объявил Бидвелл. Затем он познакомил Мэтью с Пейном и Гарриком, что сопровождалось обменом рукопожатиями.

– Я только что сообщил судье, что мистер Пейн является капитаном нашего ополчения, и он возглавит...

– ...Экспедицию с целью ареста мистера Шоукомба завтра утром, – перехватил инициативу Пейн. – Путь неблизкий, поэтому отправимся на рассвете.

– Я охотно пожертвую своим утренним сном ради справедливого возмездия, – сказал Вудворд.

– Отлично. Я подберу еще пару людей в команду. Как по-вашему, пистолеты нам пригодятся или этот Шоукомб не отважится на заварушку?

– Пригодятся, – сказал Вудворд. – Всенепременно.

Далее разговор перешел на другие темы, в том числе обсуждение последних событий в Чарльз-Тауне, тогда как Мэтью – одетый в белую рубашку, рыжевато-коричневые бриджи и белые чулки – воспользовался этими минутами для изучения Пейна и Гаррика. Капитан ополчения был крепким мужчиной ростом примерно пять футов десять дюймов. По оценке Мэтью, ему едва перевалило за тридцать. Длинные волосы песочного цвета были заплетены в косичку на затылке и перевязаны черным шнурком. Крупный нос с узкой переносицей подчеркивал симметрию лица; густые светлые брови нависали над серо-стальными глазами. Судя по его комплекции и скупым, выверенным движениям, Мэтью заключил, что этот человек шутить не любит и не чурается физической активности. Вероятно, очень хороший наездник. Пейн определенно не был франтом, о чем свидетельствовали простецкая серая рубашка, потертый кожаный камзол, темно-коричневые бриджи, серые чулки и коричневые сапоги.

Мистер Гаррик – больше слушающий, чем говорящий – производил впечатление весьма приземленного джентльмена без малого шестидесяти лет. Он был худ и костляв; кожа на аскетичном лице задубела под ветрами и палящим солнцем прошлых лет. Карие глаза глубоко западали в орбитах, а левую бровь пересекал, слегка ее приподнимая, короткий шрам. Седые напояженные волосы были зачесаны назад. Наряд состоял из вельветовых штанов кремового цвета, синей рубашки и некогда желтого камзола, со временем приобретшего неповторимый оттенок, знакомый Мэтью по куску испорченного сыра, аромат которого он однажды имел несчастье втянуть носом. Что-то в выражении лица и манерах Гаррика – медленно моргающие веки, тяжеловесное построение фраз в тех редких случаях, когда он вступал в разговор, – навело Мэтью на мысль, что этот человек вполне мог быть истинной солью земли, но вот по части других приправ тут явно ощущалась недостача.

Молодая чернокожая служанка внесла на оловянном подносе кубки из хрустального стекла – впечатлив этим Вудворда, ибо подобные предметы роскоши были редкостью в этих пока еще слабо освоенных колониях, – до самых краев наполненные красным вином. Хозяин дома предложил всем выпить, и никогда еще это вино не лилось в глотки более благодарных ценителей, чем судья Вудворд и его секретарь.

Мелодичный звон дверного колокольчика возвестил о прибытии новых гостей. Вскоре в комнату вошли еще два джентльмена, сопровождаемые миссис Неттлз, которая тотчас же удалилась на кухню следить за приготовлением ужина. Один из вошедших, Эдвард Уинстон, был уже знаком Вудворду и Мэтью, в отличие от второго, который прихрамывал и опирался на витую трость с набалдашником из слоновой кости.

– Это наш школьный учитель, Алан Джонстон, – представил его Бидвелл. – Нам очень повезло, когда мистер Джонстон согласился присоединиться к нашей общине. Он несет нам свет оксфордской учености.

– Оксфорд? – произнес судья, пожимая ему руку. – Я тоже учился в Оксфорде.

– Неужели? Позвольте узнать, в каком колледже?

Хорошо поставленный голос учителя звучал негромко, но Вудворд ощутил в нем ту особую силу, которая гарантирует почтительное внимание учеников.

– Церкви Христовой. А вы?

– Всех Душ.

– Ах, это было чудесное время! – произнес Вудворд, но при этом вопросительно скопил глаза на Бидвелла, ибо внешность учителя показалась ему более чем странной: лицо было напудрено, а брови выщипаны в ниточку. – Сколько прекрасных вечеров я провел, исследуя дно пивных кружек в «Шахматной доске»!

– Лично я отдавал предпочтение «Золотому кресту», – улыбнулся Джонстон. – Тамошний эль был усладой студента: очень крепкий и очень дешевый.

– Я вижу, среди нас есть истинно ученый муж, – улыбнулся в ответ судья. – Колледж Всех Душ, стало быть? Полагаю, очень скоро Лорд Дикая Утка снова будет пьян?⁶

– В стельку, уж как водится.

Пока два оксфордских однокашника вели эту беседу, Мэтью провел собственное исследование, разглядывая Алана Джонстона. Долговязый учитель носил темно-серый костюм в черную полоску, белую рубашку с вырезом на груди и черную треуголку. На голове у него был простой белый парик, а из нагрудного кармашка торчал уголок белого кружевного платка. Из-за пудры на лице, дополненной мазками румян на каждой из острых скул, определить его возраст было затруднительно – по прикидке Мэтью, где-то между сорока и пятьюдесятью. Джонстон был наделен длинным аристократическим носом со слегка расширенными крыльями и высоким лбом мыслителя, а выражение его прищуренных синих глаз было не то чтобы недружелюбным, но несколько отчужденным. На секунду опустив взгляд, Мэтью заметил начищенные до блеска башмаки и белые чулки, а кроме того – бесформенное вздутие в том месте, где должно было находиться его правое колено. Подняв глаза и обнаружив, что учитель смотрит ему прямо в лицо, Мэтью смутился и покраснел.

– Раз уж вы так заинтересовались, молодой человек, – сказал Джонстон, выгибая ниточки бровей, – я поясню: это врожденный дефект.

– Ох... извините. Я только... я не хотел...

– Ничего страшного... – Джонстон легонько похлопал его по плечу. – Наблюдательность – это признак живого ума. Развивайте в себе это качество, но постарайтесь использовать его не столь откровенно.

– Да, сэр, – промямлил Мэтью, готовый провалиться сквозь землю от стыда.

– Мой секретарь слишком глазаст, иногда не по разуму, – в порядке извинения произнес Вудворд. Ранее он также заметил изуродованное колено.

– Уж лучше быть слишком глазастым, чем недостаточно внимательным, – молвил учитель. – Однако в этом городке сейчас крайне желательно, чтобы глаза и разум действовали в унисон. – Он отпил глоток вина из своего кубка, меж тем как Вудворд кивнул в знак согласия с мудрым замечанием. – И раз уж мы заговорили о таких вещах, непосредственно связанных с вашим приездом сюда, позвольте полюбопытствовать: вы уже видели *ее*?

– Пока что нет, – быстро вмешался Бидвелл. – Я думаю, судья предпочтет изучить все подробности этого дела прежде, чем увидеться с *ней*.

– Вы сказали «подробности» или «похабности»? – иронически уточнил Джонстон, вызвав этим нервный смех Уинстона и Пейна, но лишь тень улыбки у Бидвелла.

– Скажу вам без обиняков, сэр, как оксфордец оксфордцу, – продолжил учитель, обращаясь к судье. – Не хотел бы я сейчас оказаться в ваших сапогах.

– Окажись вы сейчас в моих сапогах, – быстро ответил Вудворд, радуясь шансу потягаться с ним в остроумии, – вашим законным местом будет не кафедра в школе, а эшафот на площади.

Глаза Джонстона слегка расширились.

– Как это понимать?

– Моими сапогами завладел отпетый висельник, – пояснил Вудворд и, не жалея красок, поведал собравшимся о недавних событиях в трактире Шоукомба.

Судья уже убедился, что такая «почти трагическая» история безотказно действует на публику, как пламя свечи – на мотыльков; и теперь он старательно раздувал это пламя. Мэтью с

⁶ Намек на традиционный ритуал под названием «Охота на дикую утку», проводимый в оксфордском Колледже Всех Душ в первый год каждого столетия (в данном случае, соответственно, в 1701 г.). Ритуал включает полночное факельное шествие вокруг колледжа – во главе с избираемым по такому случаю Лордом Дикая Утка – и завершается повальной попойкой.

удивлением обнаружил, что в новом пересказе истории проницательный судья с самого начала догадался о «зловещих планах подлого Шоукомба» и потому решил быть начеку, дабы трактирщик не смог нанести удар ему в спину.

Обновленная версия успешно обретала черты, как глина под пальцами скульптора, когда вновь зазвонил колокольчик, и миссис Неттлз привела к ним еще одного гостя. Этот невысокий, хрупкого вида господин тотчас вызвал в голове Мэтью образ мелкой совы, примостившейся на коньке амбарной крыши. В его лице и впрямь было что-то совиное: бледные поджатые губы, крючковатый нос, большие белесо-голубые глаза, плавающие за круглыми стеклами очков, высокие дуги бровей на нахмуренном лбу. Он был в простом черном костюме, синей рубашке с оборками на манжетах и высоких сапогах. Длинные темные волосы – на висках тронутые сединой – свисали на плечи, а макушку венчала черная треуголка.

– Доктор Бенджамин Шилдс, наш врач, – представил его Бидвелл. – Как дела, Бен?

– Боюсь, порадовать вас нечем, – ответил доктор голосом гораздо более звучным, чем можно было ожидать при его скромных габаритах. – Извините за опоздание. Я только что от Честеров.

– В каком состоянии миссис Честер? – спросил Уинстон.

– В безжизненном. – Доктор снял треуголку и вручил ее миссис Неттлз, которая стояла позади него как темная стена. – Как ни печально, она отошла в мир иной менее часа назад. Все из-за этих болотных миазмов! Они забивают легкие и сгущают кровь. Если дожди не прекратятся в ближайшее время, Роберт, у наших заступов будет работы неуворот. А, здравствуйте! – Он направился к Вудворду, протягивая руку. – Значит, вы и есть тот самый судья, которого все мы так долго ждали. Слава Богу, наконец-то вы здесь!

– Насколько мне известно от членов Совета в Чарльз-Тауне, – сказал Вудворд после пожатия на удивление холодной и влажной руки доктора, – я уже третий мировой судья, вовлеченный в эту ситуацию. Первый умер от чумы в марте, прежде чем отправился в путь, а второй... Участь судьи Кингсбери оставалась неизвестной вплоть до вчерашнего дня. Знакомьтесь, это мой секретарь, Мэтью Корбетт.

– Очень приятно, молодой человек. – Доктор пожал руку Мэтью, после чего вновь обратился к Вудворду. – Сэр, мне абсолютно все равно, какой вы по счету: третий, тринадцатый или тридцать третий судья! Мы всего лишь хотим покончить с этим делом, и чем скорее, тем лучше. – Он подкрепил это заявление пронзительным взглядом поверх очков, а затем принялся к доносящимся из кухни кулинарным ароматам. – Чую жареное мясо! Что сегодня на ужин, Роберт?

– «Растерзайки» под перечным соусом, – произнес Бидвелл уже не таким бодрым голосом, как всего пару минут назад.

Его всерьез огорчила смерть Доркас Честер, почтенной пожилой дамы, муж которой, Тимоти, был портным в Фаунт-Ройале. Сейчас весь их миропорядок распался, как гнилая ткань. Вдобавок ко всему фраза доктора насчет заступов вызвала у Бидвелла тягостное воспоминание о снах Элис Барроу.

– Ужин скоро будет подан, – сообщила миссис Неттлз и удалилась с докторской треуголкой в руках.

Шилдс подошел к камину и начал согреть руки над огнем.

– Очень жаль миссис Честер, – промолвил он, пока никто из присутствующих не успел сменить тему. – Славная была женщина. Судья, вы уже успели осмотреть наш город?

– Пока нет.

– Тогда поторопитесь. При таких темпах вымирания наш Королевский Источник вскоре придется переименовать в Могильный Пустырь...

– Бен! – оборвал его Бидвелл чуть более резко, чем сам того хотел. – Я считаю, что для подобных речей нет никаких оснований. А разве ты считаешь иначе?

– Может быть, оснований и нет. – Шилдс все так же тер свои руки над огнем в стремлении избавить их от холода мертвой плоти Доркас Честер. – Но, к сожалению, в этом есть большая доля правды. Уверен, судья и сам очень скоро все выяснит, но почему бы нам не ускорить процесс выяснения? – Он взглянул на стоявшего рядом учителя. – Алан, ты уже не пьешь?

Не дожидаясь ответа, он взял из руки Джонстона полупустой кубок с вином и глотнул от души. Затем его мрачный взор переместился на Айзека Вудворда.

– Я стал врачом не для того, чтобы хоронить моих пациентов, но с некоторых пор моей лечебнице больше подходит вывеска погребальной конторы. Я говорю о последних двух неделях. Среди почивших был сынишка Ричардсонов, упокой Господь его душу. И вот сейчас Доркас Честер. Кого еще мне предстоит проводить на следующей неделе?

– Это уже никуда не годится! – строго сказал Бидвелл. – Ты должен держать себя в руках.

– Держать себя в руках... – Доктор покачал головой, созерцая вино на доньшке кубка. – Роберт, я и так слишком долго держал себя в руках. Я устал держать себя в руках.

– Это погода виновата, – сказал Уинстон. – Но дожди наверняка скоро закончатся, и тогда...

– Дело не только в погоде! – прервал его Шилдс, вызываяще задрвав острый подбородок. – Дело в самом духе этого места. Нас поглощает мрак.

Он допил остатки вина.

– В полдень здесь тот же мрак, что и в полночь, – продолжил он, блеснув мокрыми губами. – Распространяются болезни. Болезни духа и болезни тела – они взаимосвязаны, джентльмены. Одно влечет за собой другое. Я видел, как болезнь духа у миссис Честер забрала ее телесное здоровье. Я это видел – и ни черта не мог с этим поделать. Теперь эту заразу подхватил дух Тимоти. Как скоро я буду провожать и его?

– Простите, сэр, – подал голос Гаррик, прежде чем Бидвелл успел дать отповедь доктору. – Когда вы говорили про болезнь в городе... вы имели в виду... – Он запнулся, подыскивая формулировку. – Вы имели в виду, что до нас добралась чума?

– Полегче, Бенджамин, – вполголоса предупредил доктора мистер Джонстон.

– Нет, он говорил не об этом! – сердито вмешался Бидвелл. – Просто он расстроен кончиной миссис Честер, вот и все! Скажи ему, что речь не идет о чуме, Бен.

Доктор выдержал паузу, и Мэтью уже было подумал, что он сейчас объявит о начале эпидемии чумы в Фаунт-Ройале. Но вместо этого Шилдс испустил долгий усталый выдох и произнес:

– Нет, я говорил не о чуме. По крайней мере, не о чуме, вызванной какими-либо *физическими* причинами.

– Мне кажется, наш дорогой доктор хочет сказать, – обратился Джонстон к Гаррику, – что нынешняя духовная... гм... уязвимость нашего города отражается и на физическом здоровье жителей.

– То есть, по-вашему, болезни насылает на нас эта ведьма? – медленно ворочая языком, уточнил Гаррик.

Бидвелл решил остановить этот поток рассуждений, который мог прорвать дамбу, если бы Гаррик – толковый фермер, но бестолочь во всех вещах, далеких от мотыги и плуга, – начал доносить свое толкование сказанного до ушей местных жителей.

– Давайте смотреть в будущее, а не в прошлое, джентльмены! Элиас, наше спасение уже не за горами, и оно всецело зависит от мирового судьбы. Так будем же уповать на Господа и на правосудие, впредь не позволяя себе такие разрушительные речи.

Гаррик взглядом попросил Джонстона перевести сказанное.

– Это он к тому, что не надо тревожиться, – пояснил учитель. – И я с ним согласен. Уже скоро судья избавит нас от этой напасти.

– Я польщен вашим доверием, господа, – сказал Вудворд, наряду с удовольствием ощутив и бремя ответственности. – Надеюсь оправдать ваши ожидания.

– Да уж постарайтесь, – проворчал Шилдс, отставляя в сторону пустой бокал. – Судьба этого поселения отныне в ваших руках.

– Джентльмены! – В дверях появилась миссис Неттлз. – Ужин подан.

Банкетный зал в задней части здания, по соседству с кухней, производил сильное впечатление: стеновые панели из благородного темного дерева, развешанные повсюду гобелены, облицованный камнем камин размерами с зев фургона. Стену над камином украшала голова матерого оленя, а по обеим сторонам разместилась коллекция мушкетов и пистолей. Вудворд и Мэтью, никак не ожидавшие увидеть столь комфортный особняк посреди заболоченной глухомани, в этом зале – который мог бы сделать честь любому английскому замку – и вовсе онемели от изумления. Над огромным прямоугольным столом висела столь же огромная люстра, которую удерживали под потолком толстые корабельные цепи, а пол устилал ковер кроваво-красного цвета. Стол ломился от яств, главным среди которых были уже упомянутые «растерзайки» – жареные цыплята, – еще скворчавшие горячим соком.

– Господин судья, вы сядете рядом со мной, – указал ему место Бидвелл.

Мэтью ясно видел, что хозяин дома наслаждается властью, которую дает ему необычайное по здешним меркам богатство. Бидвелл заранее определил место за столом для каждого из гостей; Мэтью усадили на скамью с прямой спинкой между Гарриком и доктором Шилдсом. Из дверей кухни появилась еще одна юная негритянка с большими деревянными кружками, в которых – когда Мэтью осторожно проверил, памятуя о «змеином укусе», – оказалась холодная вода, только что набранная в источнике.

– Кто прочтет благодарственную молитву? – спросил Бидвелл до того, как первый нож успел вонзиться в подрумяненного и наперченного цыпленка. – Мистер Джонстон, не окажете нам честь?

– Охотно.

Все склонили головы, и учитель прочел молитву, возблагодарив Господа за щедрую трапезу, вознеся хвалу Премудрости Божьей, доставившей мирового судью невредимым в Фаунт-Ройал, и попросив о скорейшем прекращении дождей, если, конечно, сие предусматривалось Его замыслом. Однако еще до завершения молитвы раскаты грома возвестили о приближении очередного грозового фронта, и Мэтью показалось, что учитель сопроводил финальное «аминь» зубным скрежетом.

– А теперь приступим к ужину, – объявил Бидвелл.

И заблестели под свечами ножи, кромсая тушки «растерзак» – этот редкий термин к тому времени употреблялся лишь охотниками, еще помнившими старинную забаву, когда собак запускали в загон с цыплятами и заключали пари, чья собака успеет растерзать больше всех. Через минуту на смену бойкой работе лезвий пришло смачное отрывание мяса от костей зубами и пальцами. Ломти лепешек из грубой муки с привкусом горелой кукурузы, падавшие в желудок с тяжестью церковного кирпича, шли в ход, только когда нужно было вымакать подливу. Блюда с дымящейся фасолью и вареным картофелем были расставлены в пределах досягаемости каждого, а принесенный служанкой изящный серебряный кувшин с ромом и пряностями тотчас пустили по кругу, дабы еда проскакивала быстрее.

К тому времени ливень уже вовсю стучал по крыше. Вскоре Мэтью заметил, что банкет привлек и незваных гостей: крупных, противно жужжащих слепней и – что еще хуже – москитов, от которых стоял звон в ушах, а после укусов нестерпимо зудела кожа. Под гул праздной болтовни – часто прерываемой шлепками по особо надоедливому насекомому – Бидвелл делал очередной глоток из кувшина и передал его мировому судье. Затем он прочистил горло, и Вудворд понял, что пришла пора поговорить о деле.

– Скажите, что вам на данный момент известно о здешней ситуации, сэр? – начал Бидвелл, блестя потеками жира на подбородке.

– Я знаю лишь то, что мне сообщили в Совете. А именно: что вы держите под замком некую женщину, обвиняемую в колдовстве.

Бидвелл кивнул, взял со своей тарелки косточку и начал ее обгладывать.

– Ее зовут Рейчел Ховарт. Она смешанных кровей, английской и португальской. В январе ее муж Дэниел был найден в поле с разорванным горлом.

– Голова была почти полностью отделена от тела, – уточнил доктор.

– На теле имелись и другие раны, – продолжил Бидвелл, – оставленные звериными клыками и когтями. На лице, на руках, на ладонях.

Он вернул обглоданную кость на тарелку и выбрал другую, на которой еще осталось немного мяса.

– Убийца, кто бы это ни был... вошел в раж, мягко выражаясь. И это уже не первый такой случай.

– Англиканский священник, Берлтон Гроув, – вступил в разговор Джонстон, протягивая руку к серебряному кувшину. – Его убили таким же способом в ноябре. Труп обнаружила в церкви его жена. Точнее сказать, вдова. Вскоре после того она покинула город.

– Ее можно понять, – заметил Вудворд. – А сейчас в городе есть священник?

– Нет, – сказал Бидвелл. – Периодически я сам читаю проповеди. Иногда это делают доктор Шилдс, мистер Джонстон или еще кто-нибудь. У нас был еще лютеранский пастор – для немцев, – но он почти не говорил по-английски, а прошлым летом уехал отсюда.

– Для немцев?

– Да. В свое время здесь было много семей немцев и голландцев. И сейчас еще остались... э-э... – Он обернулся за помощью к Уинстону. – Сколько их осталось?

– Семь немецких семей, – доложил Уинстон, отмахиваясь от надоедливой мошкары. – И две голландские.

– Эдвард мой управляющий, – пояснил Бидвелл судье. – Он ведет всю городскую бухгалтерию, а прежде занимался тем же самым в моей судоходной компании в Лондоне.

– Мог ли я где-нибудь слышать название вашей компании? – спросил Вудворд.

– Она называется «Аврора». Не исключено, что вы прибыли в Америку на одном из моих кораблей.

– Очень может быть. Однако сейчас вы находитесь далековато от центров коммерческой деятельности, разве нет?

– Не так уж и далеко. Сейчас у руля в главной конторе стоят два моих сына. Супруга с дочерью также остались в Лондоне. А я тем временем забочусь о прогрессе моей компании.

– Здесь, в Фаунт-Ройале? Но каким же образом?

Бидвелл чуть заметно улыбнулся с видом довольного кота, только что слопавшего канарейку.

– Вы, без сомнения, в курсе, что я владею самым южным поселением в этих колониях. И вы конечно же знаете, что испанцы обосновались неподалеку отсюда, во Флориде.

Он знаком попросил у доктора кувшин с ромом.

– Я хочу превратить Фаунт-Ройал в настоящий город, который составит конкуренцию... нет, который *превзойдет* Чарльз-Таун в качестве главного перевалочного пункта в торговле наших колоний с Вест-Индией. Придет время, и я перенесу сюда главную контору моей компании, чтобы в полной мере пользоваться выгодами этой торговли. Я также рассчитываю на увеличение военного присутствия Англии в этих местах, ибо король заинтересован в сдерживании территориальных поползновений испанцев к северу от Флориды.

Он ухватил за ручку протянутый кувшин и сделал добрый глоток.

– Еще одна причина для создания в Фаунт-Ройале базы королевского флота – это борьба с пиратами и каперами, которые регулярно нападают на торговые суда из Вест-Индии. А кто, по-вашему, получит заказы на постройку военных кораблей?

Он склонил голову набок, дожидаясь ответа Вудворда.

– Вы, разумеется.

– Разумеется, я. Что также предполагает строительство верфей, пакгаузов, казарм, домов для офицеров... Теперь вы видите, какими прибылями может обернуться это начинание?

– Теперь вижу, – сказал Вудворд. – Надо полагать, вы заодно приведете в порядок дорогу отсюда до Чарльз-Тауна?

– Эта дорога, сэр, относится к ведению Совета провинции. Конечно, я буду готов сделать шаг им навстречу, пойти на компромисс. – Он пожал плечами. – Со временем члены Совета сами поймут, что географическое положение Фаунт-Ройала лучше подходит для торгового порта и военно-морской базы. Кроме того, Чарльз-Таун будет нуждаться в товарах, поставляемых моей компанией.

Вудворд еле слышно хмыкнул.

– Размах впечатляет, сэр. Но я подозреваю, что Совет уже знает о ваших планах. Возможно, как раз поэтому они не спешили с отправкой сюда мирового судьи.

– Похоже на то. Но ведь я не планирую отбирать морскую торговлю у Чарльз-Тауна. Я просто увидел перспективу. Странно, что основатели Чарльз-Тауна не выбрали место как можно дальше к югу. Думаю, их выбор был связан с тамошними реками и потребностью в пресной воде. Но вот этот источник, сами видите, с лихвой покрывает все наши потребности. Да здесь достаточно пресной воды, чтобы заполнить бочонки всех жаждущих моряков Вест-Индии!

– Э-э... сэр? – обратился к нему Мэтью, почесывая укушенное место на правой щеке. – Если у вас все так четко спланировано... почему вы до сих пор не приступили к строительству верфей и пакгаузов?

Бидвелл быстро взглянул на Уинстона. Мэтью показалось, что он нервничает и хочет что-то сказать этим взглядом.

– Потому что, – ответил Бидвелл, в упор глядя на Мэтью, – все нужно делать по порядку. – Он отодвинул в сторону свою тарелку и положил руки на стол. – Это схоже с постройкой корабля, молодой человек. Ее не начинают с мачты. Первым делом закладывается киль. А здесь несколько лет уйдет на осушение прибрежных болот и прочие подготовительные работы. Строительство порта начнется лишь тогда, когда я буду уверен, что Фаунт-Ройал может сам себя обеспечивать. То есть когда фермеры... – последовал призначительный кивок в сторону Гаррика, – будут снимать богатые урожаи; когда сапожник, портной, кузнец и прочие ремесленники будут обеспечены работой и удобным жильем; когда здесь появятся капитальные здания школы и церкви; когда горожане обретут уверенность в завтрашнем дне и чувство защищенности; когда население будет стабильно расти год от года.

После этой тирады он замолк и уставился на куриные кости столь мрачно, словно вместо них видел скелеты сгоревших зданий на улицах Фаунт-Ройала.

– С сожалением должен признать, – продолжил он после нескольких секунд угрюмого молчания, – что из этих условий до сих пор мало что выполнено. Да, наши фермеры делают все, что только можно сделать при такой неблагоприятной погоде. У нас нет недостатка в основных продуктах питания – кукурузе, бобах и картофеле, – а в лесу полно дичи. Но что касается коммерческих культур, таких как хлопок или табак... здесь наши усилия пока что не увенчались успехом. Население быстро сокращается, как по причине болезней, так и... – Он вновь запнулся и тяжело вздохнул. – Из страха перед ведьмой, – завершил он фразу и посмотрел в глаза Вудворду. – Я мечтаю построить здесь город. Крупный портовый город, который станет

жемчужиной всех моих владений. По правде говоря, сэр, я уже понес очень большие издержки, пытаюсь воплотить эту мечту в жизнь. Но я никогда и ни в чем не терпел неудач. Никогда!

Он вскинул голову, словно вызываясь подставлялся под удар злой судьбы, и Вудворд заметил на его подбородке большой волдырь от укуса.

– Я и на этот раз не потерплю неудачу, – заявил Бидвелл со стальными нотками в голосе и обвел взглядом стол, призывая в свидетели всех присутствующих. – Я отказываюсь сдаваться! Никакая поганая ведьма, никакой колдун, никакая бесовская тварь не уничтожат Фаунт-Ройал, покуда в моих жилах есть хоть капля крови, и в этом я клянусь перед всеми вами!

– Готов поддержать эту клятву, – сказал Пейн. – Я ни за что не спасую перед какой-то женщиной, пусть даже она лижет зад самому Сатане.

– Она его член сосет, вообще-то, – произнес доктор слегка заплетающимся языком. Похоже, вино и ром совместными усилиями таки прорвали его оборонительные линии. – Верно, Элиас?

Внимание судьи и секретаря переключилось на Гаррика, обветренное до красноты лицо которого покраснело еще сильнее.

– Да, сэр, все верно, – согласился фермер. – Я видел эту ведьму на коленях, когда она таким манером ублажала своего господина.

– Минутку! – У Вудворда екнуло сердце. – Вы хотите сказать... вы видели все это собственными глазами?

– Так оно и было, – без колебаний ответил Гаррик. – Я видел Рейчел Ховарт на коленях, в грязи. А он стоял перед ней, эдак руки в боки. Она ухватилась за его...

Он запнулся и нервно заерзал на скамье.

– Продолжайте, – призвал его Бидвелл. – Опишите судье все, что увидели.

– Эта его штуковина была... жуть какой здоровенной, – мучительно продолжил свой рассказ фермер, – вся черная и блестящая. Мокрая с виду, как слизняк. И... что хуже всего...

В надежде на помощь он посмотрел сначала на Джонстона, потом на Шилдса, но оба джентльмена сосредоточенно разглядывали свои тарелки. Тогда Гаррик заставил себя вновь повернуться к судье и закончить начатое.

– Его штуковина была с *шипам*, – выговорил он и также опустил взгляд в тарелку.

– С шипами, – повторил Вудворд, ощущая легкое головокружение, то ли от рома, то ли из-за невероятных показаний свидетеля.

– Мистер Гаррик, – произнес Мэтью, наклоняясь над столом, – а как выглядело его лицо?

– Его лицо?

– Да, сэр. Я полагаю, вы разглядели его лицо?

– Ну... – Гаррик наморщил лоб, все еще не поднимая глаз. – Я до жути перепугался, вообще-то. Кажись, я не вглядывался в эту его часть.

– Да какого черта, юноша! – с резким смешком сказал Шилдс. – Доведись вам самому увидеть женщину, сосущую черный шипастый хер длиной в фут, неужто вы отвлеклись бы на чье-нибудь лицо над этой картиной?

– Не знаю, – невозмутимо ответил Мэтью. – Мне не случалось бывать в подобных ситуациях.

– Он был в плаще с накиннутым на голову капюшоном. Разве не так вы мне рассказывали, Элиас? – напомнил Бидвелл.

– Да, сэр, именно так. Черный плащ и золотые пуговицы спереди. Я видел, как они сверкали под луной. – Гаррик вновь сделал паузу и с натугой сглотнул; его взгляд остекленел при воспоминании об этом. – А его лицо... там была просто тьма, и ничего больше. Навроде глубокой ямы, у которой не видно дна. Я чуть не обмочился со страху. Стоял там и глазел на них. Дело было за амбаром. И тут он меня заприметил... потому как назвал по имени. Выходит, он знал, как меня зовут. Он сказал: «Элиас Гаррик, как тебе нравится то, что ты видишь?» – Фер-

мер поднял руку и провел по своим губам дрожащими пальцами. – Я... я хотел было удрать. Я пытался, да он меня не пускал. Я будто к земле прирос. А потом он заставил меня открыть рот и сказать «да». Тогда он... засмеялся... и отпустил меня. Я забежал в дом, но был слишком напуган и не стал будить мою Бекку. Ничего ей не сказал... Не мог я ей такое рассказать. Но я рассказал мистеру Пейну, а потом он отвел меня к мистеру Бидвеллу.

– И вы твердо уверены, что женщиной, которую вы видели, когда она... э-э... обслуживала это существо, была Рейчел Ховарт? – спросил Вудворд.

– Да, сэр, уверен. Моя ферма стоит вплотную к участку Ховартов. В ту ночь меня с чего-то затошнило, я проснулся и вышел из дома, чтобы, значит, срыгнуть. Вдруг вижу: кто-то идет через кукурузное поле Ховартов, близ того места, где Джесс Мейнард нашла тело Дэниела. И я подумал: с чего бы кому-то шляться там среди ночи, да еще без фонаря? Перелез через ограду и пошел проверить. А как завернул за амбар, сразу все и увидел.

– Однако лицо женщины вы разглядеть все же смогли? – уточнил Мэтью.

– Кто о чем, а этот все о лицах! – фыркнул доктор Шилдс.

– Я разглядел ее волосы, – сказал фермер. – Я увидел... ну... пока я подходил к ним ближе, она успела скинуть одежду.

– Женщина была обнажена? – с этими словами Вудворд импульсивно потянулся к ромовому кувшину. Там оставалось на доньшке, и он допил все залпом.

– Да, сэр, совсем нагишом, – кивнул Гаррик. – Это была она, точно вам говорю. Рейчел Ховарт, ведьма. – Он перевел взгляд с Вудворда на хозяина дома, а потом обратно на судью. – А кто еще это мог быть?

– Больше никому, – согласился Бидвелл. – Скажите, судья, вам ведь известны основные признаки одержимости?

– Разумеется.

– Эта ведьма почти созналась в причастности к убийству преподобного Гроува и своего супруга. Кроме того, на ее теле есть отметины, и она не может прочесть вслух «Отче наш». У нее определенно дурной глаз, а еще – и это важнейшая из улик – в ее доме под половицей были найдены соломенные куклы, с помощью которых она навела порчу на своих жертв. Рейчел Ховарт – ведьма, и в этом нет сомнений. Это она вместе со своим чернохерым властелином сживает со свету мой город...

– Масса Бидвелл? – донесся голос от дверей кухни.

Там стоял и смотрел на компанию человек с кожей цвета полированного эбенового дерева. Явление столь черной личности тотчас после разговора на демоническую тему заставило Вудворда и его секретаря нервно поежиться.

– А, Гуд! Заходи-заходи, самое время для твоих талантов!

Черный человек вошел в комнату, неся пустой ящик и еще нечто завернутое в мешковину. Мэтью следил за тем, как этот негр – совершенно седой и явно очень старый, однако с моложавой осанкой – примостил ящик в углу. Грубая ткань его костюма в темно- и светло-серую полоску намочла – значит ему пришлось пройти немалое расстояние под дождем. Он раскрыл сверток, в котором оказались пшеничного цвета скрипка и смычок, после чего встал на ящик и начал пощипывать струны, склонив голову набок и поднеся ухо к своему инструменту. Пока шла настройка, пара черных служанок убрала со стола грязную посуду, а третья принесла зажженную свечу к услугам курильщиков.

Бидвелл достал из кармана золотую табакерку, открыл ее и запихнул по щепотке в каждую ноздрю. Затем шумно втянул воздух носом и вернулся к теме разговора.

– Я считаю, ее надо повесить здесь, а не перевозить в Чарльз-Таун. наших людей должно приободрить это зрелище – увидев, как она болтается в петле, люди будут знать, что с источником их бед покончено. Судья, даю вам завтрашний день на возвращение своей собственности

из лап этого гнусного трактирщика. Ну а потом... Вы сможете вынести приговор уже послезавтра?

– Видите ли... – Вудворд оглядел компанию за столом.

Мистер Шилдс также забивал в нос понюшку табака, Джонстон и Гаррик раскуривали трубки (из гладкого корня вереска у первого и из кукурузного початка у второго), а Пейн еще только извлекал кожаный кисет из кармана камзола.

– Видите ли, – снова начал Вудворд, – я... не могу сказать заранее, что...

– Мистер Бидвелл, – прервал его Гаррик, к тарелке которого потянулась одна из служанок, – можно мне взять этот кусок домой для Бекки? Ей это наверняка придется по вкусу.

– Да, конечно. Наоми, возьми цыпленка и заверни его для мистера Гаррика. Добавь к этому немного фасоли, картофеля и кусочек ванильного торта. Наш превосходный десерт будет подан с минуты на минуту, джентльмены. – Глаза Бидвелла, еще слезящиеся от крепкого табака, вновь обратились к судье. – Так вы успеете приговорить эту ведьму послезавтра, сэр?

– Я... боюсь, это невозможно.

Вудворд ощутил сильнейший зуд в районе загривка, пощупал это место и обнаружил два обширных вздутия после укусов настоящего летучего монстра.

– А в чем проблема? Вам понадобится еще один день для отдыха?

– Нет, сэр, – ответил судья, заметив огоньки, вспыхнувшие в глазах Бидвелла. – Я действую по закону и по сему обязан сначала допросить ведьму – в смысле обвиняемую, – а также свидетелей, выступающих как против нее, так и в ее пользу.

– Да у нас нет никого, кто выступил бы в ее пользу! – возвысил голос Уинстон, который после хорошей дозы рома чувствовал себя, как на палубе корабля в беспокойном море. – Разве что один такой найдется, но вас вряд ли порадует встреча с этим свидетелем!

– Дело не только в этом, – сказал Пейн, доставая из кисета тонкий коричневый цилиндр. – Многие из тех, кто видел эту женщину в обществе ее адского хозяина, уже сбежали из города.

Он сунул цилиндр в рот, наклонился и поднес его кончик к пламени свечи, а затем выпустил изо рта клуб голубоватого дыма.

– Из оставшихся, возможно, найдутся два-три свидетеля, но не более того, – добавил он.

– Она чистой воды ведьма, и я видел ее ведьмовские штучки своими собственными глазами! – решительно заявил Гаррик, повернувшись к Вудворду. – А кукол этих нашел Николас! Я тоже был там вместе с Джеймсом Ридом и Кельвином Боннардом, и мы все видели, как Николас выуживал кукол из-под пола! Она не может произнести молитву, и на ней есть дьявольские метки! Чего еще не хватает для того, чтобы ее повесить?

– И то верно, чего вам еще не хватает? – Ноздри Шилдса были испачканы в табаке, коричневые крошки которого усыпали и его лацканы. – Бог ты мой! Да чем скорее она заплывет на виселице, тем лучше будет всем...

– Виияууу! – грянул звук, напоминающий визг кота, которому наступили на хвост; звук столь громкий и неприятный, что все присутствующие вздрогнули, а одна из служанок уронила поднос.

Затем наступила тишина, нарушаемая только дробным стуком дождя по крыше.

– Прошу прощения, – сказал Гуд, опустив глаза. Его смычок завис над дрожащими струнами. – Взял неверную ноту.

Не дожидаясь ответа, он опустил смычок и заиграл всерьез, на сей раз тише и гораздо мелодичнее. Звуки – сладкие и нежные, как сливочная тянучка, – наполнили прокуренную комнату, а Гуд в процессе игры закрыл глаза, полностью сливаясь с музыкой.

Джонстон вынул трубку изо рта и прочистил горло.

– А ведь судья прав, Роберт, – сказал он. – Если мы намерены повесить эту женщину, надо устроить все законным порядком. Выслушать показания свидетелей. Пусть судья допросит и миссис Ховарт, а потом уже решит, является она ведьмой или нет.

– Глупости! – возмутился Гаррик. – Это только даст ей время учинить еще какую-нибудь пакость!

– Но, Элиас, мы же не дикари, – мягко возразил учитель. – Если мы хотим создать здесь процветающий город, не стоит омрачать его будущее нашими сегодняшними действиями.

Он снова вставил в рот черенок трубки и глубоко затянулся, меж тем как Гуд продолжал демонстрировать чудеса мелодики и гармонии.

– Предлагаю полностью отдать это в руки судьи, и пусть он ведет процесс по всем правилам, – продолжил Джонстон. – Сколько времени это может занять? Около недели, если не ошибаюсь?

Он посмотрел на Вудворда в ожидании ответа.

– Примерно так, – сказал судья и легким кивком поблагодарил Джонстона, несколько сгладившего ситуацию.

Бидвелл собрался что-то сказать – при этом лицо его сердито раскраснелось в тон цвету пятен от укусов насекомых, – но передумал, закрыл рот и взял еще понюшку из табакерки.

– Черт возьми, вы правы, – пробормотал он чуть погодя и захлопнул табакерку. – Мы ведь не хотим здесь устраивать самосуд, верно? Иначе этот чернохерый гад будет смеяться последним.

Скрипичная музыка лилась без остановки, глаза Гуда по-прежнему были закрыты.

– Что ж, пусть будет так. – Бидвелл ударил ладонью по столу, будто утверждая этим свое решение; точь-в-точь как Вудворд в схожей ситуации пустил бы в ход судейский молоток. – Даю вам неделю на допрос ведьмы и свидетелей.

– Премного благодарен, – не без сарказма ответил Вудворд, раздраженный тем, что его ставят во временные рамки при выполнении столь сложной и неприятной задачи.

Пока происходила эта небольшая стычка характеров, Мэтью с интересом наблюдал за Николасом Пейном. Точнее, за его необычным способом курения табачных листьев, свернутых в тугую трубочку. До сих пор Мэтью видел такое лишь дважды, ибо это было большой редкостью в английском королевстве понюшек и курительных трубок. Называлось это, насколько он помнил, «курением на испанский манер».

Пейн сделал затяжку и выпустил струю голубоватого дыма в сгустившуюся атмосферу комнаты, а потом вдруг повернул голову и посмотрел прямо в лицо Мэтью.

– У вас глаза на лоб лезут, молодой человек. Можно спросить, на что вы так уставились?

– Э-э... – Мэтью сделал над собой усилие, чтобы не отвести взгляд. В следующую секунду он решил не обсуждать сейчас данную тему, хотя и сам не очень понял, почему сознание инстинктивно взяло это на заметку.

– Ни на что конкретно, сэр, – сказал он. – Прошу прощения.

Пейн опустил свою курительную палочку – Мэтью запоздало вспомнил, что она называется «сигарой», – и повернулся к хозяину дома:

– Поскольку завтра я должен возглавить эту экспедицию, мне нужно подыскать двух-трех помощников. – Он встал из-за стола. – Благодарю вас за ужин и за компанию. А с вами, судья, мы встретимся на рассвете у конюшни за кузницей, это на улице Усердия. Спокойной ночи вам всем.

Он кивнул на прощание, а остальные – за исключением Бидвелла и доктора Шилдса – вежливо приподнялись со своих мест, после чего Пейн быстрым шагом покинул банкетный зал, на ходу дымя зажатой в зубах сигарой.

– Что-то Николас нынче не в духе, – сказал Джонстон после его ухода и, держась за свое изуродованное колено для дополнительной опоры, снова сел на скамью. – Эта ситуация всех нас выбила из колеи.

– Да, но после долгой ночи уже появился первый проблеск зари. – Бидвелл оглянулся через плечо. – Гуд!

Негр тотчас перестал играть и опустил скрипку.

– Черепахи еще ловятся? – спросил у него Бидвелл.

– Да, сэр. Попадаются и крупные. – Его голос был мелодичен, под стать его скрипке.

– Поймай нам завтра одну. Судья, завтра на обед у нас будет черепаховый суп. Вы его любите?

– Даже очень, – сказал Вудворд, почесывая укушенный лоб. – Молю Бога, чтобы завтра наша охота прошла успешно. Если хотите опробовать вашу виселицу, я с удовольствием вынесу приговор Шоукомбу, как только мы его сюда притащим.

– Это было бы прекрасно! – У Бидвелла загорелись глаза. – Да! Покажем нашим людям, что жернова правосудия заработали! Это станет отличной закуской перед главным блюдом! Гуд, сыграй нам что-нибудь веселое!

Черный слуга вновь поднял скрипку и заиграл другую мелодию, более быструю и оживленную, однако Мэтью все равно улавливал в ней больше грусти, нежели веселья. Веки Гуда снова опустились, отгораживая его от окружающего мира.

Принесли ванильный торт и новый кувшин рома. Разговор о Рейчел Ховарт постепенно угас, зато Бидвелл разговорился о своих планах по благоустройству Фаунт-Ройала. Мэтью начал клевать носом; тело его чесалось в дюжине мест, и больше всего он сейчас хотел добраться до постели в своей комнате. В люстре под потолком догорали свечи. Гаррик попрощался и отбыл восвояси, а вскоре его примеру последовал и учитель. Доктор Шилдс, неоднократно припадавший и ко второму кувшину, лег щекой на столешницу и таким образом выбыл из компании. Бидвелл отпустил Гуда, который перед выходом под дождь аккуратно обернул свою скрипку мешковиной. Уинстон также задремал на стуле, откинув голову назад и широко раскрыв рот. У Вудворда слипались глаза и отвисала нижняя челюсть. Наконец хозяин дома встал, зевнул и потянулся.

– Я вас покидаю, – объявил он. – Надеюсь, вы оба хорошо выспитесь.

– В этом нет сомнений, спасибо.

– Если что-нибудь понадобится, миссис Неттлз к вашим услугам. Уверен, ваше завтрашнее предприятие завершится успехом. – Он направился к выходу из комнаты, но на пороге задержался. – Вы только собой не рискуйте, судья. Пейн хорошо владеет оружием, так что пусть он и его люди сделают всю грязную работу, а вы нам еще пригодитесь для более важных дел. Вы меня поняли?

– Конечно.

– Тогда спокойной ночи, джентльмены.

Бидвелл развернулся, покинул банкетный зал и тяжело затопал по лестнице вверх, в свои личные апартаменты.

Вудворд окинул взглядом обоих спящих и, убедившись в том, что они бесчувственны, обратился к Мэтью:

– Ничто так не обостряет ум, как требование сделать что-то без лишних раздумий. Мне дали неделю на то, чтобы решить судьбу женщины, которую я еще даже не видел. Даже хладнокровным убийцам в Ньюгейтской тюрьме дают больше времени. Что ж... – Он поднялся, в глазах его стоял туман. – Я иду спать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр, – ответил Мэтью.

Когда судья удалился, Мэтью встал со скамьи и взял пустой кувшин, стоявший подле вытянутой руки доктора Шилдса. Заглянув внутрь кувшина, он вспомнил кружку, в которую Шоукомб опустил золотую монету. Испанскую монету, найденную в сумке какого-то индейца. Что делал индеец с испанской монетой? Этот вопрос не давал ему покоя на протяжении всего дня. И на него нужно было найти ответ, прежде чем полностью сосредоточиться на своих секретарских обязанностях и на деле этой ведьмы. Возможно, что-то удастся вытянуть из Шоукомба до того, как его вздернут.

Завтрашний день обещал много интересного. Мэтью вернул кувшин на стол и, с трудом переставляя ноги, поднялся в свою комнату на втором этаже. Через несколько минут он уже крепко спал, так и не сняв позаимствованную одежду.

Глава шестая

Впервые судью и его секретаря привел в дрянной трактирчик Шоукомба простой случай; теперь же их возвращала туда острая необходимость.

Вот и оно, это самое место, гнойником прилепившееся к обочине залитой грязью дороги. При виде его Вудворд весь подобрался. Они с Мэтью сидели в фургоне, запряженном парой лошадей, которыми правил Малькольм Дженнингс – тот самый беззубый замухрышка с необычайно зоркими глазами. Слева от них, непринужденно держась в седле, гарцевал на крупном гнедом жеребце Николас Пейн, а справа ехал на вороной лошади третий ополченец по имени Дункан Тайлер, мужчина постарше, с сединой в бороде и множеством морщин на лице, но еще крепкий физически и весьма боевито настроенный. Поездка от Фаунт-Ройала заняла более трех часов, и хотя дождь прекратился еще перед рассветом, серые тучи по-прежнему застилали небосвод. А когда ночную прохладу сменил давящий, влажный зной, дорожная слякоть начала обильно парить. Рубашки всех путников промокли от пота, а лошади нервничали и упрямылись.

В полусотне ярдов от трактира Пейн поднял руку, давая Дженнингсу знак остановить фургон.

– Ждите здесь, – скомандовал он, а сам вместе с Тайлером подъехал к двери.

Здесь Пейн спешился, извлек из седельной кобуры пистолет и взвел пружину колесцового замка. Тайлер поступил так же и с пистолетом в руке поднялся на крыльцо трактира вслед за капитаном.

Издали Мэтью и судья видели, как Пейн сильно постучал в дверь кулаком.

– Шоукомб! – донесся до них его крик. – Открывай!

Никакого ответа. Мэтью ожидал в любую секунду услышать противный треск пистолетного выстрела. Дверь оказалась незапертой и от ударов кулаком приоткрылась на несколько дюймов. Внутри не было видно ни огонька.

– Шоукомб! – насторожившись, вновь позвал Пейн. – Выходи без глупостей, не то хуже будет!

И вновь никакого ответа.

– Этак ведь могут и башку напрочь отстрелить, – произнес Дженнингс, обеими руками сжимая вожжи до побеления костяшек.

Пейн толкнул ногой дверь и открыл ее нараспашку.

– Поберегитесь, – прошептал Вудворд.

Пейн и Тайлер вошли в трактир. Остальные ждали поодаль. Мэтью и Вудворд были готовы услышать стрельбу и крики. Но ничего такого не происходило. Наконец в дверном проеме показался Пейн, держа пистолет дулом вниз, и знаком велел Дженнингсу подождать фургон к трактиру.

– Где они? – спросил Вудворд, вылезая из фургона. – Вы их нашли?

– Нет, сэр. Похоже, они улизнули.

– Проклятье! – Лицо Вудворда побагровело. – Изворотливый подонок! Но погодите, надо еще и сарай осмотреть!

– Дункан! – крикнул Пейн в темноту трактира. – Я иду проверить сарай!

И он направился в ту сторону, с усилием вытягивая ноги из грязи. Мэтью следовал за ним на почтительном расстоянии, принимая в расчет возможный ружейный огонь из сарая либо из леса. Очень скоро он заметил перемены: загон был открыт, лошади и свиньи исчезли, как исчез и петух со всеми курами и цыплятами. Дверь сарая не была заперта, а запорный брус валялся в грязи неподалеку. Пейн снова поднял ствол пистолета.

– Эй, выходи, кто там есть! – крикнул он в сторону двери. – Или схлопочешь пулю!

И здесь ответом была тишина. Пейн быстро оглянулся на Мэтью, этим предостерегая его от дальнейшего продвижения вперед, после чего приблизился к двери сарая, приоткрыл ее и заглянул внутрь, взяв оружие наизготовку. Затем сделал глубокий вдох и решительно шагнул внутрь.

Мэтью ждал, сердце его колотилось. Но вскоре Пейн объявился уже с опущенным пистолетом.

– И тут никого, – сказал он. – Я нашел только два фургона, и никаких лошадей.

Значит, они и впрямь улили, подумал Мэтью. Должно быть, Шоукомб сообразил, что сбежавшие жертвы вполне могли добраться до Фаунт-Ройала, и в срочном порядке прикрыл свою лавочку.

– Я покажу, где Шоукомб закапывал тела, – сказал он Пейну и повел его к лесу в обход сарая.

Там почва просела еще сильнее прежнего, обнажая следы злодеяний Шоукомба, и мухи облаком вились над жуткими останками. Пейн закрыл ладонью нос и рот, дабы приглушить запах, подошел к могильной яме, но бросил туда только один взгляд и тут же отступил подальше.

– Да, – сказал он, заметно посерев лицом, – картина мне ясна.

Мэтью и Пейн вернулись в трактир. К тому времени Тайлер уже распахнул большинство ставней, допуская дневной свет в мрачное логово Шоукомба. Эта неожиданная иллюминация заставила крыс, дотоле свободно резвившихся в каждой комнате, кинуться к своим норам со злобным и негодующим писком – всех, за исключением одной особо крупной твари, которая обнажила зубы с явным намерением напасть на пришельцев, но Тайлер среагировал быстрее, и крысиные кости хряснули под его правым сапогом. Дженнингс меж тем увлеченно прибирал к рукам всякие предметы, годные к перевозке в фургоне: фонари, деревянные миски, ножи, ложки и прочую утварь. Мэтью нашел судью в той самой комнате, из которой они сбежали позавчерашней ночью. При свете из открытого окна были видны разбитая дверь и темные пятна крови Шоукомба на полу.

– Все пропало, – мрачно молвил Вудворд. – Унесли без остатка.

Так оно и было. Весь их багаж – два сундука, коробка с париками и несессер Мэтью с гусиными перьями, чернильницей и записной книжкой – исчез.

– Мой камзол... – В отчаянии Вудворд едва не рухнул на соломенный тюфяк, но заметил там следы крысиной активности и устоял, хоть и был уже близок к обмороку. – Этот скот похитил мой камзол, Мэтью.

Он посмотрел в лицо молодому человеку, и Мэтью заметил горькие слезы в глазах судьи.

– Теперь его уже не вернуть, – простонал он. – Никогда.

– Это была всего лишь одежда, – ответил Мэтью и тотчас понял, что так говорить не стоило, ибо судья вздрогнул как от удара.

– Ничего подобного, – промолвил он, качая головой; плечи его поникли под бременем тяжелой утраты. – Это была часть моей жизни.

– Господин судья? – послышался голос Пейна, который заглянул в комнату раньше, чем Вудворд успел собраться с силами для ответа. – Они ушли совсем недавно. Зола в очаге еще теплая. Нашлись ваши вещи?

– Нет. Они забрали их с собой.

– Сочувствую. Там было что-нибудь ценное?

– Да, и даже очень ценное. Шоукомб унес все.

– Тут есть нечто странное, – сказал Мэтью после минутных раздумий и, подойдя к окну, взглянул на сарай. – Лошадей нет, но Шоукомб оставил два фургона. Один из них, видимо, наш. Шоукомб забрал наш багаж, всех свиней и кур, но оставил фонари. Полагаю, хороший фонарь стоит никак не меньше курицы?

– Эй, вы только гляньте, что я нашел! – раздался радостный крик из трактирного зала. Пейн поспешил туда, сопровождаемый Вудвордом и Мэтью.

Дженнингс, уже порядком заполнивший джутовый мешок своими трофеями, продемонстрировал им большую деревянную кружку.

– Ром! – сообщил он. – Стоял на этом самом столе! Где-нибудь может найтись и бутылка. Надо все хорошенько обыскать до того, как мы...

– Одну секунду, – прервал его Мэтью.

Приблизившись, он забрал кружку из рук добытчика и без лишних слов перевернул ее над ближайшим столом.

– Боже правый, парень! – взвыл Дженнингс при виде зря проливаемой выпивки. – Да ты с ума...

Дзиньк!

В иссякающей струе мутной коричневой жидкости со дна сосуда выпала на стол золотая монета. Мэтью взял ее и внимательно осмотрел, хотя и знал заранее, что это такое.

– Испанская монета, – произнес он. – Шоукомб говорил мне, что нашел ее на трупе какого-то индейца. Я видел, как он потом бросил ее в эту кружку.

– Позвольте взглянуть. – Пейн протянул руку, и Мэтью отдал ему монету.

Пейн подошел к окну, чтобы лучше рассмотреть детали. Тайлер стал позади, глядя через его плечо.

– Вы правы, она испанская, – сказал капитан ополчения. – Говорите, Шоукомб нашел ее на теле мертвого *индейца*?

– По крайней мере, так он заявлял.

– Странно. Откуда у индейца испанское золото?

– Шоукомб считал, что...

Мэтью вдруг запнулся. Он хотел сказать: «Где-то поблизости скрывается испанский шпион». Но у него в голове отложился образ Пейна, раскуривающего сигару за банкетным столом прошлой ночью. Курение на испанский манер. Где Пейн мог приобрести привычку курить таким образом?

Заодно Мэтью вспомнил и фразу Шоукомба об этом предполагаемом шпионе: «Черт, да он запросто может сидеть в Фаунт-Ройале, ежели это предатель-англичанин!»

– Что он считал? – Голос Пейна был спокоен и сдержан; его пальцы сомкнулись, и монета исчезла в кулаке.

– Он... сказал...

Мэтью медлил, лихорадочно придумывая ответ. Он не мог разглядеть выражения лица Пейна, который был виден лишь как силуэт на фоне тусклого квадрата окна.

– Он... считал, что индейцы могли наткнуться на пиратский клад, – выдал он наконец.

– Пиратский клад? – Дженнингс учуял нечто посолиднее остатков рома. – Где?! В наших краях?

– Не спеши ликовать, Малькольм, – предупредил Пейн. – Одна монета – еще не клад. У нас пока что не было стычек с пиратами, и они нам совсем не нужны.

Пейн склонил голову набок, и Мэтью понял, что он активно обдумывает эту версию.

– Шоукомб ошибался, – чуть погодя заявил Пейн. – Никто из чернофлажного братства в здравом уме не станет прятать добычу на землях краснокожих. Обычно пираты зарывают свое золото там, куда можно потом без проблем вернуться. Они не настолько глупы, чтобы соваться в те места, где плодами их успеха могут воспользоваться какие-нибудь дикари.

– Пожалуй, вы правы, – быстро согласился Мэтью, не желая углубляться в дебри собственного вранья.

– И все же... каким еще путем могло это попасть в руки индейца? Разве что где-то поблизости случилось кораблекрушение и часть груза вынесло прибоем на берег. Занятный случай. А вы что думаете, господин судья?

– Есть вероятность, – сказал Вудворд, – что индеец получил монету от какого-то испанца во Флориде.

– Исключено, здешние индейцы в такую даль не суются. Флоридские племена только и ждут, чтобы избавить их черепа от скальпов.

– Лично меня еще больше удивляет тот факт, – подал голос Мэтью, стремясь увести разговор от этой темы, – что Шоукомб оставил золотую монету в кружке.

– Может, просто позабыл о ней в жуткой спешке, – предположил Дженнингс.

– Но при этом он не забыл прихватить наш багаж, а также свиней и кур? Нет, это вряд ли.

Мэтью обвел взглядом комнату. Здесь все было в порядке: мебель не опрокинута, нет следов крови и других признаков борьбы. Очаг еще не остыл, котелки висели над углями. Никакого намека на то, что случилось с Шоукомбом и остальными обитателями дома. Мэтью поймал себя на мысли о той девчонке: какой могла быть ее судьба?

– Не знаю, – продолжил он размышлять уже вслух. – Но в чем я уверен, так это в том, что Шоукомб ни за что не оставил бы здесь эту монету. При обычных обстоятельствах, я хочу сказать.

Пейн негромко хмыкнул, еще несколько секунд повертел монету в пальцах, а затем отдал ее Мэтью.

– Полагаю, теперь она принадлежит вам. Возможно, это единственная компенсация, которую вам удастся получить с Шоукомба.

– Нашей целью является не компенсация, сэр, – резко возразил Вудворд, – а правосудие. И я вынужден признать, что сегодня правосудие осталось в дураках.

– Вряд ли Шоукомб намерен сюда вернуться. – Пейн наклонился и подобрал с пола свечной огарок. – На такой случай я мог бы предложить ночную засаду, но тут есть опасность быть заживо съеденным крысами. – Он нервно оглядел темные углы комнаты, из которых по-прежнему доносился злобный писк. – Такое место сгодится разве что для Линча.

– Для кого? – спросил судья.

– Гвинетт Линч – это крысолов у нас в Фаунт-Ройале. Но в этой мерзкой дыре даже он может проснуться с отгрызенными ногами. – Пейн запустил огарком в один из темных углов, где всполошенно заметалось нечто, судя по поднятому шуму, весьма крупное. – В сарае я видел хомуты и прочую упряжь. Дункан, мы с тобой можем запрячь наших лошадей в фургон судьи и доставить его в поселок. Вас это устроит, судья?

– Абсолютно.

– Вот и ладно. Пора попрощаться с этим местом.

Пейн и Тайлер вышли наружу, чтобы разрядить пистолеты в воздух, поскольку взведенные пружины колесцовых замков были опасны не менее, чем свернувшиеся кольцами гадюки. У Тайлера пистолет выстрелил сразу, а вот у Пейна он сначала только сыпал искрами и разрядился после шипящей задержки.

В течение получаса лошади были запряжены во вновь обретенный фургон, Вудворд взял в руки вожжи и двинулся вслед за первым фургоном по раскисшей дороге на Фаунт-Ройал. Мэтью сидел на занозистых козлах рядом с судьей, тогда как Пейн и Тайлер составляли компанию Дженнингсу. Перед тем как трактир Шоукомба исчез из виду, Мэтью оглянулся и представил себе, во что он превратится через несколько дней – или, страшно подумать, недель – безраздельного господства грызунов. Вновь его посетил образ девчонки, которая вряд ли непосредственно участвовала в преступлениях своего хозяина, и Мэтью невольно подивился тому, что Господь может быть так жесток к своим чадам. Но она не могла противиться судьбе – как

не мог и никто из них, – а посему тут ничего нельзя было поделывать. С этой мыслью он отворотил взор от прошлого за спиной и устремил его в будущее.

Мэтью и Вудворд остались наедине впервые с момента их прибытия в Фаунт-Ройал, ибо даже на пути от особняка до конюшни этим утром их по распоряжению миссис Неттлз провожал чернокожий мальчишка-слуга. Таким образом, Мэтью впервые представилась возможность высказать свои соображения насчет их вчерашних сотрапезников без риска быть услышанным посторонними.

Однако судья успел воспользоваться этой возможностью прежде него.

– Что ты думаешь о Пейне, Мэтью? – поинтересовался он.

– Кажется, он свое дело знает.

– Это верно. Он также кажется сведущим в делах... как это он выразился... «чернофлажного братства»... Интересно.

– Что именно?

– Несколько лет назад – в девяносто третьем или около того – мне довелось разрешать в суде дело человека, обвиненного в пиратстве. Дело запомнилось мне особо, потому что он был образованным человеком, в прошлом лесоторговцем, которого разорили кредиторы. Его жена и двое детей умерли во время эпидемии чумы. Словом, он казался человеком совсем не такого склада, чтобы вдруг заняться пиратским ремеслом. И вот, помнится, он называл своих... э-э... сотоварищей «чернофлажным братством». Прежде я никогда не слышал этого термина.

Вудворд посмотрел на небо, прикидывая, как скоро плотные серые тучи прольются очередным дождем.

– И я ни разу не слышал его с тех самых пор вплоть до момента, когда его употребил Пейн. – Он вновь обратил взор на дорогу перед ними. – Сам термин явно подразумевает уважительное отношение, а в немалой степени и гордость. Как будто один из членов этого сообщества отзывается о других.

– Вы предполагаете, что Пейн...

– Я ничего не предполагаю, – прервал его Вудворд. – Я лишь сказал, что нахожу это интересным, только и всего. – Он сделал паузу, чтобы подчеркнуть свою позицию по данному вопросу, а затем добавил уже небрежным тоном: – Но я буду не прочь узнать побольше о прошлом мистера Пейна. Просто ради интереса, разумеется.

– А что случилось с тем лесоторговцем?

– *Бывшим* лесоторговцем, – поправил судья. – Он не просто занимался пиратством, но и совершал убийства в открытом море. И он был несомненно виновен, какие бы обстоятельства ни сопутствовали его моральному падению. Мне было жаль его заблудшую душу, но у меня не было другого выбора, кроме как приговорить его к повешению. И его повесили.

– Я как раз собирался спросить ваше мнение о гостях за вчерашним ужином, – сказал Мэтью. – Возьмем школьного учителя Джонстона. Что вы скажете о его напудренном лице?

– В последнее время это стало модой в Европе, но и в колониях я уже изредка такое видел. Впрочем, у меня есть и другое объяснение его внешнему виду.

– Какое же?

– Он учился в Оксфорде, верно? В колледже Всех Душ. Так вот, этот колледж пользовался репутацией места, где собираются молодые шеголи и игроки, более склонные ко всяким сомнительного рода забавам, нежели к духовному просветлению. А средоточием этих забавников в колледже Всех Душ было общество под названием «Клуб адского пламени». Это очень древнее и закрытое общество было доступно лишь для тех немногих, кто происходил из богатых семейств и отличался дурными наклонностями. У членов этого клуба был обычай посыпать лица белым пеплом наутро после их непристойных пирушек.

Он быстро взглянул на Мэтью, а затем вновь сосредоточил внимание на дороге.

– По всей видимости, они придавали этому какое-то странное псевдорелигиозное значение. Словно стирали следы греха со своих лиц или вроде того. К сожалению, они не могли обсыпать пеплом и свои сердца. Но, возможно, Джонстон просто следит за европейской модой и пытается ей подражать, хотя мне невдомек, зачем кому-либо нужно заниматься такими вещами в этой Богом забытой глуши.

Мэтью ничего не ответил, но в эту минуту он вспоминал, как в том же захудалом трактире судья настаивал, чтобы они вышли к ужину при полном параде.

– И все же это очень странно, – продолжил рассуждать Вудворд. – Если Джонстон был членом «Клуба адского пламени» – я отнюдь не утверждаю, что он им был, хотя определенные указания на этот счет есть, – зачем ему придерживаться клубных обычаев спустя годы после того, как он покинул Оксфорд? К примеру, в бытность студентом я частенько носил малиновый сюртук с зелеными кисточками на рукавах, но мне и в голову бы не пришло надеть нечто подобное в наши дни. – Он покачал головой. – Нет, скорее всего, этот Джонстон просто гонится за европейской модой. Я очень сомневаюсь, что он ходит напудренным среди бела дня, а для вечерних застолий это еще куда ни шло.

– Похоже, он не обделен умом, – сказал Мэтью. – Хотелось бы знать, почему преподаватель с оксфордским образованием согласился приехать в поселение вроде Фаунт-Ройала. Казалось бы, ему должна быть по душе жизнь в более цивилизованных условиях.

– Верно. С другой стороны, почему *каждый* из них согласился жить в Фаунт-Ройале? Беря шире, почему вообще кто-либо, будучи в здравом уме, соглашается поселяться в далеких дремучих краях вроде этого? Однако они приезжают и поселяются, в противном случае сейчас не было бы ни Нью-Йорка, ни Бостона, ни Филадельфии, ни Чарльз-Тауна. Возьмем, к примеру, доктора Шилдса. Что побудило его отказаться от, вероятно, обширной и благополучной практики в городе ради мучений и тягот фронта? Может, Бидвелл платит ему кучу денег? Или он сделал это из чувства профессионального долга? Или здесь нечто совсем другое?

Вудворд вновь поднял взгляд к небу и задержал его на ястребе, который описывал нетопливые, плавные круги под самым пологом туч, видимо высматривая на земле жертву – кролика или белку.

– Доктор Шилдс показался мне глубоко несчастным человеком, – продолжил судья, прочистив горло, которое слегка побаливало с самого утра (посему он решил по возвращении прополоскать его солевым раствором). – И он пытается утопить свои печали в роме и вине. А тут еще высокая смертность в Фаунт-Ройале, которая усугубляет его меланхолию. В общем... остается только надеяться, что доктор не слишком закладывает за воротник при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Он снова поглядел на ястреба в вышине, который как раз в эту минуту прервал свой плавный полет и резко спикировал на добычу, и судья подумал о смерти, всегда готовой настигнуть любого из нас в этом мире смятений и катаклизмов.

За этой мыслью последовала другая, также связанная со смертью: перед его мысленным взором возникли маленькие пальцы, вцепившиеся в железное изголовье кровати. Костяшки пальцев – таких изящных, таких хрупких – побелели от этой судорожной хватки.

Вудворд крепко зажмурил глаза и вновь почти как наяву расслышал те звуки. Почти. Слышать их было невыносимо, даже на таком удалении во времени и пространстве. Из густых зарослей слева донесся пронзительный, торжествующий клекот ястреба и короткий визг какой-то мелкой зверушки.

– Сэр?

Вудворд открыл глаза. На него с беспокойством смотрел Мэтью.

– Вы в порядке, сэр?

– Да, – сказал Вудворд. – Должно быть, слегка устал, но это пройдет.

– Я могу взять вожжи, если хотите.

– В этом нет нужды. – Вудворд подхлестнул лошадей, дабы показать, что все под его контролем. – Ехать пассажиром для меня не менее утомительно. Одно хорошо: на сей раз мы хотя бы знаем, что Фаунт-Ройал уже недалеко.

– Да, сэр, – ответил Мэтью.

Чуть погодя он выудил из кармана бриджей золотую монету и начал ее разглядывать, положив на ладонь.

– Я сказал неправду мистеру Пейну, – признался он. – Насчет этой монеты. По словам Шоукомба, он нашел ее на трупе индейца... но при этом он считал, что где-то поблизости рыщет испанский шпион, который подстрекает индейцев к мятежу, одаривая их золотом.

– Что? Выходит, он ничего не говорил о пиратском кладе?

– Нет, сэр. Я это выдумал, потому что вчера за ужином обратил внимание на то, как курит Пейн. Вместо трубки он использует скрученные табачные листья, которые именуют «сигарами». Это...

– Это испанский обычай, да, – кивнул Вудворд, сужая глаза, по каковому признаку Мэтью догадался, что он заинтригован полученной информацией. – Хм... Да, теперь я понимаю причину твоей выдумки. Среди знакомых мне англичан лишь очень немногие курят таким способом. Я тоже это отметил прошлым вечером, но не счел нужным задавать вопросы. И все же не мешало бы выяснить, где и когда Пейн усвоил эту привычку.

– Именно так, сэр. Помимо того, Шоукомб предположил, что шпион может быть англичанином. По крайней мере, с виду. Но тогда шпионом может оказаться любой из жителей Фаунт-Ройала.

– Очень любопытно. Но какую цель может преследовать подобный шпион? Ах да, конечно же! – продолжил он, отвечая на собственный вопрос. – Докладывать испанцам о положении дел в Фаунт-Ройале. Который в будущем, увы, рискует быть переименованным в Блажь Бидвелла. Но какая роль во всем этом отведена индейцам, подкупаемым испанским золотом?

Мэтью ранее уже задавался этим вопросом, и ему кое-что пришло в голову. И сейчас он, как всегда в таких случаях, не замедлил высказать свое мнение.

– По задумке Бидвелла, Фаунт-Ройал среди прочего должен стать укрепленным форпостом для наблюдения за испанской Флоридой. Хотя не исключено, что испанцы сейчас намного ближе к нам, чем собственно Флорида.

– Ты хочешь сказать, что они могут быть расквартированы в индейских селениях?

Мэтью кивнул:

– Возможно, лишь небольшой экспедиционный отряд. А если и не в самих селениях, то достаточно близко, чтобы подарками переманивать индейцев на свою сторону.

Эта мысль так потрясла Вудворда, что он машинально натянул вожжи, и лошади почти остановились.

– Боже мой! – простонал он. – Если это правда, если в этом есть хоть малая толика правды, нам следует поскорее предупредить Бидвелла! Если испанцы сумеют натравить на Фаунт-Ройал краснокожих, они легко сотрут с лица земли все поселение!

– Все верно, сэр, однако, мне кажется, нам пока не стоит тревожить мистера Бидвелла по этому поводу.

– Почему? Разве ему не следует это знать?

– Несомненно, следует, – спокойно согласился Мэтью. – Но сейчас мы с вами лишь строим догадки. И пусть они до поры таковыми останутся, пока мы не найдем хоть какие-то доказательства.

– Ты не считаешь монету достаточным доказательством?

– Нет, не считаю. Как сказал мистер Пейн, одна монета – еще не клад. И она не доказывает то, что в этих лесах стоят лагерем испанские солдаты. Но если намек на это случайно сорвется с уст мистера Бидвелла и достигнет ушей местных жителей – Фаунт-Ройалу, считайте, конец.

– Значит, ты предлагаешь бездействовать? – спросил Вудворд с заметным раздражением.

– Я предлагаю наблюдать и прислушиваться, – сказал Мэтью. – Осторожно наводить справки и – насколько удастся – отслеживать действия мистера Пейна. Если в поселке действительно есть шпион, ему нет смысла что-то предпринимать, пока не будет завершен этот ведьмовской процесс. В конце концов, раз уж сам Сатана разгуливает по их полям, Фаунт-Ройал вполне может зачехнуть и сгинуť без посторонней помощи.

– Но это уже ни в какие ворота! – возмущенно фыркнул судья. – Ты высказываешь такие тревожные догадки, но сам ничего не желаешь предпринимать!

– Сейчас еще не настало время для действий. Кроме того, сэр, мне кажется, более срочным для нас обоих сейчас является дело Рейчел Ховарт.

Вудворд начал было что-то отвечать, но так и не договорил. Колеса фургона продолжали месить грязь, лошади продвигались вперед медленным, но ровным шагом. Поразмыслив, Вудворд еще раз прочистил горло.

– Да, Рейчел Ховарт, – произнес он. – Не могу сказать, что с радостью предвкушаю наше завтрашнее знакомство. Что ты думаешь об истории Гаррика?

– Она очень странная.

– Это слишком мягко сказано, на мой взгляд. Не припоминаю, чтобы когда-либо слышал что-то подобное. Хотя чего там припоминать – наверняка не слышал. Но насколько мы можем ему доверять?

– Сам он в это верит, если только он не искуснейший из всех известных мне притворщиков.

– Стало быть, он действительно видел кого-то или что-то за тем амбаром? Но этот описанный им акт... Как, во имя всего святого, может женщина поступать таким образом?!

– Как раз в этой ситуации ничего святого нет, – напомнил ему Мэтью.

– Нет. Конечно же, нет. Два убийства. То, что в первом случае жертвой стал священник, вполне объяснимо. Дьявольские силы первым делом стремятся уничтожить того, кто способен поднять против них меч Господень.

– Тут вы правы, сэр. Жаль только, что в данном случае меч Сатаны оказался более эффективным оружием.

– Я бы на твоём месте воздержался от подобных богохульств, пока тебя громом и молнией не вызвали в суд наивысшей инстанции, – предостерег его Вудворд.

Мэтью погрузился в созерцание густых и сырых зарослей по сторонам дороги, но мысли его обратились к другим вещам, а именно: к поискам истины в этой истории с ведьмой. Это была кошунственная мысль – и он знал, что рискует из-за нее подвергнуться вечному проклятию, – но порой он все же сомневался в том, что этим земным царством неистовства и ярости действительно правит Господь Бог. Мэтью не хуже прочих мог петь гимны и бормотать заученные фразы в строгой обстановке воскресных служб, большей частью состоявших из молитвенных потуг священника, который пять или шесть часов подряд умолял Иегову проявить милосердие к своему ущербному, изувеченному Творению. Но за всю свою жизнь Мэтью видел очень мало реальных свидетельств дел Божьих, зато частенько наткался на деяния, к которым вполне мог приложить руку Дьявол. Петь хвалу Господу совсем не трудно, когда ты носишь чистую белую рубашку и ешь с фарфоровых тарелок, но гораздо труднее, когда ты лежишь на грязном тюфяке в спальне сиротского приюта и прислушиваешься к воплям мальчика, после полуночи вызванного в покои директора.

Порой ему снились мать и отец. Не часто, но все же снились. В этих снах он видел две фигуры и создавал, что это его родители, но никогда не мог отчетливо разглядеть их лица. Слишком густыми были тени. Впрочем, он вряд ли узнал бы их, даже разглядев, поскольку его мама умерла от заражения крови, когда ему было всего три года, а его отец – немногослов-

ный трудяга-пахарь в колонии Массачусетс, которому было очень нелегко в одиночку растить сына, – скончался от удара лошадиным копытом по черепу, когда Мэтью шел шестой год. И тем же самым ударом копыта Мэтью был отправлен в скитания, которые сформировали и закалили его характер. Первой остановкой на этом пути была убогая хижина его дяди и тети, разводивших свиней на острове Манхэттен. Но поскольку они оба постоянно пребывали в отупело-пьяном состоянии, а двое их детей-недоумков восьми и девяти лет видели в Мэтью лишь объект для издевательств – включавших регулярные полеты в большую кучу свиного навоза рядом с домом, – Мэтью по достижении семилетнего возраста тайком залез в ехавший на юг воз с сеном, зарылся поглубже и таким образом оставил позади любящие объятия своих ближайших родичей.

Далее были почти четыре месяца прозябания в порту Нью-Йорка, где он спутался с шайкой оборванцев, которые то просили милостыню у купцов и лавочников, то воровали у них же, принуждаемые к тому нестерпимыми муками голода. Мэтью узнал, каково это: драться за жалкие крохи черствого хлеба и потом чувствовать себя кумом королю, если выйдешь из битвы с расквашенным носом, но зато с чем-нибудь съедобным, зажатым в кулаке. Этот эпизод его жизни закончился, когда один из портовых торговцев призвал констебля к действию и представители закона оцепили выброшенное на берег судно, которое служило убежищем Мэтью и остальным мальчишкам. Их поймали сетями и связали, как неких брыкающихся, плюющихся, испуганных и злобных зверенышей – кем они, собственно, и являлись.

А затем большой черный фургон повез их всех – по-прежнему связанных, да еще и с заткнутыми ртами, дабы сдержать потоки грязных ругательств, которым они научились у торговцев, – по грунтовым улицам города. Четыре лошади тянули груз сопливых преступников, возница знай себе щелкал кнутом, а его напарник звоном колокольчика разгонял с дороги зевак. Фургон остановился перед зданием, кирпичная кладка которого была черна, как сажа, и блестела под дождем подобно коже припавшего к земле хищного желтоглазого ящера. Мэтью и других оборвышей без лишних церемоний вытащили из фургона и погнали через железные ворота внутрь здания. Он навсегда запомнил жуткий лязг этих ворот с накидным засовом, закрывающихся за его спиной. Потом, пройдя под аркой через еще одну дверь в холл, он очутился в неласковых объятиях Сент-Джонского приюта для мальчиков.

Первый день Мэтью в этой обители ужаса начался с пыток: его отскребли от грязи с помощью жесткого мыла, погрузили в жалиющий кожу раствор для выведения вшей и блох, остригли наголо, а затем обрезали ему ногти и почистили зубы. Все это проделывали старшие воспитанники – именуемые здесь просто «старичками», как он узнал впоследствии, – под надзором всевидящего «командира» по имени Гаррисон, парня лет семнадцати с усохшей левой рукой. В конце концов, облаченный в серую хламиду с жестким воротником и тупоносые пуританские башмаки, Мэтью был препровожден в комнату, где его поджидал, сидя за столом, пожилой мужчина с пронзительными голубыми глазами и венчиком седых волос. На столе красовались гусиное перо, грессбук и чернильница.

Их оставили наедине. Мэтью окинул взглядом комнату, отметив среди прочего полки с книгами и выходящее на улицу окно. Затем он по голому деревянному полу напрямик направился к окну и устремил взгляд наружу, в сумеречный свет. Сквозь дымку вдаль проступали мачты кораблей, стоявших в гавани. Само окно было необычным: оно состояло из девяти квадратных частей, разделенных металлическими рамками. Ставни были открыты, но когда Мэтью потянулся к знакомому миру по ту сторону окна, рука вдруг наткнулась на какую-то преграду. Он приложил ладонь к одному из квадратов, надавил посильнее, но невидимая поверхность не поддавалась. Внешний мир был открыт взору, ставни распахнуты, но некая таинственная сила не позволяла ему высунуть руку наружу.

– Это называется «стекло», – негромко произнес сидевший за столом мужчина.

Мэтью приложил к окну вторую ладонь и всеми пальцами ощутил сопротивление этой новой для него магии. Сердце забилося учащенно, когда он понял, что имеет дело с чем-то, превосходящим его понимание. Как окно может быть открытым и в то же время закрытым?

– У тебя есть имя? – спросил мужчина.

Мэтью не удосужился ответить. Он был целиком поглощен исследованием загадочного окна.

– Я – директор Стаунтон, – сообщил мужчина, не повышая голоса. – Ты можешь сказать, сколько тебе лет?

Мэтью подался вперед, и кончик его носа расплющился о незримую поверхность, по которой мутным пятном расплылось его дыхание.

– Надо думать, тебе в жизни пришлось несладко, – продолжил мужчина. – Может, расскажешь мне об этом?

Между тем пальцы Мэтью вновь занялись делом, щупая и нажимая, а его детский лоб рассекли задумчивые складки.

– Где твои родители? – спросил Стаунтон.

– Умерли, – ответил Мэтью, хотя, вообще-то, отвечать не собирался.

– А какая у вашей семьи фамилия?

Мэтью постучал по окну костяшками пальцев.

– Как получилась такая диковина? – спросил он.

Стаунтон помолчал, склонив голову набок. Затем протянул худую руку в старческих пятнах, взял со стола перед собой очки и водрузил их на нос.

– Такие вещи делает стекольщик.

– Стекольщик? А это что такое?

– Это человек, который занимается изготовлением стекла и потом вставляет его в свинцовые рамы.

Мэтью встряхнул головой, все еще не понимая.

– Этот вид ремесла появился в наших колониях совсем недавно, – пояснил Стаунтон. – Тебя он интересует?

– Отродясь не видал ничего эдакого. Окно как бы открыто, но и закрыто притом.

– Да, пожалуй, можно сказать и так. – Директор слегка улыбнулся, что смягчило черты его худого лица. – А ты не лишен любознательности, верно?

– Я лишен всего вообще, – сурово и твердо заявил Мэтью. – Налетели эти сучары и лишили нас всего. Обобрали подчистую.

– За сегодняшний день я повидал шестерых из вашего племени. И ты первый из всех, кто проявил интерес к окну. Так что, я думаю, любознательность у тебя есть.

Мэтью пожал плечами. Затем, ощутив давление в мочевом пузыре, задрал подол своей хламиды и помочился на ближайшую стену.

– Я вижу, ты привык вести себя как животное. Теперь придется отвыкать от некоторых вещей. Облегчаться надлежит в горшок – и в уединении, как положено джентльмену, – иначе ты получишь два удара розгами от нашего мастера наказаний. Сквернословие также карается двумя ударами. – Голос директора зазвучал весомо, а глаза за стеклами очков посуровели. – Поскольку ты здесь новичок, я оставляю это первое проявление дурных привычек без последствий, но за собой ты все убережешь, разумеется. Если же ты проделаешь нечто подобное еще раз, я лично прослежу, чтобы тебя выпороли должным образом, а наш мастер наказаний – можешь мне поверить, сынок, – очень хорошо знает свое дело. Ты меня понял?

Мэтью собрался было вновь пожать плечами, отвергая претензии старика, но ощутил на себе его грозный взгляд и смекнул, что ему это может больно аукнуться. Посему он ответил кивком, а потом отвернулся от директора и вновь сосредоточил внимание на окне. Он провел по стеклу пальцами, нащупав незримые неровности.

– Сколько тебе лет? – спросил Стаунтон. – Семь? Восемь?

– Между тем и тем, – сказал Мэтью.

– Ты умеешь читать и писать?

– Малость кумекаю в числах. Десять пальцев на руках и десять на ногах. Вместе выходит двадцать. Вдвое против того будет сорок. А ежели еще удвоить, это будет...

Тут он задумался. В свое время отец учил его основам счета, а пройти весь алфавит им помешал злополучный удар копытом по черепу.

– ...Будет сорок и сорок, – закончил он. – И еще я знаю буквы: эй-би-си-ди-и-эф-джи-эйч-ай-джей-эн-эл-оу-пи-кей...

– Не так уж и плохо для начала. Твои родители дали тебе имя, надо полагать?

Мэтью не спешил с ответом. Ему казалось, что, сообщив свое имя директору, он даст ему некую власть над собой, а к такому обороту Мэтью готов не был.

– А это окно, – спросил он, – дождик пропускает или как?

– Не пропускает. В ветреные дни оно впускает сюда солнце, но задерживает ветер. Так что у меня достаточно света для чтения, но можно не опасаться, что мои бумаги сдует со стола.

– Раздери меня чертяка! – восхитился Мэтью. – Каких только штукенций люди не измыслят!

– Следи за языком, дружок, – предупредил Стаунтон, но не без нотки веселья в голосе. – Еще одно чертыханье, и ты близко познакомишься с розгами. Постарайся усвоить и запомнить следующее: лично я хочу быть твоим другом, но только от тебя зависит, станем мы дружить или конфликтовать – то есть враждовать. В этом приюте шестьдесят восемь мальчиков в возрасте от семи до семнадцати лет. У меня нет времени и сил нянчиться с вами всеми, но я строго слежу за тем, чтобы сквернословие и прочие дурные поступки не оставались безнаказанными. Чего не излечат розги, то долечит окунание в бочку. – Он сделал паузу, дабы сказанное успело достигнуть самых глубин сознания Мэтью. – Тебе будут давать уроки, чтобы ты получал знания, и посильную работу, чтобы не бездельничал. Ты должен освоить навыки чтения и письма, а также основные арифметические действия. По воскресеньям будешь ходить в церковь и читать Священное Писание. И ты будешь вести себя, как подобает юному джентльмену. При всем при том... – добавил Стаунтон, смягчая тон, – здесь не тюрьма, а я не надзиратель. Главная цель этого заведения – подготовить тебя к выходу отсюда.

– Когда? – спросил Мэтью.

– В свое время, и не ранее того. – Стаунтон макнул перо в чернильницу и занес его над грессбухом. – А теперь я хотел бы узнать твое имя.

Внимание Мэтью сразу же переключилось на окно.

– Хотел бы я взглянуть, как они его делают, – сказал он. – Но это жуть как сложно, да ведь?

– Не так уж и сложно. – Стаунтон несколько секунд смотрел на мальчика, прежде чем продолжить. – Давай заключим с тобой сделку, сынок. Стекольная мастерская находится неподалеку. Ты сейчас назовешь свое имя и немного расскажешь о себе, и тогда – если тебя это действительно интересует – я попрошу стекольщика прийти сюда и рассказать нам о своем ремесле. Как тебе такой обмен? Удовлетворяет?

Мэтью задумался, понимая, что этот человек предложил нечто для него важное, как важен огонь для свечи: знания.

– Вдов-ли-творяет, – кивнув, повторил он последнее слово. – Меня зовут Мэтью Корбетт. С двумя «тэ».

Директор Стаунтон вписал его имя в грессбух мелким аккуратным почерком, и с той самой минуты жизнь Мэтью Корбетта сошла с кривой дорожки, по которой она катилась дотоле.

Книги и терпеливое поощрение сделали свое дело, тем более что Мэтью проявил себя очень способным учеником. Стаунтон сдержал слово и пригласил стекольщика, который поведал собравшимся мальчикам о своем ремесле. Этот визит имел такой успех, что за ним последовали встречи с сапожником, парусным мастером, кузнецом и представителями других достойных профессий, жившими по ту сторону приютских стен. Как ревностный христианин (он был священником до получения должности директора приюта), Стаунтон отличался скрупулезной честностью, но при этом ставил перед своими питомцами высокие цели и многого от них требовал. Близкого знакомства с розгами Мэтью не избежал, но несколько таких случаев успешно излечили его от сквернословия и в целом благотворно сказались на его манерах. Быстрые успехи Мэтью в чтении и письме так впечатлили Стаунтона, что спустя год он решил обучать его латыни – честь, каковой, помимо него, были удостоены только двое воспитанников приюта. Одновременно это дало ему ключ к содержанию множества латинских книг из библиотеки Стаунтона. Через два года усердного штудирования латыни – наряду с английским и арифметикой – Мэтью оставил далеко позади всех прочих учеников благодаря исключительной сметливости и умению всецело сосредотачиваться на конкретном предмете.

Жилось ему в целом неплохо. Каждый день он выполнял возложенные на него работы по хозяйству, после чего возвращался к своим занятиям со страстью, граничившей с религиозной одержимостью. Некоторые из мальчиков, попавших в приют вместе с ним, покинули это заведение, чтобы стать учениками ремесленников, а их место занимали новые сироты, но Мэтью оставался здесь, как одинокая недвижная звезда на небосводе, направляя свой свет исключительно на прояснение бесчисленных вопросов, занимавших его ум. Когда Мэтью исполнилось двенадцать, Стаунтон – у которого на шестьдесят четвертом году жизни начал развиваться паралич – стал обучать его французскому, отчасти потому, что находил этот язык достойным восхищения, а отчасти с целью дальнейшего поощрения его тяги к интеллектуальным занятиям.

Дисциплина мысли и контроль над действием – таковым отныне было жизненное кредо Мэтью Корбетта. Когда остальные воспитанники тешились играми вроде слайд-гроута или викета⁷, Мэтью чаще всего можно было застать за изучением латинского трактата по астрономии или за переписыванием какого-нибудь французского текста ради улучшения своего почерка. Его заикленность на учебе – а по сути, неспособность обуздать аппетиты собственного разума – начала беспокоить директора Стаунтона, которому даже пришлось ограничить Мэтью доступ в библиотеку, тем самым понуждая его к участию в играх и состязаниях на свежем воздухе. И все равно он держался особняком, сторонясь других ребят. Он рос долговязым, нескладным и плохо приспособленным к тем буйным развлечениям, которым предавались его одноклассники, так что даже в их толпе он был одинок.

Вскоре после четырнадцатого дня рождения Мэтью директор Стаунтон потряс мальчиков и персонал приюта неожиданным заявлением. Ему во сне явился Иисус Христос в сияющих белых одеждах и сообщил, что все его дела в этом месте завершены и осталось лишь одно, последнее задание: он должен отправиться на Запад, в дикие земли фронта, и там нести Спасение Господне язычникам-индейцам. Видение было столь явственным и убедительным, что Стаунтон ни на миг не усомнился в его истинности; для него это был зов свыше, следуя коему он обеспечивал себе попадание в Царство Небесное.

Перед своим отъездом – в возрасте шестидесяти шести лет, уже наполовину парализованный – директор Стаунтон передал приюту свою личную библиотеку, а также большую часть денег, накопленных им за тридцать лет службы. Мэтью он отдельно вручил коробочку, обернутую простой белой бумагой, и наказал открыть ее не ранее, чем он покинет приют. На сле-

⁷ *Слайд-гроут* (slide groat) – старинная настольная игра, популярная в английских пабах. *Викет* (wicket) – упрощенная разновидность крикета, получившая распространение в североамериканских колониях Англии во второй половине XVII в.

дующее утро директор Стаунтон пожелал каждому из воспитанников удачи и преуспевания в жизни, погрузился в фургон, взял в руки бразды своей судьбы и – с одной лишь Библией в качестве щита и спутника – отправился на пристань к парому, который должен был перевезти его через Гудзон в его персональную обетованную землю.

Уединившись в часовне приюта, Мэтью развернул бумагу и открыл коробочку. Внутри оказалась стеклянная пластинка размером с ладонь, специально изготовленная для него стекльщиком. Мэтью понял, что означал этот дар директора Стаунтона: ничем не замутненное видение окружающего мира.

А недолгое время спустя приют обрел нового директора по имени Эбен Осли. На взгляд Мэтью, это был пузатый и толстомордый сгусток скверны в ее чистейшем виде. Первым делом Осли уволил весь персонал Стаунтона и заменил его своей бандой отъявленных мерзавцев. Розги теперь шли в ход намного чаще прежнего, а окунание в бочку стало рутинной процедурой, применявшейся даже при самых ничтожных провинностях. Порки превратились в избивания, а по ночам, когда гасили свет в спальнях, Осли частенько забирал кого-нибудь из младших мальчиков в свои покои, где творились такие неопишуемые гнусности, что один из этих бедолаг, терзаемый стыдом и унижением, в конце концов повесился на колокольне приютской часовни.

По счастью, Мэтью был уже не настолько юн, чтобы привлечь внимание Осли. Тот оставил его в покое, и Мэтью глубже прежнего погрузился в учебу. Новому директору было чуждо пристрастие Стаунтона к чистоте и порядку, и вскоре приют уподобился свинарнику, а крысы обнаглели до того, что за ужином таскали еду прямо из тарелок. Периодически кто-нибудь из мальчиков решался на побег; тех, кто был пойман и возвращен, подвергали жестокой порке и морили голодом. Некоторые умерли и были похоронены в небрежно сколоченных ящиках на кладбище рядом с часовней. Мэтью проводил время за чтением книг, совершенствовался в латыни и французском; но в глубине души он дал себе клятву рано или поздно, тем или иным способом добиться того, чтобы жернова правосудия стерли Эбена Осли в порошок, как какую-нибудь гнилушку.

И вот однажды – в середине пятнадцатого года его жизни – к ним прибыл незнакомец с намерением найти толкового юнца, чтобы обучить его секретарскому делу. По такому случаю были отобраны пятеро самых образованных старших учеников; их выстроили во дворе, и приезжий двинулся вдоль строя, поочередно расспрашивая каждого. Но когда он подошел к Мэтью, первый вопрос был задан мальчиком:

– Сэр, могу я осведомиться о вашей профессии?

– Я мировой судья, – сказал Айзек Вудворд, и Мэтью быстро взглянул на Осли, стоявшего рядом с натянутой улыбкой на губах и холодным безразличием во взоре.

– Расскажите о себе, молодой человек, – обратился к нему Вудворд.

Настало время покинуть приют. Мэтью понял это отчетливо. Пора было расширять горизонты – но даже там, во внешнем мире, он никогда не потеряет из виду это место и не забудет того, чему здесь научился. Он прямо посмотрел в лицо судье, в его тронутые печалью глаза, и произнес:

– Мое прошлое вряд ли будет вам интересно, сэр. Насколько понимаю, вам важно знать, смогу ли я быть вам полезен в настоящем и в будущем. Что касается этого: я могу говорить и писать на латыни. Я также неплохо владею французским. Я ничего не смыслю в судопроизводстве, но я быстро учусь. Почерк у меня разборчивый, память и внимание в порядке, вредных привычек практически нет...

– Не считая раздутого самомнения и чувства, будто он слишком велик для своих штанов, – прервал его Осли.

– Разумеется, наш директор предпочитает штанишки размером поменьше, – парировал Мэтью, по-прежнему глядя в глаза Вудворду. Он скорее ощутил, чем увидел, как Осли застыл на месте, едва сдерживая вспышку ярости; один из стоявших рядом юнцов успел подавить

смешок, который мог бы стать для него роковым. – Как я уже сказал, у меня практически нет вредных привычек. Я могу быстро освоить все, что мне положено знать по должности, и секретарь из меня выйдет очень даже дельный. Так вы заберете меня отсюда, сэр?

– Этот мальчишка ни на что не годен! – вновь заговорил Осли. – Он скандалист и лжец! Пшел вон отсюда, Корбетт!

– Секундочку, – промолвил мировой судья. – Если он ни на что не годен, почему вы тогда включили его в число претендентов?

Лунообразное лицо Осли побагровело.

– Ну... потому что... видите ли, я...

– Я бы хотел взглянуть на образец твоего почерка, – обратился Вудворд к мальчику. – Напиши-ка мне... скажем... «Отче наш». На латыни, раз уж ты такой ученый. – Он повернулся к Осли. – Это можно устроить?

– Да, сэр. У меня в кабинете найдутся перо и бумага.

Директор бросил на Мэтью взгляд – который, будь он кинжалом, вонзился бы ему меж глаз по самую рукоятку, – после чего распустил остальных юнцов и направился к своему кабинету.

Когда по результатам испытания мировой судья убедился в том, что Мэтью может быть ценным помощником, они подписали документ о его передаче под опеку мирового судьи, после чего Вудворд заявил, что у него есть еще дела в других местах и что он вернется за мальчиком на следующее утро.

– Я рассчитываю найти этого молодого человека в добром здравии, – сказал Вудворд директору. – Отныне он мой подопечный, и я буду чрезвычайно недоволен, если этой ночью он пострадает в результате какого-нибудь несчастного случая.

– Вам не о чем беспокоиться, сэр, – натянутым тоном ответил Осли. – Однако мне потребуется плата в размере одной гиней за то, что я предоставляю ему кров и стол вплоть до вашего возвращения. Ведь он теперь уже на вашем попечении.

– Резонно.

И полновесная золотая гиней – равная двадцати одному шиллингу, что было непомерно высокой платой за такую услугу, – перекечевала из кошелька Вудворда в протянутую ладонь Осли. Так было заключено соглашение, и такой ценой была куплена безопасность Мэтью.

Тем не менее за ужином в столовую нагрянул один из brutальных прислужников Осли. В наступившей тишине он напрямик направился к Мэтью и сцапал его за плечо.

– Идем со мной, – сказал он, и Мэтью ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

Осли сидел за столом в директорском кабинете, где в лучшие времена сживал Стаунтон. Помещение было замусорено, а оконные стекла покрылись слоем копоти. Осли раскурил длинную трубку от огонька свечи и сказал своему клевету:

– Оставь нас.

Когда тот удалился, Осли молча продолжал курить, развалившись в кресле и буравя Мэтью темными глазками.

– Мой ужин остывает, – первым заговорил Мэтью, уже одним этим напрашиваясь на розги.

– Ты считаешь себя чертовски умным, да? – Осли затаился и выпустил дым из ноздрей. – Прямо-таки умник из умников. Но ты далеко не так умен, как тебе кажется.

– Я должен вам ответить, сэр, или вы хотите, чтобы я молчал?

– Молчи. Стой там и слушай. Ты думаешь, что, перейдя под опеку судьи, ты сможешь мне как-то навредить, верно? Может, ты рассчитываешь обратить его внимание на некоторые из моих поступков?

– Сэр, – произнес Мэтью, – могу я порекомендовать вам хороший трактат о логике для чтения перед сном?

– Логика? А это здесь при чем?

– Вы сначала приказали мне молчать, а потом стали задавать вопросы, требующие моего ответа.

– Закрой рот, мелкий недоносок! – Осли в гневе вскочил на ноги. – И хорошенько запомни то, что я сейчас скажу! Моя должность дает мне всю полноту власти в пределах этого учреждения, и я волен управлять им так, как сочту нужным! В том числе поддерживать порядок и назначать наказания, как сочту нужным!

Осознав, что вот-вот потеряет контроль над собой, Осли снова сел в кресло и устался на Мэтью сквозь клубы сизого табачного дыма.

– Никто не сможет доказать, что я пренебрегал своими обязанностями либо проявлял излишнее рвение, применяя свои методы, – продолжил он уже без надрыва. – Не сможет по одной простой причине: потому что этого не было. Мои действия, все вместе и каждое по отдельности, были всегда направлены на благо моих питомцев. Ты с этим согласен или нет?

– Полагаю, вы сейчас хотите, чтобы я заговорил?

– Говори.

– Меня не так уж сильно коробят ваши методы наказания, хотя должен отметить нездоровую радость, с какой применяются некоторые из них, – сказал Мэтью. – Но я не могу смириться с другими методами, которые вы используете после того, как в спальнях гасят свет.

– О каких именно методах ты говоришь? О моих воспитательных беседах со своенравными, упрямыми мальчишками, чьи выходки представляют опасность для окружающих? О моих попытках приструнить этих упрямцев и наставить их на правильный путь? Ты это имел в виду?

– Думаю, вы прекрасно поняли, что я имел в виду, сэр.

Осли коротко и грубо хохотнул:

– Ты ничего толком не знаешь. Видел ли ты своими глазами что-нибудь предосудительное? Нет. Ты, конечно, мог наслушаться всяких рассказов. Просто вы все терпеть меня не можете. В этом вся причина. Вы меня не выносите, потому что я ваш хозяин, а дикие псы не выносят ошейника. И сейчас ты вообразил себя великим умником и надеешься создать мне проблемы, используя этого балабола в черной мантии. Но я скажу тебе, почему ты этого не сделаешь.

Мэтью пришлось ждать, пока директор вновь набьет свою трубку и, примяв табак пальцем, раскурит ее с нарочитой медлительностью.

– Твои обвинения, – язвительно продолжил Осли, – будет очень трудно подтвердить. Как я уже сказал, моя должность дает мне абсолютную власть. Да, я применял довольно суровые наказания. Возможно, слишком суровые. И вероятно, именно поэтому тебе вздумалось меня оклеветать. А как насчет других воспитанников? То-то и оно... Мне нравится моя должность, молодой человек, и я намерен оставаться здесь еще много лет. Если ты завтра покинешь приют, это еще не значит, что остальные – твои друзья, среди которых ты вырос, – тоже вскоре выйдут отсюда. И твои действия могут сильно осложнить их дальнейшую жизнь в этих стенах.

Он сделал затяжку, задрал голову и выпустил струю дыма в потолок.

– Здесь так много младших мальчиков, – сказал он. – Тех, кто гораздо младше тебя. А ты знаешь, сколько больниц и церквей хотят пристроить сирот у нас? Дня не проходит, чтобы я не получал запроса о наличии свободных коек. Очень многим мне приходится отказывать. Так что приток новичков будет всегда, можешь не сомневаться. – Он с холодной усмешкой взглянул на Мэтью. – Хочешь, дам тебе совет?

Мэтью промолчал.

– Считаю себя везунчиком, – продолжил Осли. – Твое образование будет продолжаться уже в большом мире. Постарайся стать незаменимым помощником для мирового судьи, живи долго и счастливо себе на радость и другим на пользу.

Тут он поднял толстый палец, призывая Мэтью к вниманию.

– И никогда-никогда не затевай войну, в которой у тебя нет шансов на победу. Ты хорошо меня понял?

Мэтью медлил с ответом. Его мозг работал в полную силу, рассматривая эту проблему под разными углами и в различных плоскостях, представляя ее схематически и в разрезе, поворачивая ее так и эдак, встряхивая ее в надежде, что какой-нибудь гвоздик расшатается в гнезде, растягивая ее цепью в попытке отыскать хоть одно ржавое звено, которое можно будет сломать.

– Ты хорошо меня понял? – с нажимом повторил Осли.

У Мэтью под рукой был лишь один ответ. По крайней мере, в ту минуту.

– Да, – произнес он предельно спокойным тоном.

– Отлично. Можешь идти доедать свой ужин.

Мэтью покинул директорский кабинет и вернулся в столовую; ужин, разумеется, остыл и показался ему совершенно безвкусным. Той ночью в спальне он загодя попрощался с друзьями и залез в свою постель на втором ярусе, но так и не смог уснуть. То, что должно было стать поводом для радости, обернулось долгими раздумьями с немалой примесью сожаления. Рассвет застал его уже одетым и сидящим в ожидании. Вскоре зазвенел колокольчик у главных ворот, и в спальню явился приютский работник, чтобы отвести его во двор к судье Вудворду.

Когда экипаж судьи тронулся, Мэтью окинул взглядом здание и заметил Осли, наблюдающего за их отъездом из окна своего кабинета. Мэтью почувствовал себя так, будто к его горлу приставили острое кинжала. Он отвел взгляд от директорского окна и вместо этого уставился на свои крепко сцепленные руки.

– Неважно выглядите, молодой человек, – сказал судья. – Вас что-то тревожит?

– Да, сэр, – был вынужден признать Мэтью.

Пока колеса экипажа крутились, увозя его все дальше от приюта, он думал о директоре у окна, об оставленных позади сиротах и о жестоких карах, которые мог обрушить на них Осли. «Я намерен оставаться здесь еще много лет», – сказал он. Что ж, в таком случае Мэтью всегда будет знать, где его найти.

– Не хочешь поговорить об этом? – спросил Вудворд.

– Нет, сэр. Это моя проблема, и ничья более. И я найду способ ее решить. Я его найду.

– Что?

Мэтью посмотрел судье в лицо. На Вудворде больше не было парика и треуголки, и он заметно состарился с того дня, когда увез Мэтью из сиротского приюта. Сквозь густые ветви придорожных деревьев пробивался мелкий дождь; дымка от испарений висела над слякотной поверхностью дороги, по которой катил их фургон. Впереди виднелся другой фургон, управляемый Пейном.

– Ты что-то сказал, Мэтью? – спросил судья.

Должно быть, он произнес: «Я его найду».

Мэтью потребовалось еще несколько секунд, чтобы окончательно вернуться из своих воспоминаний в настоящее время.

– Кажется, я размышлял вслух, – сказал он и до конца пути больше не произнес ни слова.

Но вот из дымки впереди показалась частокольная ограда Фаунт-Ройала. Дозорный на вышке ударил в колокол, ворота распахнулись, и они въехали в ведьмовской город.

Глава седьмая

Утро выдалось пасмурным и прохладным, солнце маячило еле заметным бледным пятном на восточном горизонте. Из окна своей комнаты на задней стороне дома Мэтью видел конюшню Бидвелла, дощатые хибарки рабов рядом с ней, дозорную вышку и сосновый лес, простиравшийся вплоть до прибрежных болот. Вид не вдохновляющий, что и говорить. Его кости ныли от вездесущей сырости; выспаться толком не удалось по вине одного-единственного москита, ухитрившегося проникнуть за сетчатый полог кровати. Так или иначе, этот важный день настал, и все чувства Мэтью были обострены до предела.

Он зажег свечу, поскольку сумрак за окном никак не желал рассеиваться, и побрился, пользуясь опасной бритвой, мылом и тазиком с водой, который был оставлен служанкой в коридоре перед его дверью. Затем надел черные бриджи, белые чулки и кремовую рубашку из скромного гардероба, предоставленного ему Бидвеллом. Он уже задувал свечу, когда в дверь постучали.

– Завтрак на столе, сэр, – раздался голос миссис Неттлз.

– Я иду.

Он открыл дверь и очутился перед внушительной особой с квадратным подбородком, облаченной во все черное. Она держала в руке лампу, желтый свет которой вкупе с игрой теней делал ее и без того суровый облик едва ли не зловещим.

– Судья проснулся?

– Он уже внизу, – ответила миссис Неттлз. Ее намащенные волосы были зачесаны назад и так туго стянуты на затылке, что даже смотреть на это было больно. – Ждут только вас, чтобы прочесть молитву.

– Хорошо.

Мэтью закрыл дверь и последовал по коридору за экономкой. Половицы поскрипывали под ее весом. Но на подходе к лестнице женщина остановилась так внезапно, что Мэтью чуть на нее не наткнулся. Она развернулась и подняла лампу, осветив его лицо.

– В чем дело? – спросил он.

– Могу я говорить начистоту, сэр? – Она приглушила голос. – Обещайте никому не болтаться о том, что я скажу.

Мэтью попытался разглядеть выражение ее лица, но ему в глаза бил свет от близко поднесенной лампы. Он молча кивнул.

– Это опасный день, – произнесла она почти шепотом. – Вы и судья сейчас в большой опасности.

– Какого же рода эта опасность?

– Вы оба можете увязнуть в богопротивной лжи. Вы кажетесь разумным молодым человеком, но вы не понимаете этот город и то, что здесь творится. Со временем поймете, если только ваш ум не будет отравлен.

– Кем отравлен? Ведьмой?

– *Ведьмой*... – повторила она с неприкрытой горечью. – Нет, я не о Рейчел Ховарт. Что бы вам о ней ни наболтали и как бы вы к ней ни относились, она вам не враг. Она жертва, молодой человек. Я даже скажу больше: она нуждается в вашей помощи.

– Как это понимать?

– Им не терпится ее повесить, – прошептала миссис Неттлз. – Будь их воля, они бы вздернули ее уже этим утром. Но она не заслуживает петли. Что ей нужно, так это заступник, готовый любой ценой докопаться до правды. Способный доказать ее невиновность, когда все вокруг будет против нее.

– Мадам, я всего лишь секретарь судьи. Не в моих силах...

– Вы здесь единственный, в ком *есть* такая сила, – прервала она. – Судья всегда ведет прямую борозду, уж таковский он человек, верно? Да вот только здешнее поле – кривее некуда.

– Значит, вы уверены в том, что мадам Ховарт не ведьма? Хотя ее муж был убит самым жестоким образом, в ее доме нашли ритуальных кукол, а сама она не может произнести вслух «Отче наш» и носит на теле отметины Дьявола?

– Здесь повсюду сплошная ложь. Вы же вроде как ученый человек: неужто вы верите в колдовство?

– Книжки по демонологии приводят убедительные обоснования, – сказал Мэтью.

– Да в топку книжки! Сами-то вы в это верите?

Мэтью озадачился: такой вопрос ему еще никто не задавал. Разумеется, он знал о ведьмовском процессе в Салеме, состоявшемся всего-то семь лет назад. Он читал «Достопамятные случаи» Коттона Мэзера⁸ и труд Ричарда Бакстера⁹ «О несомненном существовании мира духов», где колдовство и одержимость демонами принимались за непреложные факты. Но он также был знаком с «Демонстрациями мнимого ведьмовства» Джона Уэбстера¹⁰ и «Прениями по вопросам ведьмовства» Джона Уэгстаффа¹¹, в каковых сочинениях утверждалось, что все случаи «ведьмовства» были либо заведомым обманом, либо проявлением безумия и таких «ведьм» следовало отправлять не на виселицу, а в лечебницу для душевнобольных. Между этими двумя полюсами и колебалось собственное мнение Мэтью.

– Даже не знаю, – ответил он.

– Так вот что я вам скажу. Сатана и вправду бродит по Фаунт-Ройалу, но Рейчел Ховарт не из тех, кто составляет ему компанию. Здесь есть много такого, что не всякий сможет углядет. И вот это святая правда.

– Если вы в этом убеждены, то почему вы не обратитесь к мистеру Бидвеллу?

– Ну да, чтобы он и меня посчитал одержимой? Потому что для любой женщины, как и для любого мужчины, кто заступится за Рейчел Ховарт, тут же приготовят пеньковую петлю...

– Миссис Неттлз! – донесся голос от подножия лестницы. – Где там мистер Корбетт?

Судя по тону, Бидвелл был в сильном раздражении.

– Где наш завтрак, женщина?!

– Не выдавайте меня! – быстро прошептала она Мэтью. – Никому ни слова об этом, прошу вас!

– Хорошо, – согласился он.

– Мы здесь, сэр! – громко откликнулась миссис Неттлз на зов хозяина, направляясь к лестнице. – Прошу прощения, но молодой человек поздно проснулся!

На завтрак были поданы ломтики ветчины с маисовой кашей, бисквиты и местный мед, дополненные кружками крепкого янтарного чая. Мэтью еще не успел проголодаться после вчерашнего ужина – с черепаховым супом, жареным черепашим мясом и кукурузными лепешками – и потому не слишком налегал на еду. Вудворд, который этой ночью спал лишь урывками и утром встал с болью в горле и заложенным носом, выпил столько чая, сколько в него влезло, и напоследок отправил в рот дольку лимона. Зато Бидвелл демонстрировал воистину волчий аппетит: он поглощал ветчину ломтик за ломтиком, умял полную миску каши и в придачу целое блюдо бисквитов.

⁸ *Коттон Мэзер* (1663–1728) – влиятельный пуританский проповедник, писатель и публицист родом из Бостона, принимавший самое активное участие в Салемском ведьмовском процессе 1692 г. Книга «Достопамятные случаи ведьмовства и одержимости» была издана в 1689 г.

⁹ *Ричард Бакстер* (1615–1691) – английский пуританский богослов; его книга «О несомненном существовании мира духов» была издана в 1691 г.

¹⁰ *Джон Уэбстер* (1610–1682) – английский священник, врач и астролог, в книге «Демонстрации мнимого ведьмовства» (1677) отрицавший многие современные ему представления о колдунах и ведьмах.

¹¹ *Джон Уэгстафф* (1633–1677) – английский писатель, самый известный труд которого, «Прения по вопросам ведьмовства», был издан в 1669 г.

Наконец хозяин дома откинулся на спинку стула, удовлетворенно рыгнул и похлопал свой вздувшийся живот.

– Уф, славный был завтрак! – Его взгляд упал на последний бисквит, еще не павший жертвой этого обжорного натиска. – Судья, вы не будете это доедать?

– Нет, сэр, не буду.

– Тогда вы позволите?

Не дожидаясь формального согласия, Бидвелл дотянулся до бисквита и целиком запихнул его себе в рот. Вудворд натужно сглотнул – горло разболелось не на шутку – и налил себе еще одну кружку терпкого чая.

– Вам нездоровится, сэр? – спросил Мэтью. Трудно было не заметить его бледность и темные круги под глазами.

– Я плохо спал этой ночью. Уж очень меня возлюбили здешние москиты.

– Дегтярное мыло, – произнес Бидвелл. – Вечером нужно будет помыться с дегтярным мылом. Оно их отпугивает. Ну... по большей части.

– До сих пор я думал, что москитов кровожаднее, чем в Чарльз-Тауне, просто быть не может. – Вудворд почесал красный волдырь на тыльной стороне руки (он заполучил таковых с добрую дюжину этим утром). – Однако им очень далеко до ваших москитов, сэр.

– К ним надо привыкнуть, только и всего. И дегтярное мыло действительно помогает.

– Раз так, жду не дождусь, когда меня обмажут дегтем.

Вудворд знал, что выглядит изможденным, о чем ему сообщило зеркало в процессе утреннего бритья. Его жалкий вид усугублялся заимствованной одеждой, которая могла бы польстить тщеславию пахаря, но мало подходила для джентльмена с утонченным вкусом. Кроме того, он чувствовал себя почти голым без парика и ни на минуту не забывал о своих старческих пятнах. Никогда в своей жизни он не ощущал себя таким дряхлым старцем, таким беспомощным пленником судьбы. В отсутствие парика ему казалось, что его лицо почти отделилось от костей черепа, а зубы выщербились и искривились; и он боялся, что при взгляде со стороны напоминает скорее неотесанную деревенщину, чем цивилизованного горожанина. Боль в горле и заложенный нос причиняли дополнительные страдания; в любое другое утро он бы вернулся в постель с бокалом подогретого рома и горячим компрессом, но сегодня его ждали очень важные дела. Он обнаружил, что Мэтью продолжает смотреть на него с некоторым беспокойством.

– Скоро все пройдет, – сказал ему Вудворд.

Мэтью промолчал только потому, что не хотел смущать мирового судью, выказывая чрезмерную озабоченность его состоянием. Но, подливая чай и себе, он подумал, что при непокрытой лысине Вудворда эти болотные испарения наносят еще больший вред его здоровью. В то же время у него никак не выходил из головы последний разговор с миссис Неттлз. Безусловно, она принимала эту тему близко к сердцу, но вдруг ее целью было затуманить, а не прояснить разум Мэтью? Ведь если допустить, что и она одержима Дьяволом, то она будет служить своему властелину так же, как Рейчел Ховарт. А что, если этот властелин таким образом пытается использовать Мэтью, чтобы повлиять на решение мирового судьи? Раз за разом он мысленно возвращался к двум столь различным мнениям касательно ведьмовства, которые высказывали авторы прочитанных им книг. Мэтью сказал правду миссис Неттлз: он действительно не знал, чему верить.

Впрочем, он недолго предавался этим размышлениям, ибо вскоре в дверях возникла миссис Неттлз.

– Экипаж подан, сэр, – сообщила она Бидвеллу.

Облик ее был привычно суров, и она даже не взглянула в сторону Мэтью.

– Превосходно! – Бидвелл поднялся из-за стола. – Вы готовы ехать, джентльмены?

Перед домом их ждал экипаж с парой лошадей; на козлах восседал Гуд – тот самый старик-негр, что играл на скрипке во время их первого ужина и поймал черепаху для второго. Бидвелл, Вудворд и Мэтью поочередно забрались в карету, которая под низкими клубящимися тучами повезла их от дома мимо источника и далее по улице Мира. Люди на улице попадались, но нечасто; из-за такого освещения – или его недостаточности – утро казалось особенно угрюмым, и Мэтью мог удостовериться воочию, как быстро утекает жизнь из этого злосчастного поселения.

У бесполезных ныне солнечных часов Гуд свернул на восток по улице Правды. С приближением к темнице у Бидвелла, похоже, начали пошаливать нервы, и он попытался снять напряжение двойной понюшкой табаку. Гуд объехал свиней, развалившихся в луже посреди улицы Правды, и вскоре остановил экипаж перед глухими стенами тюрьмы. У входа их поджидали двое: Николас Пейн и широкогрудый здоровяк не менее шести футов ростом. Треуголка на его макушке не могла скрыть пламенно-рыжие волосы; того же цвета была и его длинная неухоженная борода.

По выходе из кареты Бидвелл представил друг другу Вудворда, Мэтью и рыжебородого гиганта.

– Это мистер Ганнибал Грин, наш тюремный надзиратель.

Когда судья пожимал покрытую рыжими волосами руку, у него возникло ощущение, что его пальцы в любой миг могут быть сломаны, как сухие хворостинки. Темные, неопределенного оттенка, глаза Грина прятались в глубине глазниц и – по оценке Мэтью – не выражали ничего, кроме готовности нанести тяжкие увечья всякому, кто не понравится их обладателю.

Бидвелл медленно, глубоко вздохнул.

– Войдем? – сказал он.

Грин без лишних слов достал из кармана кожаного камзола пару ключей на шнурке и вставил один из них в скважину всячего замка, запиравшего дверь тюрьмы. Одним резким поворотом открыв замок, он снял натянутую поперек двери цепь, а затем толчком распахнул дверь. Внутри был крошечный мрак.

– Ждите здесь, – буркнул он и вошел в дом, тяжело топая по неотесанным доскам пола.

При взгляде в темный провал тюремного входа судья и его секретарь ощутили гнетущую тревогу. Изнутри в лица им потянуло сладковато-горьким запахом мокрой соломы, а также пота и прочих телесных выделений, невольно наводя на мысль, каково это быть запертым в такой духоте и сырости. Вскоре объявился Грин с фонарем, замызганное стекло которого едва пропускало свет.

– Заходите, – сказал он.

Бидвелл еще раз торопливо набил ноздри табаком и вошел первым.

Здание нельзя было назвать просторным. За прихожей располагались четыре камеры, забранные железными решетками, по две слева и справа от прохода. Пол был устелен соломой. Мэтью предположил, что когда-то здесь была небольшая конюшня, впоследствии переоборудованная в тюрьму.

– Наконец-то пришли, слава те Господи! – раздался мужской голос справа. – Я уж начал думать, что обо мне забыли!

Тюремщик не обратил на него внимания. Он поднял руку высоко над головой, взялся за свисавшую с потолка цепь и сильно ее потянул. Со скрежетом и скрипом под потолком открылся люк, впустив в помещение немного свежего воздуха и столь нужного сейчас света.

При этом освещении – мутно-сером, но все же намного более ярком, чем свет тюремного фонаря, – они разглядели мужчину в ближайшей ко входу камере, который стоял, вцепившись обеими руками в прутья и прижимая к решетке обросшее щетиной лицо с такой силой, словно надеялся каким-то образом протиснуться сквозь нее на волю. Он был молод – всего пятью-шестью годами старше Мэтью, – но уже располнел в талии. У него были крупные мясистые

руки и бычья шея; спутанные черные волосы падали на лоб и почти скрывали серые глаза, блестящие по сторонам грушевидного носа, который – как и его щеки – был изрыт оспинами.

– Я готов выйти отсюда! – объявил он.

– Она в дальней камере, – сказал Бидвелл судье, игнорируя молодого человека.

– Эй, Бидвелл! – крикнул тот. – Черт тебя возьми, я же сказал, что готов...

Хрясь! – кулак Грина врезался в одну из державшихся за решетку рук. Заключенный взвыл от боли и отступил вглубь камеры, прижимая к груди разбитые пальцы.

– Говори с уважением, – сказал Грин, – или не говори вовсе. Усек?

– Ой-ой-ой, ты чуть не сломал мне руку!

– Ноулз, тебе по приговору осталось сидеть еще один день и одну ночь, – обратился к нему Бидвелл. – Тебя выпустят завтра утром, и ни минутой раньше.

– Послушайте! Прошу вас! – теперь уже просительным тоном произнес Ноулз, вновь приближаясь к решетке. – Я не вынесу здесь еще одной ночи, сэр! Клянусь Богом, не вынесу! Эти крысы меня доконают! Сожрали почти всю мою еду и мне самому чуть глотку не перегрызли, еле отбилась! Неужто мне мало этого наказания, сэр?

– Тебя приговорили к трем дням и трем ночам. Значит, ты должен отсидеть этот срок.

– Пойдите! Пойдите! – быстро заговорил Ноулз, прежде чем остальные двинулись дальше по проходу. – На самом деле я не крыс боюсь! Я боюсь *ее*... – Последнюю фразу он произнес шепотом, кивком указав на последнюю камеру слева от прохода. Глаза его расширились от ужаса. – Боюсь, она меня убьет, сэр!

– Она тебе угрожала?

– Нет, сэр, но... в общем... я кое-что *слышал*.

– Что именно?

Теперь уже Бидвелл заинтересовался всерьез и наострил слух.

– Прошлой ночью... в темноте... она с кем-то разговаривала, – прошептал Ноулз, вновь прижав лицо к прутьям решетки. – Я мало что смог разобрать... но я услышал, как она говорила слово «хозяин». Да, сэр, я это услышал. Она сказала «хозяин» раза три или четыре. А потом начала хохотать, и не дай мне Господь еще когда в жизни услышать такой жуткий, нечестивый смех...

– А что было потом?

– Ну... она еще что-то там говорила, не знаю с кем или с чем. Тарабарщина какая-то, будто луну заговаривала. – Он облизнул губы, мельком оглядел Вудворда и Мэтью и вновь обратился к Бидвеллу. – А потом... потом я увидел свет в той стороне. Вроде как огонь, только холодный с виду и голубого цвета. Да, сэр. Холодный голубой огонь, и он горел в ее камере. Я лег на пол в углу, потому как и видеть не желал, что там творится...

– Рассказывай дальше, – потребовал Бидвелл, когда пауза слишком затянулась.

– Ну так вот, сэр... потом что-то начало гудеть и жужжать. И вроде как большая муха вылетела из ее камеры. Только она светилась голубым цветом, и воздух вокруг прям искрился. Она прилетела сюда и начала виться вокруг моей головы, а я отмахивался, но, сказать по правде, даже касаться ее не хотел. Она все кружила и кружила, а я забился в тот уголок и накидал на себя соломы, чтобы, значит, от нее отгородиться. Напоследок она от меня отцепилась и улетела.

– Улетела? Куда?

– Знать не знаю, сэр. Просто исчезла.

Бидвелл мрачно посмотрел на судью.

– Теперь видите, с чем мы столкнулись? Хозяин этой ведьмы способен принимать облик тварей, каких не существует в природе.

– Так оно и есть, сэр! – подхватил Ноулз. – Мне не жить, коли останусь тут с ней! Я ведь здесь много чего навиделся, и за это она меня наверняка прикончит!

– Могу я задать вопрос? – обратился Мэтью к Бидвеллу; тот кивнул. – Какое преступление совершил этот человек?

– Он до крови отлупил свою жену выбивалкой для ковров, – сказал Бидвелл. – Доктору Шилдсу пришлось заняться ее лечением. А поскольку это было уже второе преступление Ноулза, я распорядился посадить его под замок.

– А каким было первое преступление?

– Таким же, – ответил Бидвелл.

– Она лгунья и стерва! – категорически заявил Ноулз. – У этой женщины язык как помело! Клянусь, даже святой не удержался бы и снес ей башку топором, только чтобы не слышать ее трепотню! – Он снова устремил взгляд на Бидвелла. – Так вы отпустите меня, спасете мою жизнь?

– Ну... – Бидвелл взглядом попросил судью помочь в этом вопросе. – Ричард Ноулз, вообще-то, добрый христианин. Мне не хочется оставлять его на произвол этой ведьмы. Что бы вы посоветовали, сэр?

– Его жена выздоровела?

– Она сейчас в лечебнице доктора Шилдса. У нее сломана рука и вся спина в синяках. Но... все ж таки, сэр... она по праву принадлежит Ноулзу, будучи его законной супругой.

– У меня есть предложение, – сказал Мэтью. – Раз уж мистер Ноулз прошлой ночью смог отразить нападение Дьявола с помощью горстки соломы, то он, без сомнения, сможет отбиться от всех демонов преисподней с помощью выбивалки для ковров. Почему бы не принести ему выбивалку для самозащиты?

Бидвелл медленно моргнул.

– Это что, шутка, молодой человек?

– Нет, сэр. Насколько понимаю, он в совершенстве овладел этим видом оружия, не так ли?

– Что за бред сивой кобылы?! – Ноулз снова возвысил голос почти до крика. – Я хочу выбраться отсюда прямо сейчас!

– Я не хочу, чтобы его кровь была на моих руках, если ведьма убьет его этой ночью. – Бидвелл кивнул Грину. – Выпусти его.

– Позвольте заметить, сэр, – вмешался Мэтью, пока тюремщик выбирал нужный ключ из своей связки. – Если ведьма этой ночью убьет мистера Ноулза, думаю, у нас уже не будет необходимости проводить опрос каких-либо свидетелей.

– Он прав, – сказал Пейн, становясь рядом с Мэтью. – Это накинёт петлю на шею ведьмы без лишней возни, легко и просто!

– Погоди-ка... – Бидвелл схватил Грина за руку прежде, чем ключ был вставлен в замок.

– Да вы что, с ума посходили?! – завопил Ноулз. – Она меня точно угробит, если вы меня не отпустите!

– Я не думаю, что она это сделает, – возразил Мэтью. – Это было бы не в ее интересах.

– Слышь, ты! – Ноулз яростно уставился на Мэтью. – Я не знаю, что ты за хлюст, но лучше держись от меня подальше, когда я отсюда выберусь!

– За такие угрозы вы можете получить новый срок, – предупредил его Вудворд. – Я мировой судья, а этот молодой человек – мой секретарь.

– Держи себя в руках, Ноулз, если хочешь завтра утром выйти на свободу! – добавил Бидвелл.

– Тогда будьте вы все прокляты! – крикнул узник и, развернувшись, поднял с пола ведро, над которым кружило несколько мух отнюдь не демонической разновидности. Побагровев от гнева, Ноулз приготовился выплеснуть содержимое ведра на своих палачей.

– Ноулз!!! – От голоса Грина содрогнулись стены темницы. – Потом зубами распла-
тишься!

Ведро застыло в последний момент перед броском. Даже будучи в ярости, Ноулз осознал невыгодность такого размена. Он дрожал всем телом, а лицо его искривила гримаса, от которой могло бы пойти трещинами зеркало. Постояв так с минуту, он начал медленно опускать ведро и наконец поставил его на пол.

– Тебя освободят завтра утром, – сказал Бидвелл. – И, если хочешь... распоряжусь принести тебе выбивалку для ковров, с помощью которой ты...

Ноулз хрипло рассмеялся:

– Отдайте выбивалку этому щенку, и пусть он засунет ее в свой тощий зад! Делайте то, зачем пришли, а мне больше нечего вам сказать!

С этими словами он сел на скамью и повернулся лицом к стене.

– Вот и ладно. – Бидвелл жестом отправил Грина вперед. – Пора навестить миссис Ховарт.

Двигаясь дальше по проходу, они достигли последней камеры с левой стороны. Обитательница этой камеры не издавала никаких звуков и вообще не двигалась. Облаченная в балахон из грубой серой материи, с капюшоном на голове, она лежала, скорчившись, на охапке соломы.

– Открой. – Голос Бидвелла прозвучал напряженно.

Грин использовал тот же ключ, видимо открывавший все камеры. Замок щелкнул, и тюремщик распахнул решетчатую дверь.

– Мадам? – произнес Бидвелл. – Встаньте.

Фигура на полу не пошевелилась.

– Вы меня слышали? Я сказал, встаньте!

Никакой реакции.

– Она испытывает мое терпение, – сжимая губы, пробормотал Бидвелл, а затем повысил голос: – Вы подниметесь сами или мистеру Грину поставить вас на ноги?

Наконец началось какое-то движение, но оно было нарочито медленным. Вудворд отметил в нем опасную грацию, с какой змея разворачивает свои кольца. Фигура поднялась на ноги и осталась стоять у дальней стены камеры; ее лицо скрывалось под низко надвинутым капюшоном, а руки и ноги – в складках серой мешковины.

– Я привел посетителей, – объявил Бидвелл. – Это мировой судья Айзек Вудворд и его секретарь, Мэтью Корбетт. Судья хочет задать вам несколько вопросов.

И вновь никакой реакции.

– Вам слово, сэр, – сказал Бидвелл.

Вудворд шагнул вперед и остановился в дверном проеме камеры. Окинул взглядом детали обстановки: ведро для нечистот (такое же, как в камере Ноулза), ведро поменьше для воды, спальная скамья и на ней деревянный поднос с крошками хлеба и чем-то похожим на обглоданные куриные кости.

– Мадам Ховарт? – произнес он. – Я прибыл сюда, чтобы выяснить все обстоятельства вашего дела. Вы готовы мне в этом содействовать?

Ни звука из-под капюшона.

Вудворд быстро взглянул на Бидвелла, и тот кивком попросил его продолжать. Судья заметил, что слева и справа за его плечами стоят Грин и Пейн – вероятно, чтобы перехватить ведьму, если та на него набросится. Мэтью взялся руками за прутья решетки, с острым интересом наблюдая за происходящим. Вудворд продолжил допрос.

– Мадам, не могли бы вы прочесть вслух молитву Господню?

И вновь никакого ответа. Ни слова, ни кивка, ни даже проклятия.

– Вам известны слова молитвы Господней?

– Конечно, они ей известны! – сказал Пейн. – Да только у нее язык обуглится, если рискнет их вымолвить.

– Прошу вас! – Вудворд поднял руку, призывая его к молчанию. – Мадам, мне необходимо получить ответ на эти вопросы. Ваше нежелание произнести молитву может быть воспринято как *неспособность* это сделать. Вы понимаете, насколько это важно?

– Петлю она поймет уж точно! – сказал Бидвелл.

Вудворд взял паузу, приводя мысли в порядок.

– Молчание равносильно признанию вины, мадам, – продолжил он. – Выслушайте внимательно то, что я сейчас скажу. Здесь много разговоров о петлях и повешениях. Вы знаете, в чем вас обвиняют. Много ведьм в этих колониях уже нашли свою смерть на виселице... но поскольку вас обвиняют в убийстве вашего супруга, коему вы по закону должны быть преданны, это серьезно отягощает вашу вину. За это преступление полагается уже не виселица, а сожжение на костре. Так что вы делаете себе только хуже, отказываясь отвечать на мои вопросы.

С таким же успехом он мог бы обращаться к какой-нибудь обмотанной тряпьем статуе.

– Абсурд какой-то! – возмутился судья, повернувшись к Бидвеллу. – Это все бесполезно, если она не желает разговаривать!

– Значит, пора готовить костер?

– Сэр, вы позволите мне задать ей вопрос? – сказал Мэтью.

– Да ради Бога! – ответил Вудворд, которому все это уже порядком опротивело.

– Мадам Ховарт, – произнес Мэтью как можно более спокойным, нейтральным тоном, хотя его сердце билось намного быстрее обычного, – скажите, вы ведьма?

Бидвелл коротко, нервно хохотнул, что прозвучало как визгливый всхлип взявшей неверную ноту трубы.

– Нелепый вопрос, юноша! Разумеется, она ведьма! Не будь она таковой, ничего этого и не потребовалось бы!

– Мистер Бидвелл... – Мэтью пронзил его ледяным взглядом. – Мой вопрос был адресован этой женщине, а не вам. И я буду вам очень признателен, если вы постараетесь не выступать от ее имени.

– Что?! Ах ты, нахальный петушок! – Кровь прихлынула к щекам Бидвелла. – Будь ты хотя бы наполовину мужчиной, я бы потребовал должного удовлетворения за такую дерзость...

– Я... – промолвила женщина достаточно громко, чтобы обратить на себя внимание присутствующих.

Бидвелл моментально умолк.

– Меня... *считают* ведьмой, – сказала она. И этим ограничилась.

Сердце Мэтью теперь уже колотилось как сумасшедшее. Он прочистил горло.

– А вы сами считаете себя ведьмой?

Последовала долгая пауза. Мэтью уже решил, что она не ответит, но тут голова под капюшоном слегка наклонилась.

– У меня отняли мужа. У меня отняли дом и землю. – Голос был слабый, но ровный, и это был голос молодой женщины, а не дряхлой старухи, как почему-то ожидал Мэтью. – У меня отняли невинность и растоптали саму душу. Прежде чем я отвечу на ваш вопрос, ответьте на мой: что еще у меня осталось?

– Ваш голос. И знание правды.

– Правда... – с горечью повторила она. – Правда в том, что этот город стал призраком. Жизнь покинула его уже давно.

– Вы слышали! – возбужденно восторженно вскрикнул Бидвелл. – Она говорит о призраках!

Мэтью чуть было на него не шикнул, но вовремя сдержался.

– Мадам, состоите ли вы в общении с Сатаной?

Послышался долгий, протяжный вздох.

– Не состою.

– И вы не делали кукол, чтобы использовать их в колдовских ритуалах? – спросил Вудворд, решивший, что ему пора взять ведение допроса в свои руки.

Женщина не ответила. И раздосадованный Вудворд понял, на что она указывала своим молчанием: по каким-то причинам она была согласна вести разговор только с Мэтью. Он посмотрел на своего секретаря, в не меньшей степени озадаченного поведением женщины, и пожал плечами.

– Куклы, – напомнил Мэтью. – Это вы их сделали?

Бидвелл раздраженно фыркнул, но Мэтью не обратил на него никакого внимания.

– Нет, не я, – ответила женщина.

– Но тогда почему они оказались под половицей в вашем доме? – спросил Пейн. – Я лично их там нашел!

– Мадам Ховарт, вам известно, каким образом куклы оказались в вашем доме?

– Неизвестно, – сказала она.

– Это какое-то шутовское судилище! – Бидвелл был уже готов взорваться от нетерпения. – Само собой, она будет все отрицать! Или вы ждете, что она вдруг сознается в своих грехах?

Мэтью повернулся к капитану ополчения.

– Откуда вы знали, что кукол надо искать под полом в ее доме?

– На это место указал один из снов Кары Грюнвальд. Сами куклы в ее сне не появлялись, но там был намек на то, что ведьма прячет что-то для нее ценное под полом у себя на кухне. Я с несколькими людьми провел обыск, и под одной незакрепленной половицей мы обнаружили этих кукол.

– На тот момент миссис Ховарт все еще проживала в доме?

– Нет, к тому времени она уже была в тюрьме.

– Значит, это Кара Грюнвальд сказала вам, где нужно искать? – уточнил Вудворд. – При этом сославшись на свои сновидения?

– Именно так.

– Думаю, нам стоит побеседовать и с этой миссис Грюнвальд, – решил судья.

– Это невозможно, – сказал Бидвелл. – Она с мужем и четырьмя детьми покинула Фаунт-Ройал два месяца назад.

Мэтью нахмурился, потирая подбородок.

– Как долго дом миссис Ховарт оставался пустым, прежде чем были найдены эти куклы?

– Э-э... где-то пару недель. – Теперь настал черед Пейна морщить лоб. – Не пойму, куда вы держите курс, молодой человек?

– Пока что никуда, – с легкой улыбкой ответил Мэтью. – Я еще только проверяю компас.

– Судья, я протестую против нелепого поведения вашего писаря! – Последнее слово Бидвелл почти прорычал. – Ему не по должности задавать такие вопросы!

– По должности он является моим *помощником*, и он делает свое дело, – отчеканил Вудворд, тоже начиная горячиться из-за этих выпадов. – А поскольку мы все заинтересованы в установлении истины, любой вклад моего вполне компетентного секретаря в этот процесс следует – на мой взгляд – лишь приветствовать.

– Истина и без того прозрачна, как стекло, сэр! – парировал Бидвелл. – Мы должны казнить ведьму – сжечь, повесить, утопить, не суть важно как – и покончить со всем этим раз и навсегда!

– Однако здесь еще много вопросов, остающихся без ответа, – упрямо заявил Вудворд.

– Вам нужны доказательства ее ведьмовской сущности? Что ж, мы их предъявим, и она не сможет это отрицать! Грин, сними с нее одежду!

Дюжий тюремщик шагнул в камеру. Фигура в сером балахоне подалась назад и так плотно прижалась спиной к стене, словно рассчитывала целиком в нее вдавиться. Невозмутимый Грин сделал еще пару шагов, приблизился к женщине и потянулся к ее одежде.

Неожиданно женщина подняла правую руку и уперлась ладонью в грудь тюремщика.

– Нет! – произнесла она голосом, от которого Грин замер на месте.

– Ну же, Грин! – поторопил его Бидвелл. – Раздень ее!

– Я сказала «нет»! – повторила женщина.

Ее вторая рука появилась из складок балахона, и пальцы начали возиться с деревянными пуговицами. Грин сообразил, что она намерена раздеться самостоятельно, и отошел назад, давая ей больше пространства.

У нее были ловкие пальцы, и очень скоро все пуговицы были расстегнуты. Затем она откинула с головы капюшон, повела плечами, и убогий покров соскользнул с нее на солому.

Рейчел Ховарт стояла обнаженной пред всем миром.

– Как вы хотели, – произнесла она, глядя на них с вызовом. – Вот вам ведьма.

Мэтью едва устоял на ногах. Никогда еще в своей жизни он не видел нагой женщины; более того, эта женщина была... ему не пришло в голову другого определения, кроме *belle exotique*¹².

Ничего похожего на дряхлую старуху – на вид ей было около двадцати пяти лет. То ли от природы, то ли от тюремной пищи она была настолько худой, что под кожей проступали все ребра. Сама кожа была смуглой, указывая на примесь португальской крови. Длинные густые волосы были черны как смоль и отчаянно нуждались в теплой воде и мыле. Мэтью так и впился взглядом в округлые холмики с темными сосками; при этом его лицо залилось краской, а глаза замаслились, как у пьяного матроса. А когда ему все же удалось оторваться от созерцания ее груди, взгляд сразу соскользнул ниже, к потаенному треугольнику черных кудряшек меж стройных бедер. Голова его кружилась так, будто ее закрепили на каком-то разболтанном шарнире. Он взглянул на лицо женщины, и тут его чувства пришли в еще большее смятение.

Она смотрела в пол, но ее глаза – янтарно-светло-карие, с непередаваемым золотистым оттенком – горели так яростно, что могли бы, чего доброго, поджечь разбросанную вокруг солому. Лицо ее было на редкость привлекательным – сердцевидной формы, с ямочкой на подбородке, – и Мэтью невольно задался вопросом: как бы оно выглядело в иной, не столь гнетущей обстановке? Если прежде его сердце скакало галопом, то теперь оно и вовсе понесло, как взбесившийся жеребец. Видеть эту прелестную женщину нагой и униженной было почти невыносимо; внешне она была хрупкой и, возможно, надломленной, однако на ее лице отражалась такая внутренняя сила, какую он нигде не встречал прежде. Ему было больно смотреть на столь дивное создание в столь постыдных условиях, и посему он попытался отвести глаза, однако Рейчел Ховарт теперь казалась центром вселенной – она была повсюду, куда бы он ни направил свой взор.

– Вот! – сказал Бидвелл. – Поглядите на это!

Он подошел к женщине и, грубо схватив и приподняв ее левую грудь, указал на коричневое пятнышко под ней.

– Это одна отметина. А вот и другая! – Он ткнул пальцем в пятнышко на ее бедре чуть выше колена.

– Теперь повернись! – приказал он.

Женщина повиновалась с застывшим, ничего не выражающим лицом.

– Это третья, вот здесь!

Его палец уперся в темное пятно – чуть крупнее других, но все же не очень большое – под левой ягодицей.

¹² Экзотическая красавица (фр.).

– Метки Дьявола, все как на подбор! А эта даже напоминает облик ее хозяина! Подойдите ближе и взгляните сами!

Этот призыв был обращен к Вудворду, который в присутствии столь откровенной наготы чувствовал себя почти так же неловко, как Мэтью. Судья подошел, чтобы лучше рассмотреть пятно, на которое указывал Бидвелл.

– Видите? Вот здесь. И здесь тоже, – комментировал Бидвелл. – Разве это не напоминает рожки на голове демона?

– Я... э-э... похоже на то, – пробормотал Вудворд и тут же из приличия отступил на несколько шагов.

– Ее правая рука... – Мэтью движением подбородка указал на две небольшие, покрытые корочкой раны возле локтя. – Это, должно быть, крысиные укусы.

– Да, вижу. И еще один на плече. – Бидвелл дотронулся до ранки на плече, посеревшей по краям вследствие заражения. Женщина вздрогнула от боли, но не издала ни звука. – Вам досаждают крысы, мадам?

Она не ответила, да в том и не было нужды, ибо сей факт подтверждался следами укусов.

– Раз такое дело, мы не допустим, чтобы вас сожрали во сне. Я прикажу Линчу переловить этих тварей. Можете одеваться.

Он отошел от женщины, которая тотчас наклонилась, подобрала свой балахон и накинула его через голову. Прикрыв наготу, она свернулась калачиком на соломе, как лежала до их появления.

– Вот вам, пожалуйста! – объявил Бидвелл. – Она не может произнести молитву, она сделала этих кукол для наведения порчи, и у нее на теле есть дьявольские отметины. По каким-то нечестивым причинам, ведомым лишь ей и ее повелителю, она убила Берлтона Гроува и Дэниела Ховарта. Она и ее адские пособники несут вину за пожары, случившиеся в последнее время. Она своей магией вызывает призраков и демонов, и я уверен, что именно ее проклятие погубило наши сады и посевы. – Он уперся руками в бедра и выпятил грудь. – Она замыслила уничтожить Фаунт-Ройал и уже добилась на этом поприще огромных и страшных успехов! Какие еще вам нужны доказательства?

– Один вопрос, – сказал Мэтью, заметив, как передернулось лицо Бидвелла. – Если эта женщина действительно имеет власть над столь могучими нечестивыми силами...

– Все так и есть! – заверил Бидвелл, а Пейн утвердительно кивнул за его спиной.

– ...Тогда почему, – продолжил Мэтью, – она не истребит одним движением пальца кусающих ее крыс?

– Что?

– Я о крысах, сэр. Почему она ими искутана?

– Дельно замечено, – сказал Вудворд. – Почему она не может справиться с обычными крысами, если ей подвластны легионы демонов?

– Потому что... потому что... – В поисках поддержки Бидвелл оглянулся на Грина и Пейна.

И капитан ополчения пришел ему на помощь.

– Потому что, – произнес он с нажимом, – в этом и есть ее уловка. Разве вам не показалось бы странным, что крысы напали на Ноулза, но при этом обошли стороной эту ведьму? О нет, она знает, что делает, джентльмены! – Он в упор посмотрел на Мэтью. – Она пытается заморочить вам голову, молодой человек. Ее коварный замысел хорошо продуман. Если на ее теле есть следы крысиных укусов, это произошло по ее собственной воле и с ее кощунственного благословения.

Вудворд кивнул:

– Да, звучит разумно.

– Значит, у нас с вами нет разногласий относительно признания ее ведьмой? – спросил обнадеженный Бидвелл.

– Сэр, этот вопрос нуждается в тщательном изучении, – сказал Мэтью.

– Да какое еще, к черту, изучение? Кто еще, кроме нее, мог навести порчу на целый город? Кто еще мог убить ее мужа и священника? Факты налицо, юноша, надо только их увидеть!

– Это не факты, а всего лишь утверждения.

– Не доводи меня до крайностей, юнец! Помни, что ты у меня в гостях!

– Значит, вы готовы отобрать выданную мне одежду и прогнать меня обратно в лес только за то, что я отказываюсь считать утверждения фактами?

– Успокойтесь, прошу вас! – призвал их судья. – Таким путем мы ничего не достигнем.

– Вот и я о том же! – продолжал кипятиться Бидвелл. – Похоже, ваш секретарь вознамерился затупить оружие, которое вы должны пустить в дело, ради чего сюда и прибыли.

– И что это, по-вашему, за оружие, сэр? – Больное горло вкупе с промозглой атмосферой тюрьмы до предела накалили нервы Вудворда. Он чувствовал, что теряет самообладание.

Лицо Бидвелла сравнялось цветом с маринованной свеклой.

– Закон, разумеется! – ответил он.

– Послушайте меня внимательно. – Голос мирового судьи звучал спокойно, но заключенная в нем энергия была подобна незримой руке, схватившей Бидвелла, как дворнягу за шкуру. – Мой секретарь и я прибыли сюда ради установления истины, а не для того, чтобы использовать силу закона в качестве примитивного тарана.

Бидвелл сердито взглянул на него, но промолчал.

– Вы можете быть всевластны у себя в Фаунт-Ройале, но я представляю власть более высокого порядка. Посему только я буду решать, является миссис Ховарт ведьмой или нет, и только я буду определять ее судьбу. И никто не имеет права меня торопить или подталкивать меня к принятию конкретного решения. Примите это как факт. А если вас это не устраивает, мы с Мэтью охотно подыщем себе другое жилье.

– В таком случае проясните мне вот что, – сказал Бидвелл. – Кто из вас на самом деле является мировым судьей, а кто – секретарем?

Вудворд крепко стиснул зубы, чтобы сдержать уже готовую вырваться реплику.

– Мне нужно на свежий воздух, – обратился он к Мэтью. – Не прогуляешься со мной до дома мистера Бидвелла?

– Конечно, сэр.

– И это все? – спросил Пейн. – Вы не будете продолжать допрос ведьмы?

– Не сегодня. – Вудворд взглянул на скрюченное тело женщины. – Не думаю, что она сейчас в общительном настроении, а что до меня, то я уж точно нет! Идем, Мэтью!

Он развернулся и пошел к выходу.

– Ей нужно каленое железо, чтобы язык развязался, вот что ей нужно! – прокричал им вслед Бидвелл, когда они двигались по проходу.

Ноулз фыркнул и сплюнул, когда они проходили мимо.

Еще не совсем оправившись от потрясения после встречи с Рейчел Ховарт, Мэтью понял лишь то, что ему вряд ли светит победа в местном конкурсе популярности и что в ближайшие непредсказуемые дни лучше поостеречься и не заводить новых врагов.

Глава восьмая

После тюрьмы сырой воздух улицы и приглушенный тучами свет казались благодатью для дыхания и зрения. Вудворд проигнорировал экипаж, на козлах которого сидел Гуд, строгая ножищем какую-то деревяшку, и двинулся пешком в сторону источника. Мэтью шел чуть позади.

– Этот наглец выводит меня из себя! – сказал Вудворд. – Я слуга закона, а не его лакей, да и ты тоже!

– Нет, сэр. В смысле: да, сэр. – Мэтью поравнялся с судьей. – Но, при всех его раздражающих манерах, я могу понять его озабоченность.

– Да уж, тебе не откажешь в великодушии!

– На его месте, вложив кучу денег в Фаунт-Ройал и видя, как мои вложения идут прахом, я бы, возможно, так же ратовал за скорейшую казнь.

– К черту его вложения!

– Да, сэр, – сказал Мэтью. – Я думаю, именно это страшит его в первую очередь.

Вудворд сбавил шаг, а потом и вовсе остановился. Рукавом вытер капли пота со лба, посмотрел на зловещее небо, потом на своего секретаря.

– Вот почему ты для меня так ценен, – произнес он, понемногу успокаиваясь. – Ты можешь одним взглядом охватить не только всю картину, но также ее раму, гвоздь и всю стену, на которой она висит.

– Я вижу только то, что есть на самом деле.

– Да, и сегодня мы увидели даже слишком многое. Я о миссис Ховарт. Она оказалась... моложе, чем я предполагал. А также намного красивее. При других обстоятельствах ее можно было бы назвать прелестной женщиной. Когда она разделась... должен сказать, мне нечасто случалось иметь дело с обвиняемыми женского пола. И я никогда не видел, чтобы женщина добровольно обнажалась перед чужими мужчинами.

– Не добровольно, – поправил его Мэтью. – Она знала, что с нее все равно сорвут одежду, если не снимет ее сама.

– Верно. И что можно сказать о ней на этом основании?

– Что она стремится хоть в чем-то сама себя контролировать. Или как минимум не желает, чтобы ее во всем контролировал Бидвелл.

– Хм...

Вудворд вновь зашагал на запад по улице Правды; Мэтью держался рядом с ним. Хотя запустение по-прежнему бросалось в глаза, кое-какая жизнь в поселке все же присутствовала. Далеко впереди две женщины перешли через улицу; одна из них несла большую корзину. Проехал мужчина на повозке, груженной тюками сена и несколькими бочками.

– Мне хотелось бы знать, – произнес судья, – что за секреты ты обсуждал с миссис Неттлз.

– Сэр?

– Ты можешь изображать невинное изумление перед кем угодно, но не передо мной. Я слишком хорошо тебя знаю. В такой день, как сегодня, ты ни за что не стал бы валяться в постели дольше обычного. Я скорее могу допустить, что ты встал пораньше, весь в нетерпении. Итак, объясни мне, почему миссис Неттлз не сказала о вашей беседе Бидвеллу?

– Я... обещал ей сохранить этот разговор в тайне.

Вудворд опять резко остановился и на сей раз направил на Мэтью более пристальный взгляд.

– Если это касается миссис Ховарт, я должен быть проинформирован. Если на то пошло, будучи моим секретарем, ты обязан предоставлять мне всю важную информацию.

– Да, сэр, мне это известно. Однако...

- Обещай ей все, что угодно, – сказал Вудворд, – но Расскажи мне то, что я должен знать.
- Она просила меня не проболтаться мистеру Бидвеллу.
- Что ж, это и я могу ей гарантировать. А теперь выкладывай.
- Говоря вкратце, она попросила, чтобы мы с вами подошли к этому делу без предубеждения. Она уверена, что миссис Ховарт была обвинена ложно.
- А она сообщила, на чем основана ее уверенность?
- Нет, сэр. Она лишь высказала опасение, что наш разум будет отравлен.

Вудворд перевел взгляд на примыкавший к улице Правды лужок, где паслись несколько коров. На бобовом поле женщина в соломенной шляпе занималась прополкой, в то время как ее муж приколачивал дранку на крыше дома. Рядом, по другую сторону жердевой ограды, стоял покинутый жильцами дом, поле за которым превратилось в болото, заросшее сорняками и мелким кустарником. На крыше этого дома сидели три вороны. Небось, дожидаются бегства соседей, подумал он.

– Ты ведь понимаешь, – произнес он вполголоса, – что, если Рейчел Ховарт – на самом деле ведьма, она может подчинить своему влиянию кого угодно.

– Миссис Неттлз просила меня ничего не говорить Бидвеллу как раз потому, что он может счесть ее попавшей под такое влияние.

– Хм... – Вудворд задумался. – Отрава может быть поднесена нам в разных чашах, Мэтью. Надо с осторожностью относиться к любой, из какой бы ты ни решился отпить. Ладно, идем дальше.

Они продолжили путь.

– А как тебе история Ноулза? – чуть погодя поинтересовался судья.

– Вранье. Он просто хочет выбраться из тюрьмы.

– А дьявольские метки на теле женщины?

– Неубедительно, – сказал Мэтью. – Подобные отметины встречаются у многих людей.

Не было необходимости лишний раз упоминать о пятнах, покрывавших лысый череп Вудворда.

– Согласен. А как быть с куклами?

– Думаю, вам стоит взглянуть на них самому.

– Пожалуй. Жаль, что миссис Грюнвальд уже вне досягаемости.

– Надо бы вытребовать у Бидвелла список свидетелей, доступных на данный момент, – предложил Мэтью. – А их допросы обставить так, чтобы Бидвелл не имел возможности вмешаться.

– Да, – кивнул судья, после чего искоса взглянул на Мэтью. – Нам, конечно, придется еще раз допросить миссис Ховарт. Уже более основательно. Мне кажется, она готова отвечать на твои вопросы, при этом игнорируя всех остальных. Что бы это могло значить, как по-твоему?

– Понятия не имею.

Вудворд сделал еще несколько шагов, прежде чем возобновить беседу.

– А ты не допускаешь возможность того, что она заранее знала о твоём утреннем разговоре с миссис Неттлз?

– Я всего лишь секретарь. У меня нет...

– ...Никакого влияния? – прервал его Вудворд. – Ты ведь понял, о чем я?

– Да, сэр, – был вынужден признаться Мэтью. – Я вас понял.

– Что в особенности свидетельствует против нее, так это неспособность произнести «Отче наш». Если она может это сделать, то почему тогда молчит? Есть у тебя версии на сей счет?

– Никаких, – сказал Мэтью.

– Помимо изначальной: что у нее – по словам Пейна – должен обуглиться язык при упоминании Отца Небесного. В прошлых ведьмовских процессах бывали случаи, когда обвиняемые пытались прочесть молитву, но в корчах падали на пол прямо в зале суда.

– А бывало так, что обвиняемый в колдовстве произносил молитву и его отпускали восвояси?

– На сей счет ничего сказать не могу. Я далеко не эксперт в этих вопросах. Насколько мне известно, некоторые ведьмы способны произнести имя Божье без вреда для себя, потому что их защищают особые чары их адского властелина. Об этом я читал в судебных протоколах. Но если бы миссис Ховарт прочла молитву – от начала до конца, с должным благочестием, без обмороков и криков боли, – это стало бы важным свидетельством в ее пользу.

Судья озабоченно нахмурился при виде еще одной вороны, описывавшей круги над их головами. Он подумал, что Дьявол может принимать самые разные обличия и потому всегда нужно следить за тем, что и где ты говоришь.

– Ты ведь понимаешь, что сегодня миссис Ховарт фактически сделала признание?

– Да, сэр. – Мэтью сразу догадался, на что намекает судья. – Сбросив одежду, она сказала: «Вот вам ведьма».

– Именно. Если это не признание вины, то я в жизни не слышал признаний обвиняемых. После такого я могу сей же час распорядиться готовить столб и дрова для костра, стоит только пожелать.

Он помолчал с минуту, и за это время они достигли перекрестка улиц Фаунт-Ройала.

– А теперь объясни, почему мне этого делать не следует, – сказал Вудворд.

– Потому что мы должны сначала допросить свидетелей. Потому что миссис Ховарт имеет право высказаться без давления со стороны Бидвелла. И еще потому... – Мэтью замялся. – Потому что мне бы хотелось узнать причину, по которой она убила своего мужа.

– И мне... – Слово «тоже» Вудворд произнести не успел, ибо его прервал пронзительный женский голос.

– Господин судья! Судья Вудворд!

Это прозвучало так резко и неожиданно, что в первый миг Вудворд подумал, будто его имя прокаркала ворона, и уже приготовился узреть эту злобную птицу, пикирующую с небес, чтобы вонзить когти в его скальп. Но еще миг спустя он заметил женщину, которая спешила к нему через площадь на перекрестке. Одета в простое платье из синей ткани, передник в сине-белую клетку и белый чепец, она несла корзинку со свечами, кусками мыла и тому подобными предметами обихода. Судья и Мэтью остановились, поджидая ее.

Приблизившись, женщина одарила судью лучезарной улыбкой, сопровождаемой легким реверансом.

– Прошу прощения, но, увидев вас на улице, я сочла нужным подойти и представиться. Я Лукреция Воган. Моего мужа зовут Стюарт, у него столярная мастерская. – Она кивком указала в направлении улицы Усердия.

– Очень приятно. Это мой секретарь, Мэтью...

– ...Корбетт, я уже знаю. О вас, джентльмены, идут разговоры по всей округе. О том, как вы с одной лишь саблей дали отпор бешеному трактирщику и его кровожадной своре! Мы все наслышаны о вашей отваге!

Мэтью еле сдержал смех. Похоже, их ночное бегство из трактира Шоукомба в пересказах жителей Фаунт-Ройала трансформировалось в нечто вроде легендарной битвы Одиссея с циклопом.

– Было дело, – молвил Вудворд, неосознанно выпятив грудь колесом. – Мне пришлось употребить всю смекалку и ловкость, чтобы спастись от этой банды убийц.

Мэтью был вынужден склонить голову и притвориться, будто разглядывает что-то на земле.

– Представляю, как это было *волнительно!* – продолжила женщина, чуть не задыхаясь от восторга.

Вудворд успел отметить, что она хорошо сложена и относительно молода – тридцать с небольшим, быть может. У нее были ясные голубые глаза, открытое приветливое лицо и светло-каштановые волосы, судя по нескольким выбившимся из-под чепчика локонам. Это лицо – хотя на нем оставили следы время и тяготы приграничной жизни – радовало, как теплый свет лампы в холодном мраке ночи.

– И потом еще эти сокровища!

Улыбка сошла с лица Вудворда.

– Какие сокровища? – удивился он.

– Ну да, целый мешок золотых монет! Это ведь испанское золото, да? Будет вам, сэр, не скромничайте перед простой деревенской женщиной!

Сердце Мэтью пульсировало где-то в области адамова яблока.

– Могу я задать вам вопрос? – обратился он к миссис Воган и подождал ее утвердительного кивка. – Кто рассказал вам о мешке золотых монет?

– Ну, я узнала об этом от Сесилии Симмс, а она – от Джоан Бэлтур. Да ведь это известно всем, мистер Корбетт! Ох! – Тут она округлила глаза и приложила палец к губам. – Неужели это был секрет?

– Боюсь, вас неверно информировали, – сказал Вудворд. – Мой секретарь нашел одну-единственную золотую монету, а не целый мешок.

– Но Сесилия клялась Богом, что это чистая правда! А Сесилия не из тех, кто станет распускать ложные слухи!

– В данном случае ваша подруга что-то напутала. К моему сожалению, – добавил Вудворд.

– Но я не понимаю, почему... – Она умолкла, не договорив, и по ее лицу расплылась понимающая улыбка, а глаза восторженно засияли. – А-а, ну конечно же! Кто-то выболтал ваш секрет, да?

– Прошу прощения?

– Можете мне довериться, сэр! Я буду нема как рыба!

– Вам нет нужды уподобляться рыбе, мадам. Если вы думаете, что мы завладели мешком золотых монет и хотим сохранить это в тайне, вы глубоко заблуждаетесь.

Монета лежала в кармане бриджей Мэтью, и он мог бы ее продемонстрировать, но засомневался, пойдет ли эта демонстрация на пользу или только вызовет новые пересуды.

– Я нашел всего лишь одну монету, – сказал он.

– Да, конечно, – подхватила она все с той же улыбкой. – Конечно, только одну. Отныне именно так я и буду говорить всем, кто меня спросит... – Она с надеждой посмотрела на судью. – Как скоро мы будем вешать ведьму, сэр?

– Ну, я...

– Я бы хотела знать это заранее, чтобы напечь пирогов на продажу. Уверена, там соберется много людей. Весь город соберется, как пить дать. А где поставят виселицу?

Вудворду понадобилось несколько секунд, чтобы оправиться от шока, вызванного столь беспардонным напором.

– Ничего не могу вам сказать на сей счет, миссис Воган. В настоящее время мы не планируем постройку эшафота.

– Вот как? – Ее улыбка начала гаснуть, а по краям губ в форме лука Купидона появились складочки. – Я думала, вы прибыли к нам, чтобы провести казнь.

– Очевидно, не вы одни так думали. Я здесь, чтобы соблюсти правосудие.

– Понимаю. Вы о том, что казнь все-таки будет, но ее могут отложить на несколько дней?

Теперь настал черед Вудворда разглядывать землю под ногами.

– Эта ведьма должна болтаться в петле! – не унималась миссис Воган, и ее поначалу приторно-сладкий тон теперь уже отдавал кислятиной. – Ради этого города и всех, кто в нем живет, ее надо казнить как можно скорее! Хотя, конечно, сперва нужно соблюсти правосудие. Вы можете сказать, когда это случится?

– Нет, пока не могу.

– Но... все в вашей власти, не так ли? Вы ведь не позволите ведьме слишком долго оставаться в живых, навлекая на нас проклятие?

– Господин судья!

Вудворд и Мэтью заметили экипаж Бидвелла, остановившийся неподалеку, перед поворотом на улицу Мира. Бидвелл снял треуголку и держал ее обеими руками, в каковом жесте Вудворд усмотрел признак раскаяния.

– Добрый день, миссис Воган! – кивнул женщине Бидвелл. – Надеюсь, вы и ваша семья в добром здравии?

– Я чувствую себя нездоровой после того, как узнала, что Рейчел Ховарт еще не скоро сунет голову в петлю! – ответила женщина, и на ее миловидном лице застыла гримаса отвращения. – Что не так с этим судьей? Может, ведьма успела его охмурить?

Бидвелл оценил взрывоопасность момента и решил не подносить огонь к пороку.

– Судья Вудворд полностью владеет ситуацией, мадам. Он действует взвешенно, в строгом соответствии с законом. Судья, можно вас на пару слов?

– Всего вам доброго, миссис Воган, – сказал Вудворд.

Женщина негодуя хмыкнула и, вздернув острый носик, удалилась туда, откуда пришла. Вудворд подошел к карете.

– Слушаю, – сказал он.

Бидвелл уставился на свою треуголку, теребя загнутые поля.

– Я... должен принести свои глубочайшие извинения, сэр. Иногда нетерпение заставляет меня говорить, не подумав. – Он быстро взглянул на судью, дабы оценить его реакцию, а затем вновь опустил глаза. – Искренне сожалею о том, что вас расстроил. Я знаю, это тяжелое испытание для всех нас. Но и вы понимаете мою ответственность за происходящее здесь, не правда ли?

– Да. И надеюсь, что впредь вы будете понимать и уважать мою.

– Безусловно.

– В таком случае я принимаю ваши извинения. Можете быть уверены, что я постараюсь разрешить вашу проблему как можно скорее, следуя букве и духу закона.

– Ничего большего я и не прошу, – сказал Бидвелл и вернул треуголку на голову, как зримое подтверждение того факта, что неприятная процедура извинений завершена. – Могу я подвезти вас и вашего секретаря?

– Да, это не помешает. Ужасно сырое утро, не так ли?

Вудворд также был доволен, что ситуация разрядилась, поскольку любые трения с хозяином дома, в котором их поселили, были крайне нежелательны. Он ступил на подножку кареты Бидвелла, услужливо распахнувшего дверцу, и устроился на сиденье лицом к нему. Только теперь он заметил, что Мэтью ни на дюйм не сдвинулся с прежнего места.

– Мэтью, ты едешь с нами?

– Нет, сэр.

– Мои извинения, – произнес Бидвелл, но теперь это слово в его устах имело привкус прогорклого сыра, – были адресованы также и вашему секретарю, сэр.

Говоря это, он смотрел на Вудворда и не считал нужным бросить хоть один взгляд в сторону Мэтью.

– Я лучше пройдуся, – сказал Мэтью и тем самым избавил судью от необходимости играть роль дипломата, сглаживающего резкие выпады на переговорах двух враждебных сторон. – Хочу привести в порядок мысли. Заодно и осмотрюсь на местности.

– Если ваш секретарь предпочитает пешие прогулки, пусть себе идет. – Бидвелл повысил голос, обращаясь к своему слуге. – Трогай, Гуд!

Старый негр щелкнул вожжами, лошади тронулись, карета покатила прочь от Мэтью и свернула налево, на улицу Мира, попутно прервав ссору двух шелудивых псов из-за найденной в грязи косточки. Мэтью позабавился, наблюдая за третьей собачонкой, гораздо мельче двух первых, которая воспользовалась моментом, проскочила между колесами экипажа, сцапала кость и пустилась наутек, а соперники, в первый миг оторопевшие от такой наглости, запоздало устремились в погоню.

Мэтью остался один. Он возобновил движение, никуда не торопясь и не имея конкретной цели. От перекрестка он направился на запад по улице Усердия. Проходя мимо полей, фермерских домов, изгородей и амбаров, он обменивался приветствиями с немногочисленными людьми, которые трудились на своих участках либо шли куда-то по разным делам. Тут и там попадались купы развесистых дубов, простиравших свои ветви над крышами и дворами. Кое-где еще не выкорчеванные широкие пни свидетельствовали о том, что колонистам пришлось изрядно попотеть, расчищая эту землю под поля и сады. Поваленным деревьям также нашли полезное применение в качестве материала для стен, защищавших Фаунт-Ройал. Наверняка потребовалась масса усилий для возведения этого городка в том виде, какой он имел сейчас. Мэтью не могла не восхитить сила воли этих людей, в сравнительно короткий срок создавших все это на месте дремучего леса у границы прибрежных болот. Глядя на эти дома, на вспаханные поля, на зеленые пастбища и сады, он в полной мере осознал, с какими большими надеждами и планами приступали люди к освоению этих диких мест.

– Доброе утро! – обратился к нему мужчина, чинивший сломанную изгородь.

– Доброе утро! – откликнулся Мэтью.

– Я слышал, ваш судья приехал избавить нас от этой ведьмы, – сказал мужчина, прервав работу и распрямившись.

– Это дело сейчас на рассмотрении, – только и смог ответить Мэтью.

– Надеюсь, одними смотринами это не закончится. Чем скорее ее вздернут, тем раньше мы сможем спокойно спать по ночам!

– Да, сэр. Я обязательно передам ваши слова мировому судье.

Он двинулся дальше в западном направлении, ожидая услышать вслед еще одну реплику, но фермер молча вернулся к своей работе.

«Им не терпится ее повесить, – говорила миссис Неттлз. – Будь их воля, они бы вздернули ее уже этим утром».

Он вспомнил фигуру в сером балахоне, скорчившуюся на сене в тюремной камере.

«Что ей нужно, так это заступник, готовый любой ценой докопаться до правды».

Он вспомнил, как она поднималась на ноги – одним плавным, гибким движением, отчего тотчас же учащенно забилось его сердце.

«Способный доказать ее невиновность...» Он вспомнил соскользнувшую на пол одежду и то, что открылось под ней. Вспомнил ее истощенное тело с обтянутыми кожей ребрами, ее волосы цвета воронова крыла, ее лицо сердцевидной формы и странный золотистый оттенок глаз. «...Когда все вокруг будут против нее».

Тут он был вынужден прервать воспоминания, от которых уже голова пошла кругом. Услышав отдаленный раскат грома, Мэтью не без усмешки отметил, что у него произвольно появился свой собственный громоотвод пониже пояса. Это было чертовски неудобно и постыдно. В конце концов, эта женщина была вдовой. И все же она была женщиной, а он был мужчиной; что же до громоотвода, так он и прежде нередко давал о себе знать при виде какой-

нибудь проходящей мимо женщины, но он уже выработал способ его умирения. Надо цитировать по памяти библейские строки на латыни, или решать в уме математические задачи, или созерцать пейзажи – так или иначе, что-нибудь из этого поможет. В данном случае, однако, ни Второзаконие, ни геометрия не возымели эффекта. Тогда он взял курс на ближайший могучий дуб и, усевшись под ним, попытался расслабиться, внимательно разглядывая траву, тучи над головой и все прочее, достойное созерцания.

Очередной дождь – один из тех даров природы, без которых жители Фаунт-Ройала прекрасно обошлись бы какое-то время, – был уже на подходе. Мэтью заметил тучу цвета древесного угля на фоне более светлой облачности и ощутил, как растет концентрация влаги в воздухе. Он понял, что дождь вскоре достигнет города, и обрадовался этому в надежде, что холодный душ остудит его нелепый пыл. И то сказать, что может быть нелепее: так возбуждаться и переживать при одном лишь воспоминании о женской наготы. Он был секретарем – *доверенным* секретарем – мирового судьи, выполнявшего важную миссию, а на таком посту и при такой ответственности негоже давать волю столь низменным помыслам.

Он следил за быстрым приближением грозовых туч. На пастбище по соседству замычали коровы. По улице проскакал всадник; его лошадь заметно нервничала, закусывая удила. Запах дождя усиливался, а следующий раскат грома прозвучал, как грохот бесчисленных литавр. Мэтью пока оставался на месте, хотя уже начал подумывать об укрытии. А когда ветви дуба над его головой зашумели при мощном порыве ветра, он встал и направился на восток по улице Усердия.

Небо расчертил всполох молнии, и в следующую минуту первые крупные капли упали на плечи и спину Мэтью. Он ускорил шаг, понимая, что вскоре может основательно промокнуть. Дождь быстро усиливался, как и порывы ветра. Мэтью не успел дойти до перекрестка, когда у гигантского небесного ведра с громким треском отпало дно, и на землю обрушился серый, застилающий зрение поток. В считанные секунды Мэтью вымок до нитки. Ветер свирепствовал, норовя повалить его лицом в грязь. В отчаянии он стал озиаться под секущими струями и сквозь водную пелену разглядел темный прямоугольник открытой двери. Спрашивать дозволения было некогда; он устремился к укрытию, оказавшемуся небольшим сараем, вбежал внутрь, отступил подальше от заливаемого водой входа и отряхнулся всем телом, точь-в-точь как одна из тех дворняг, что дрались из-за кости на улице.

Очевидно, Мэтью предстояло некоторое время провести в этом месте. На вбитом в стену колышке висел зажженный фонарь – значит совсем недавно здесь был хозяин, потом неизвестно куда девшийся. Часть помещения занимали четыре узких стойла, в двух из которых находились лошади; обе смотрели на Мэтью, а одна поприветствовала его негромким утробным ржанием. Мэтью потрепал ее по влажной гриве и стал смотреть на потоп, держась на приличной дистанции от двери.

Сарай был построен добротно. Лишь в двух-трех местах вода капала сквозь щели в крыше, но это были мелочи, не стоящие беспокойства. Мэтью осмотрелся в поисках места поудобнее и обнаружил кучу сена у дальней стены. Опустившись на мягкое сено, он вытянул ноги и стал ждать окончания бури. Одна из лошадей вновь негромко заржала, как будто спрашивая, что он тут делает. Мэтью понадеялся, что владелец сарая не будет слишком раздражен его вторжением; в любом случае он не собирался прямо сейчас топтать до особняка Бидвелла, рискуя захлебнуться на полпути. Близкий удар грома и вспышка молнии напугали лошадей, со ржанием заметавшихся в стойлах. Ливень не ослабевал – а то и усиливался, – и Мэтью стало ясно, что ему придется проторчать здесь дольше, чем он рассчитывал.

Капля упала ему на макушку. Он поднял голову как раз вовремя, чтобы получить следующую между глаз. Оказалось, что он расположился как раз под одной из протечек. Он сдвинулся на пару футов влево и ближе к стене, после чего снова вытянул ноги перед собой.

Но вскоре он ощутил новое неудобство: что-то упиралось ему в спину. Он пошарил сзади, и его пальцы наткнулись на грубую джутовую ткань. Какой-то мешок, догадался он. Мешок, зарытый в сене.

Он убрал руку. Что бы ни находилось в мешке, это было не его дело. В конце концов, это частная собственность. Он и так должен быть благодарен хозяевам за прибежище, и не следует этим злоупотреблять.

Он посидел еще с минуту, глядя на ливень. Трудно было сказать, слабеет он или нет. Из щели в крыше, от которой он отодвинулся, капало по-прежнему. Почти бессознательно он снова потянулся назад и сквозь сено дотронулся до мешка. И вновь убрал руку. Чужая собственность, напомнил он себе. Оставь ее в покое.

И тут у него возник вопрос. Безусловно, это была чужая собственность, но почему кому-то понадобилось прятать ее в мешке глубоко под сеном? За этим вопросом закономерно последовал другой: что может находиться в мешке, который так тщательно скрывают от посторонних глаз?

– Это меня не касается, – произнес он вслух, как будто убеждая сам себя.

Немного погодя он вспомнил слова миссис Неттлз: «Сатана и вправду бродит по Фаунт-Ройалу, но Рейчел Ховарт не из тех, кто составляет ему компанию. Здесь есть много такого, что не всякий сможет углядеть. И вот это святая правда».

Поневоле Мэтью задумался: что, если этот мешок содержит одну из тех вещей, какие, по словам миссис Неттлз, «не всякий сможет углядеть»?

Раз так, не могло ли это иметь отношение к ведьмовству? В таком случае разве он не обязан это выяснить как представитель мирового судьи Вудворда?

Возможно, да. А может, и нет. Он разрывался между любопытством и уважением к чужой собственности. Прошла еще минута, в течение которой морщины раздумий не сходили со лба Мэтью. Наконец он принял решение: он расчистит сено настолько, чтобы можно было осмотреть мешок снаружи, и потом уже определится с дальнейшими действиями.

Сделав это, Мэтью увидел простой темно-коричневый мешок, в каких обычно хранят зерно. Однако на ощупь в этом мешке было не зерно – пальцы Мэтью наткнулись на предмет закругленной формы, сделанный из дерева или металла. Это потребовало дополнительного изучения. При попытке переместить мешок он тотчас убедился в его тяжести. Мэтью напряг мышцы, но предмет не сдвинулся с места. Теперь нежелание лезть в чужие дела сменилось жадной познания; он удвоил усилие и немного отодвинул мешок от стены. На другом его конце пальцы сквозь складки материи нащупали еще одну округлость. Он ухватился покрепче с намерением вытянуть этот предмет на свободное пространство, чтобы добраться до горловины мешка.

Одна из лошадей вдруг тревожно фыркнула. Мэтью почувствовал, как волоски у него на загривке встают дыбом, и догадался, что кто-то только что вошел в сарай.

Он начал поворачивать голову. Но прежде, чем он успел это сделать, сзади шаркнул по земляному полу ботинок, и две руки вцепились ему соответственно в шею и в правую руку повыше локтя. Послышался невнятный возглас, похожий на проклятие с упоминанием всеу имени Господа, и через миг чудовищная сила подняла и швырнула его через все помещение. Мэтью не успел сгруппироваться перед приземлением; в полете он зацепил правым плечом деревянный столб и врезался в загородку пустого стойла. От удара у него перехватило дыхание, тело сползло на пол, и появилось ощущение, будто все его кости разъединились в суставах, сделавшись мягкими и податливыми, как воск.

Он тщетно пытался набрать воздуха в легкие, когда нападавший навис над ним вновь. Теперь одна рука взялась за грудки, а вторая – за горло, и таким манером он был оторван от земли. Хватка была столь сильной, что его глаза чуть не вылезли из орбит.

– Ах ты, пронырливый поганец! – рявкнул мужчина и швырнул его повторно.

На сей раз Мэтью ударился о стену, причем с такой силой, что содрогнулся весь сарай, а из щелей облачком полетели старая пыль и труха. Вдобавок к потрясению от удара, Мэтью прикусил язык, и пока он снова сползал вниз по стене, рот наполнился кровью.

Мужчина надвигался.

– Сдохни, чертов проныра! – взревел он и нанес удар тяжелым сапогом, целясь в голову Мэтью.

Мгновенно сообразив, что ему сейчас разнесут череп, если ничего не предпринять, Мэтью подался вперед, одновременно разворачиваясь и подставляя под удар предплечье. Сапог угодил в правую лопатку, крик боли слетел с окровавленных губ, но Мэтью отчаянно продолжил движение на четвереньках и успел подобрать под себя ноги прежде, чем мужчина изготовился для следующего пинка. Теперь Мэтью с грехом пополам смог подняться с пола. Колени подкашивались, и он лишь огромным усилием воли сохранил равновесие, после чего повернулся лицом к противнику и привалился спиной к дощатой стене.

При свете фонаря он опознал этого человека. Накануне утром он видел его в кузнице по пути на конюшню, где им с судьей назначил встречу Пейн. Это, собственно, и был сам кузнец; Мэтью вспомнил имя на его вывеске: Сет Хэзелтон. Коренастый пузатый мужчина средних лет, с мокрой серой щетиной на голове и неопрятной седой бородой, с которой капала дождевая вода. Его резкие и грубые черты напоминали обветренную скалу, а крючковатый нос таким утесом нависал над нижней частью лица. В настоящий момент его голубые глаза были добела раскалены яростью, а на бычьей шее вздулись узловатые вены. Он чуть замешкался с повторной атакой – возможно, распознал в Мэтью секретаря судьи, – но эта задержка продлилась лишь несколько секунд, после чего лицо его вновь залилось краской, и с воплем, в котором смешались гнев и боль, он ринулся вперед.

В критических ситуациях Мэтью мог действовать очень быстро. По широкому замаху Хэзелтона он угадал направление удара, нырком ушел от летящего в голову кулака и устремился к выходу. Кузнец, однако, тоже был проворен, когда того требовали обстоятельства. Рванув с места подобно перекормленной, но не утратившей навыков гончей, он крепко сжал плечо беглеца привычной к работе с железом рукой. После чего рывком развернул Мэтью, уже обеими руками взял его за горло, поднял и снова впечатал в стену, едва не сломав позвоночник. Затем руки начали сдавливать горло теперь уже смертельной хваткой.

Мэтью хватал его за запястья, пытался разомкнуть убийственные пальцы, но быстро понял, что все это бесполезно. Потное лицо Хэзелтона приблизилось к его лицу, глаза казались остекленевшими в пылу этой – по сути, односторонней – борьбы. Пальцы все глубже впились в горло Мэтью. Он уже не мог дышать, перед глазами заплясали черные мушки. Как ни странно, даже в такую минуту он слышал лошадей, одна из которых жалостливо ржала, а вторая била копытами в своем стойле.

Он сейчас умрет. Он это знал. Через несколько секунд его поглотит тьма, и он умрет прямо здесь, раздавленный ручищами кузнеца.

Вот момент, когда его должны спасти, подумал Мэтью. Кто-то должен войти и оторвать от него Хэзелтона. Но вероятность этого была ничтожно мала. Увы, поблизости не оказалось добрых самаритян, чтобы повлиять на его судьбу в этот скорбный час.

Фонарь. А где фонарь?

Он должен был висеть на колышке справа от Мэтью. С огромным трудом он чуть повернул голову, скосил глаза и увидел фонарь в нескольких футах от себя. Мэтью потянулся в ту сторону, но даже при его длинных руках фонарь остался вне досягаемости. Самую малость. Отчаяние придало ему силы одолеть последние два-три дюйма. Дотянувшись, он сдернул с колышка нагретый фонарь и нанес им удар сбоку по лицу Хэзелтона.

Острый край неровно загнутой жести сделал свое дело: рассек щеку кузнеца от угла глаза до верхней губы. Ручейки крови заструились ему на бороду. Хэзелтон заморгал, почувство-

вав боль; далее возникла пауза, во время которой Мэтью боялся, что ярость этого человека окажется сильнее его желания предохранить свое лицо; но потом Хэзелтон с воплем подался назад, оторвал руки от Мэтью и прижал их к ране в попытке остановить кровь.

Мэтью жадно набрал воздуха в легкие и с кружащейся головой то ли побежал, то ли поковылял к открытой двери сарая. Дождь все еще лил, но уже не с такой интенсивностью. Мэтью не стал оглядываться на кузнеца, поскольку это могло замедлить его и без того неуверенное продвижение вперед. Наконец он очутился на улице. Вода хлестала его по лицу, ветер вился вокруг, одна нога зацепилась за корень дерева, и он едва не растянулся на земле, но сумел устоять и побежал сквозь буйство стихий в сторону особняка Бидвелла. Только достигнув перекрестка, он сбавил ход и оглянулся. Если кузнец и гнался за ним, то он далеко отстал.

Однако же мешкать было нельзя. Он сплюнул кровь в грязную лужу, запрокинул голову, ловя ртом струи дождя, и сплюнул еще раз. Спина и плечи были разбиты чуть не вдребезги, горло только что не раздавлено всмятку пальцами Хэзелтона. Зато теперь он имел в запасе историю для судьбы и, к счастью, остался жив, чтобы ее поведать. Он продолжил путь к дому Бидвелла, перемещаясь со всей возможной скоростью.

При этом в его голове продолжали крутиться два вопроса: «Что находилось в том мешке?» и «Что за тайну может скрывать кузнец, если он готов убивать ради ее сохранения?».

Глава девятая

– Какая жуткая история! – воскликнул Бидвелл, когда Мэтью закончил свой рассказ. – Стало быть, Хэзелтон пытался тебя задушить из-за какого-то мешка?

– Не просто мешка. – Мэтью расположился в удобном кресле в гостиной особняка, под его больную спину была подложена подушка, а на столике рядом стоял серебряный бокал с ромом. – Там внутри было что-то необычное...

Распухшее горло с трудом пропускало звуки. Он уже осмотрел в ручном зеркальце синие отпечатки пальцев кузнеца на своей шее.

– ...И он не хотел, чтобы я это увидел, – закончил фразу Мэтью.

– Сет Хэзелтон давно не дружит с головой, – заметила миссис Неттлз, которая только что принесла с кухни ром и теперь стояла рядом, скрестив руки и устремляя на собеседников воистину пугающий темный взор. – Он был таким еще до смерти его жены, а с той поры и вовсе чокнулся.

– Хвала Господу, он тебя не убил! – Вудворд сидел в кресле напротив своего секретаря; лицо его выражало огромное облегчение и в то же время беспокойство. – И хвала Господу, что ты не убил его. Тебе это обошлось бы чертовски дорого. Ты ведь понимаешь, что покушался на чужую собственность?

– Да, сэр.

– Я могу понять твоё желание укрыться от дождя в этом сарае, но с какой стати ты начал выкапывать из сена кем-то спрятанные вещи? Для этого были какие-то особые причины?

– Нет, сэр, – уныло признал Мэтью. – Полагаю, не было.

– Я уверен, что не было! И еще, по твоим словам, ты нанес ему удар по лицу, вызвавший сильное кровотечение, так? – Вудворд прикинул тяжесть жерновов правосудия, которые могут прийти в движение по такому случаю. – Стоял ли он на ногах в последний раз, когда ты его видел?

– Да, сэр.

– Однако он не погнался за тобой, не вышел из сарая?

Мэтью отрицательно качнул головой:

– Не думаю, сэр.

Он потянулся к рому и сделал глоток, уже понимая, к чему клонит мировой судья. Прикушенный язык – распухший настолько, что заполнил почти весь рот, – вдобавок обжегся «огненной водой» и благополучно онемел.

– Значит, он мог потерять сознание уже после вашего ухода. – Это произнес Бидвелл. Вудворд поднял глаза и только сейчас заметил его рядом со своим креслом. – Возможно, он до сих пор лежит в своем сарае без чувств, тяжело раненный. Предлагаю отправиться туда незамедлительно.

– У Хэзелтона шкура пожестче будет, чем у старого стервятника, – сказала миссис Неттлз. – Какой-то порез на роже его уж точно не dokonает.

– Боюсь, это был не просто порез... то есть не царапина, – сознался Мэтью. – Его щека была рассечена изрядно.

– А разве он не сам на это напросился? – Миссис Неттлз выпятила челюсть. – Как по мне, он получил то, на что давно напрашивался!

– Как бы то ни было, мы должны разобраться с этим на месте. – Вудворд поднялся из кресла. Он до сих пор неважно себя чувствовал – каждый глоток отдавался болью в горле – и очень не хотел выбираться из дома под нескончаемую морось, но столь серьезное дело к этому обязывало.

Бидвелл также признал серьезность ситуации. Но в первую очередь его озаботила возможная потеря единственного кузнеца в поселке, что усугубило бы их проблемы.

– Миссис Неттлз, – сказал он, – передайте Гуду, чтобы подогнал экипаж к крыльцу.

– Да, сэр.

Она направилась в заднюю часть дома, но успела сделать лишь несколько шагов, когда звонок колокольчика у парадной двери возвестил о посетителе. Она поспешила туда, открыла дверь – и обомлела.

Там стоял кузнец собственной персоной – с ввалившимися глазами и серым лицом, с окровавленной тряпицей на левой щеке, которую поддерживал кожаный ремень, затянутый вокруг головы. Перед крыльцом виднелись его лошадь и фургон, а в руках он держал темно-коричневый джутовый мешок.

– Кто там? – спросил Бидвелл, появляясь в прихожей, и тотчас замер как вкопанный. – Боже мой! А мы как раз собирались вас провести!

– Ну, вот он я, – молвил Хэзелтон охрипшим от боли голосом. – Где этот парнишка?

– В гостиной, – сказал Бидвелл.

Хэзелтон, не дожидаясь приглашения, перешагнул порог и протиснулся между косяком и миссис Неттлз. Последняя поморщилась от смеси запахов немытого тела и свежей крови. Когда кузнец, топя грязными сапогами, вошел в гостиную, Мэтью чуть не подавился ромом, а Вудворд почувствовал, как остатки его волос встают дыбом подобно шерсти на загривке кота при встрече с крупной и злой собакой.

– Вот! – сказал Хэзелтон, бросая мешок к ногам Мэтью. – Вот что ты, пронира, хотел увидеть.

Мэтью встал из кресла – с осторожностью, оберегая от резких движений разбитую спину.

– Давай, загляни в него, – сказал ему Хэзелтон. – Тебе ведь этого хотелось, да?

Мэтью пришлось отвечать.

– Прошу прощения, сэр. Я не должен был вторгаться в вашу част...

– Кончай жевать сопли и загляни в мешок.

Хэзелтон наклонился, поднял мешок с зашитого конца и начал вываливать на пол его содержимое. Из прихожей подошли Бидвелл и миссис Неттлз, и все они увидели то, что ранее так неистово защищал Хэзелтон.

Из мешка вывалилась одежда, а также пара истертых и стоптанных башмаков. Одежда была женской: черное платье, синий передник, несколько пожелтевших блузок и заштопанных юбок, когда-то сидевших на весьма пышных бедрах. Кроме того, из мешка выскользнула и уткнулась в левый ботинок Мэтью простая, без орнамента, деревянная шкатулка.

– Это вещи моей Софи, – заявил кузнец. – Все, чем она владела. Возьми коробку и открой ее.

Мэтью колебался, в эту минуту чувствуя себя полнейшим ослом.

– Ну же, открывай! – приказал Хэзелтон.

Мэтью взял коробочку и поднял крышку. Внутри оказались четыре заколки для волос из слоновой кости, деревянный гребень с золотистой инкрустацией, серебряный перстень с янтарным камешком и еще одно серебряное кольцо с гравировкой в виде веревочного переплетения линий.

– Это ее украшения, – сообщил кузнец. – И обручальное кольцо. После смерти Софи я не смог выбросить ее вещи. Но и держать их в доме тоже не смог. – Он потрогал окровавленную тряпку на щеке. – Потому я сложил их в мешок и отнес на хранение в сарай.

Его глаза в темных кругах свирепо уставились на Мэтью.

– Я думал, это место, куда никто не станет совать свой нос. А тут прихожу и вижу, как ты тянешь мешок наружу. – Он перевел взгляд на Вудворда. – Вы ведь судья, так? Человек закона, который поклялся его соблюдать?

– Это верно.

– А раз так, мне нужно какое-то возмещение. Этот щенок без спросу забрался в мой сарай и рылся в вещах моей любимой жены. Я не сделал ничего плохого, а ежели спрятал в укромном месте свои вещи, это никого не касается. – Хэзелтон посмотрел на Бидвелла, ожидая поддержки. – Пожалуй, я слишком взъярился, когда чуть не придушил парнишку, но, черт возьми, я ведь подумал, что он крадет вещи моей Софи! Вы можете меня за это винить, сэр?

– Нет, – был вынужден признать Бидвелл. – Не могу.

– Этот парень... – Хэзелтон указал на Мэтью испачканным кровью пальцем, – разрубил мне лицо и едва не лишил зрения. Из-за него я долго не смогу работать, это уж как пить дать. Такая рана не вынесет жара от горна, покуда не затянется. Теперь скажите, мистер Бидвелл и мистер судья, как вы мне это возместите?

Бидвелл смотрел в пол. Вудворд непроизвольно прижал пальцы ко рту, уже догадываясь, каких слов от него ждут. Мэтью закрыл коробочку Софи Хэзелтон. Наконец судья подал голос.

– Мистер Хэзелтон, какое возмещение вы сочли бы удовлетворительным?

– Самое малое – это хорошая порка, – сказал кузнец. – Такая порка, чтобы живого места на спине не осталось.

– Его спина и без того сильно пострадала, – сказал Вудворд. – И следы ваших пальцев на его горле исчезнут еще не скоро.

– Да плевать мне на это! Я требую, чтоб его выпороли!

– Вы ставите меня в сложное положение, сэр, – произнес судья, поджимая губы. – Вы просите меня вынести приговор собственному секретарю.

– А кто еще может его приговорить? Не будь он вашим секретарем, что бы вы решили тогда?

Вудворд быстро взглянул на Мэтью. Последний знал, какие душевные муки испытывает в эту минуту судья, но не сомневался, что в конечном счете он придет к правильному решению.

Вудворд заговорил.

– Пусть будет один удар, – произнес он еле слышно.

– Пять! – уперся кузнец. – И вдобавок неделя в камере!

Вудворд глубоко вздохнул, опустив глаза.

– Два удара и пять дней.

– Так не пойдет, сэр! Взгляните-ка сюда!

Хэзелтон сорвал с лица кровавую повязку, обнажив рану с багровыми краями – столь ужасного вида, что Бидвелл вздрогнул и даже миссис Неттлз отвела взгляд.

– Видите, что он сотворил? Теперь попробуйте сказать, что у меня не останется шрама на всю жизнь! Три удара и пять дней!

Мэтью растерянно опустил в кресло, взял бокал и осушил его залпом.

– Три удара, – устало произнес Вудворд; на его виске начала пульсировать жилка. – И три дня заключения.

Он сделал над собой усилие, чтобы встретить взгляд Хэзелтона.

– Таков мой вердикт, и он не может быть дополнен или отменен. Он сядет в тюрьму завтра в шесть часов утра и получит удары кнутом в шесть утра через три дня. Полагаю, телесными наказаниями у вас ведает мистер Грин? – Он взглянул на Бидвелла, который подтвердил это кивком. – Решено. Я вынес этот вердикт в качестве мирового судьи, представляющего власть короля Англии и губернатора этой колонии.

Кузнец скривился так злобно, что мог бы напугать сам себя, увидев отражение в зеркале. Потом он вновь закрыл рану тряпицей.

– Вижу, тут ничего не поделаешь, раз уж вы *непредвзятый* судья и все такое, – пробурчал он. – В пекло этого паскудного гаденыша, вот что я вам скажу!

– Приговор вынесен. – Лицо Вудворда начало наливаться краской. – А вам я бы посоветовал навеститься к врачу.

– Я этому доктору-смертоносцу даже притронуться к себе не позволю, нет уж, сэр! А сейчас я уйду, будьте покойны. Ваше правосудие дурно пахнет.

Он начал запихивать вещи обратно в мешок. Последней туда отправилась шкатулка с украшениями, которую Мэтью оставил на столе. Подняв мешок узловатыми ручищами, Хэзелтон с вызовом посмотрел на Вудворда, затем перевел взгляд на Бидвелла и обратно на судью.

– Будь проклят этот мир, в котором человек получает увечье только за то, что защищал память своей жены, а закон не наказывает за это даже хорошей поркой!

– Порка будет исполнена надлежащим образом, – холодно заметил Вудворд. – Три удара.

– Это *вы* так говорите. Но учтите, я там буду, чтобы за всем проследить!

Развернувшись, он направился в прихожую.

– Мистер Хэзелтон, – внезапно произнес Мэтью.

Кузнец остановился и устремил хмурый выжидательный взгляд на своего недруга.

Мэтью поднялся на ноги.

– Я хочу сказать... я глубоко сожалею о случившемся. Я вел себя совершенно недопустимо, за что прошу у вас прощения.

– Ты получишь мое прощение только после того, как тебе до костей раздерут спину кнутом.

– Я понимаю ваши чувства, сэр. И признаю, что заслужил наказание.

– По заслугам тебе причитается куда больше, – сказал Хэзелтон.

– Да, сэр. Но... могу я обратиться к вам с просьбой?

– Что?

– Вы позволите мне донести ваш мешок до фургона?

Хэзелтон озадачился – возникшие на его лице складки могло бы сравниться числом с колдобинами на пяти милях разбитой дороги.

– С какой это стати?

– Дабы сделать хоть эту малость в знак моего раскаяния. – Мэтью шагнул вперед, протягивая руки к мешку. – И еще с надеждой, что мы оставим в прошлом эту досадную историю после того, как я понесу наказание.

Хэзелтон молчал, но было заметно, что он усиленно соображает. По прищуренному взгляду кузнеца Мэтью понял, что тот разгадал его намерения. При его волчьих ухватках и быкообразном облике этот тип был хитер как лис.

– Ваш парнишка вконец одурел, как жук в бутылке, – сказал он Вудворду. – На вашем месте я бы держал его взаперти по ночам.

С этими словами Хэзелтон повернулся спиной ко всей компании и через прихожую и парадную дверь вышел под мелкий дождь. Миссис Неттлз сопровождала визитера и, чересчур громко хлопнув дверью за его спиной, вернулась в гостиную.

– Что ж, – молвил Вудворд, тяжело, как больной старик, опускаясь в кресло, – правосудие свершилось.

– Мои соболезнования из-за всего этого, – сказал Бидвелл судье. – Но, сказать по правде, я бы назначил пять ударов.

Он взглянул на Мэтью и покачал головой:

– Вам пора бы уже усвоить, юноша, что частная собственность неприкосновенна! Или вам нравится создавать проблемы повсюду, где вы появляетесь?

– Я уже признал свою неправоту. Если хотите, могу сделать это еще раз. И я приму наказание, которое заслужил... Но и вы, мистер Бидвелл, должны понять, что Хэзелтон считает нас всех одураченными.

– Что?! – Бидвелл скорчил кислую мину. – Что еще вы удумали?

– Просто содержимое мешка, принесенного Хэзелтоном, не соответствует тому, что было спрятано у него в сарае.

Возникла долгая пауза. Потом Вудворд спросил:

– О чем ты, Мэтью?

– Я о том, что в мешке, который я попытался вытянуть из-под сена, лежало что-то намного более тяжелое, чем старая одежда и обувь. Сейчас Хэзелтон догадался, что я хочу прикинуть вес мешка, и потому не дал мне его понести.

– Нет уж, хватит с меня этого! – Бидвелл полез в карман за табакеркой. – Мало вам Хэзелтона на сегодня? На вашем месте я бы сейчас далеко обходил его стороной!

– После стычки с ним прошло... около сорока минут, – продолжил Мэтью. – Думаю, за это время он перепрятал то, что изначально хранилось в мешке, и заменил это одеждой либо просто взял другой, похожий мешок.

Бидвелл втянул носом понюшку и заморгал увлажнившимися глазами.

– Вы когда-нибудь угомонитесь?

– Вы можете мне не верить, сэр, но в том мешке было нечто более значимое, чем ветхое тряпье. Хэзелтон понимал, что я расскажу о случившемся и тогда вам захочется узнать, какие вещи он так старательно оберегает от посторонних глаз, что даже готов пойти на убийство. Потому он спешно нацепил повязку, сел в фургон и привез сюда подложный мешок, прежде чем вы нагрянете к нему выяснять подробности случившегося.

– Это все ваши домыслы. – Бидвелл принял вторую понюшку и щелкнул крышкой табакерки. – Боюсь, это вас не спасет от кнута и тюрьмы. Судья вынес решение, а я и миссис Неттлз были тому свидетелями.

– Пусть я свидетель, – ледяным голосом заявила миссис Неттлз, – но я скажу вам, сэр, что Хэзелтон – очень скользкий тип. Я не понаслышке знаю, что при жизни Софи он держал ее в черном теле, как бесполезную трехногую клячу. Тогда с чего бы ему вдруг беречь ее память сейчас? Скорее он сохранил ее одежду и украшения, чтобы сбыть их с рук при удобном случае.

– Благодарю вас, миссис Неттлз, – язвительно усмехнулся Бидвелл. – Я вижу, что «древо домыслов» – это единственное растение, успешно пустившее корни в Фаунт-Ройале.

– Какой бы ни была правда в этой истории, – заключил судья, – она не отменяет того факта, что Мэтью проведет три ночи в тюрьме и получит удары кнутом. На собственность кузнеца впредь никто покушаться не будет. А касательно вашего заявления, мистер Бидвелл, насчет ужесточения порки, позвольте напомнить, что рассмотрение дела Рейчел Ховарт и так уже придется отложить до того времени, когда Мэтью отбудет свой срок и оправится после наказания.

Бидвелл на несколько секунд превратился в статую с отвисшей челюстью. А Вудворд продолжил нарочито спокойным тоном, предчувствуя очередной взрыв негодования со стороны хозяина Фаунт-Ройала и внутренне готовясь к этому.

– Видите ли, мне необходим секретарь, чтобы вести протоколы допросов. Ответы свидетелей должны быть зафиксированы документально, а Мэтью выработал скоропись, которую я легко могу разобрать. Без секретаря все эти действия попросту бессмысленны. Следовательно, судебное разбирательство затянется на срок его заключения в вашей тюрьме и выздоровления после порки.

– Боже правый! – взорвался Бидвелл. – О чем вы говорите?! Вы что, не собираетесь завтра опрашивать свидетелей?

– Думаю, задержка составит дней пять.

– Проклятье, Вудворд! Да этот город зачахнет и будет стерт с лица земли прежде, чем вы приступите к своим прямым обязанностям!

– Мой секретарь, – ответил судья, – незаменим при отправлении правосудия. Он не сможет вести протоколы в тюремной камере и вряд ли сможет сосредоточиться на работе сразу после того, как ему располосуют спину кнутом.

– А почему это он не может вести протоколы в камере? – поднял густые брови Бидвелл. – В списке, который я вам дал, указаны три свидетеля. Разве вы не могли бы обустроиться для допросов в здании тюрьмы и вызвать свидетелей туда? Насколько я знаю закон, они все равно должны выступать в присутствии обвиняемой, правильно?

– Да, вы правы.

– Ну вот и славно! Они могут дать показания в тюрьме ничуть не хуже, чем в доме собраний. Вашему секретарю принесут стол и письменные принадлежности, так что он сможет выполнять свою работу, одновременно отбывая срок! – В глазах Бидвелла появился лихорадочный блеск. – Что вы на это скажете?

Вудворд посмотрел на Мэтью.

– Такой вариант возможен. Он бы существенно ускорил процесс. Ты не возражаешь?

Мэтью задумался. Он чувствовал, что за ним внимательно наблюдает миссис Неттлз.

– Мне потребуется больше света, – сказал он.

Бидвелл нетерпеливо взмахнул рукой.

– Только скажите, и я принесу вам фонари и свечи со всего Фаунт-Ройала! А Уинстон в избытке имеет перья, чернила и писчую бумагу!

Мэтью поскреб подбородок, продолжая размышлять. Ему доставляло удовольствие видеть Бидвелла чуть не пляшущим на задних лапках, как напудренный песик.

– Я могу обратить ваше внимание на одну деталь, – продолжил Бидвелл негромким, но теперь уже более жестким голосом, напоминая, что играть с собой, как с комнатной собачкой, он не позволит никому. – У мистера Грина есть три основных орудия для телесных наказаний: сыромятный кнут, плетка-девятихвостка и простая кожаная плеть. Судья мог назначить вид наказания, но я, как хозяин – если хотите, губернатор – Фаунт-Ройала, имею право выбора орудия.

Он сделал паузу, давая Мэтью возможность оценить пикантность ситуации.

– Обычно при столь серьезных проступках я поручаю мистеру Грину использовать кнут. – Губы Бидвелла слегка искривились намеком на коварную улыбку. – Но если вы будете заняты выполнением, скажем так, благородной задачи в интересах жителей моего города, я учту это и рекомендую использовать простую плеть.

Раздумья Мэтью подошли к концу.

– Вы привели убедительный довод, – сказал он. – Буду счастлив послужить интересам города и его жителей.

– Прекрасно! – На радостях Бидвелл чуть не хлопнул в ладоши. При этом он не заметил, что миссис Неттлз круто развернулась и покинула комнату.

– Давайте определимся с первым свидетелем. Кто это будет, судья?

Вудворд пошарил в кармане и достал листок бумаги с тремя именами. Этот список по его просьбе составил Бидвелл после их возвращения из тюрьмы.

– Первым я допрошу самого старшего, Джеремию Бакнера. Потом Элиаса Гаррика. А последней эту девочку, Вайолет Адамс. Сожалею, что ей придется отвечать на вопросы в стенах тюрьмы, но по-другому не получится.

– Я немедленно отправлю слугу оповестить всех троих, – сказал Бидвелл. – Поскольку ваш секретарь явится в тюрьму к шести утра, можно будет вызвать мистера Бакнера к семи, как считаете?

– Да, если у Мэтью к тому времени будет все необходимое для выполнения его обязанностей, а мне приготовят удобное председательское место.

– Все будет готово в срок. Похоже, дело сдвигается с мертвой точки, а? – Улыбка Бидвелла сейчас могла бы затмить сиянием свет всех его канделябров.

– Куклы, – напомнил Вудворд, который был холоден и сосредоточен, явно не разделяя энтузиазма Бидвелла. – Где они сейчас?

– У Николаса Пейна. Не беспокойтесь, они в полной сохранности.

– Я намерен осмотреть их и побеседовать с мистером Пейном сразу же после допроса третьего свидетеля.

– Я это устрою. Есть еще пожелания?

– Есть. – Вудворд быстро взглянул на Мэтью и потом вновь обратил взор на Бидвелла. – Я должен попросить вас не присутствовать во время бесед со свидетелями.

Ликование Бидвелла как рукой сняло.

– А это еще почему? Я имею полное право там находиться!

– Это спорный вопрос, сэр. Есть вероятность, что ваше присутствие само по себе окажет влияние на свидетелей и уж точно – на миссис Ховарт, когда она будет давать показания. Посему, дабы обеспечить справедливость по отношению ко всем участникам процесса, я не хочу вести допросы в присутствии посторонних. Конечно, мистер Грин должен находиться неподалеку как обладатель тюремных ключей, но он может, к примеру, посторожить у входа и запереть тюрьму по завершении всех процессуальных действий.

Бидвелл хмыкнул:

– Вам лучше бы держать мистера Грина поближе к себе на тот случай, если ведьма вздумает швырнуть вам в голову ведро!

– Ей с самого начала разъяснят, что любое нарушение судебной процедуры обернется для нее оковами и – хоть я и не люблю такие вещи – кляпом во рту. Ей предоставят возможность ответить на обвинения уже после того, как я заслушаю всех свидетелей.

Бидвелл вновь начал было протестовать, но быстро пошел на попятный, решив не создавать лишних задержек на пути ведьмы от камеры до костра.

– Что бы вы ни думали обо мне и моих побуждениях, – сказал он, – я всегда выступал за справедливость. Я даже готов на неделю уехать в Чарльз-Таун, если вам это облегчит ведение процесса.

– В этом нет необходимости, но я ценю вашу готовность сотрудничать.

– Миссис Неттлз! – позвал Бидвелл. – Куда подевалась эта женщина?

– Думаю, она ушла на кухню, – сказал Мэтью.

– Мне нужно послать слугу, чтобы он оповестил свидетелей. – Бидвелл шагнул к выходу из гостиной. – День, когда эта напасть закончится, станет счастливым для нас всех, можете не сомневаться!

И он отправился на поиски миссис Неттлз, чтобы та выбрала посыльного из числа домашних слуг.

После ухода Бидвелла судья провел рукой по лбу и сурово воззрелся на Мэтью.

– Что за блажь на тебя нашла, когда ты столь грубо нарушил право частной собственности? Тебя не остановила мысль о вероятных последствиях?

– Нет, сэр. Знаю, я должен был остановиться, но... мое любопытство пересилило здравый смысл.

– Твое любопытство подобно крепкому напитку, Мэтью, – холодно заметил Вудворд. – Чуть перебрал, и ты уже теряешь рассудок. Но в тюрьме у тебя будет достаточно времени для покаянных раздумий. А три удара плетью – это и впрямь очень мягкое наказание за травму, которую ты нанес Хэзелтону. – Судья твердо сжал губы и покачал головой. – Поверить не могу! Мне пришлось приговорить к тюремному заключению и порке собственного секретаря! Всевышний, за что ты взвалил на меня сие тяжкое бремя!

– Полагаю, сейчас не время настаивать на своем утверждении, но я все же напому: Хэзелтон показал нам не то, что было спрятано в его сарае, – произнес Мэтью.

– Довольно! Сейчас уж точно не время!

Вудворд мучительно сглотнул и поднялся на ноги, чувствуя себя вялым и слабым, как во время приступа лихорадки. Виной тому, несомненно, были высокая влажность и болотные испарения, отравлявшие его кровь.

– Тебе нечем подтвердить свою версию. Да это теперь и не важно.

– Отнюдь, сэр, – последовал решительный ответ, – я уверен, что это как раз очень важно.

– А я тебе говорю, что нет! Этот человек вправе требовать, чтобы тебя заперли до полу-смерти, ты это понимаешь? Так что лучше держись подальше от его сарая, его мешков и любых его дел!

Мэтью не ответил. Он просто смотрел в пол, ожидая, когда гнев судьи поутихнет.

– Кроме того, – добавил Вудворд, смягчая тон, – мне понадобится твоя помощь, а пребывание в тюрьме или лежание пластом после порки никак не поспособствуют расследованию.

Лоб судьи покрылся испариной. Он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание, и прервал беседу.

– Пойду-ка я наверх и прилягу, – пробормотал он.

Мэтью мгновенно оказался на ногах.

– Вы себя плохо чувствуете?

– Горло болит. И общая слабость. Никак не привыкну к этому климату.

– Послать за доктором Шилдсом?

– Нет. Ради Бога, не надо. Все дело в погоде, и только. Вдобавок мне следует побереечь голос до начала процесса. – Перед лестницей он задержался. – Прошу тебя, Мэтью, приостанови на сегодня свои изыскания. Обещаешь?

– Да, сэр.

– Вот и хорошо.

С этими словами Вудворд отбыл на второй этаж.

День тянулся час за часом. Дождь то затихал, то вновь усиливался. Мэтью обнаружил в доме маленькую библиотечную комнату с несколькими книжными полками, содержавшими труды по флоре и фауне Нового Света и по европейской истории, несколько известных английских пьес, а также книги по кораблестроению. Из них всех лишь последние имели хоть сколько-нибудь зачитанный вид. В центре комнаты стоял шахматный столик с парой кресел на противоположных концах. Шахматные клетки – как и фигуры – были вырезаны из светлого либо темного дерева благородных пород. На стене висела карта Фаунт-Ройала. Приглядевшись, Мэтью убедился, что это не реальная карта, а перспективный план развития города, каким его представлял Бидвелл, – с ухоженными улицами, ровными рядами домов, разноцветными квадратами фермерских полей, фруктовыми плантациями и, само собой, детально прорисованными верфями и доками.

Мэтью выбрал книгу по истории Испании, при первом открытии которой девственный кожаный переплет щелкнул подобно пистолетному выстрелу. За чтением этой книги он просидел до обеда, каковой был сервирован в столовой и состоял из ячменно-рисового супа с кукурузными лепешками. Бидвелла за столом не было, а отправленная к судье служанка вернулась с сообщением, что он решил пропустить обед. Так что Мэтью поел в одиночестве, – начиная уже всерьез беспокоиться о состоянии здоровья Вудворда, – а потом возобновил чтение в библиотеке.

Миссис Неттлз не показывалась со времени разговора в гостиной – возможно, была занята, выполняя какие-то поручения хозяина, а может, просто избегала Мэтью, сожалея о своей откровенности. Ему это было лишь на руку, ибо ее моральные суждения мешали ему

оценивать события, опираясь только на факты. Несколько раз в его сознании возникали образы скидывающей одежду Рейчел Ховарт и ее миловидного, хоть и сурово напряженного лица. Ему вдруг пришло в голову, что если Ноулз будет освобожден завтра утром, то последующие три дня он проведет в тюрьме наедине с этой женщиной. После чего, увы, его ждали горячие поцелуи плетки. Дабы отвлечься от этих мыслей, он начал переводить историю Испании на французский.

Когда снаружи стусилась тьма, в доме зажгли лампы и подали ужин с большим куриным пирогом в качестве главного блюда. На сей раз компанию Мэтью составили Бидвелл и Вудворд – первый был в бодром расположении духа, тогда как лицо второго омрачало сознание своей ответственности в предстоящем деле. Кроме того, к застолью нагрянул свежий контингент москитов, зудевших у едоков над ушами и со злобным усердием наполнявших кровью свои брюшки. Хозяин дома выставил бутылку «Сэра Ричарда» и неустанно поднимал тосты, среди прочего восхваляя «бесподобные дарования» Вудворда и его «ясное видение благополучной гавани в конце пути». Сам же мировой судья, с запавшими глазами и болезненно осунувшимся лицом, не был настроен что-либо праздновать, но стоически терпел все эти славословия, пригублял ром и ковырялся в тарелке, кое-как осилив лишь треть своей порции. Несмотря на очевидно плохое самочувствие судьи, Бидвелл ни разу не справился о его здоровье – вероятно, из опасения, что это станет еще одним поводом для задержки ведьмовского процесса.

Но за десертом из яичного крема, к которому Вудворд даже не притронулся, Мэтью не выдержал и заявил:

– Сэр, мне кажется, надо послать за доктором Шилдсом.

– Глупости! – прохрипел Вудворд. – Как я уже говорил, все дело в болотных миазмах, и не более того!

– Однако вы неважно выглядите, уж извините за прямоту.

– Я выгляжу таким, какой я есть! – Нервы судьи были и так напряжены до предела по причине больного горла, заложенного носа и засилья кусачих насекомых. – Я лысый старик, которого грабители лишили парика и парадного камзола! Спасибо за заботу, Мэтью, но прошу тебя оставить свои мнения при себе!

– Сэр, я только хотел сказать...

– А я считаю, что судья выглядит нормально, – вмешался Бидвелл, на лице которого застыла фальшивая улыбка. – Болотные миазмы – это действительно неприятность, к которой не сразу привыкаешь, но в этом нет ничего такого, что не мог бы вылечить добрый глоток рома. Не правда ли, сэр?

Вудворд не стал отвечать любезностью на любезность.

– Вообще-то, нет. Ром скорее горячит тело, нежели его лечит.

– Но сейчас вы ведь в норме, правда? – гнул свое Бидвелл. – То есть вы в состоянии выполнять свои обязанности?

– Разумеется, в состоянии! Разве что несколько угнетает погода...

– А кого она не угнетает, при этих бесконечных дождях? – с нервным смешком вставил Бидвелл.

– ...Но за все время моей работы в суде не было случая, когда я не смог бы исполнить свой долг, и я не намерен создавать такой прецедент здесь и сейчас. – Он выразительно посмотрел на Мэтью. – У меня побаливает горло, и я немного устал, только и всего.

– И все же вам не помешает консультация доктора Шилдса.

– Довольно, юноша! – взорвался Вудворд. – Кто здесь отец?! – Мгновение спустя его лицо залилось краской. – В смысле... кто здесь опекун?

Он уставился на свои пальцы, сжимавшие край столешницы. В комнате воцарилась тишина.

– Извините за оговорку, – негромко произнес Вудворд. – Я, конечно же, являюсь опекуном моего секретаря, а не его отцом. – Кровь еще не отлила от его щек. – Похоже, у меня слегка путаются мысли. Пойду в свою комнату и попытаюсь заснуть.

Он встал из-за стола; Мэтью и Бидвелл также поднялись в знак уважения.

– Пусть меня разбудят в пять часов, – сказал Вудворд хозяину дома, а потом обратился к Мэтью. – Советую и тебе лечь пораньше. Потом в тюремной камере особо не выспишься. Спокойной ночи, джентльмены.

Засим судья расправил плечи и удалился со всем достоинством, какое только смог изобразить.

Когда Мэтью и Бидвелл опустили на стулья, в комнате вновь установилось молчание. Старший из двоих быстро доел свой крем, допил остатки рома и покинул застолье, сухо бросив:

– Мне пора. Спокойной ночи.

Мэтью недолго сидел в одиночестве над остатками трапезы. Сочтя разумным последовать совету судьи, он поднялся в отведенную ему комнату и, переодевшись в ночную рубашку, забрался в постель под москитной сеткой. Сквозь закрытые ставни до него донеслось женское пение, сопровождаемое бодрым пиликаньем скрипки. Он догадался, что эти звуки исходят от хижин прислуги, а на скрипке играет Гуд, причем в куда более вольной манере по сравнению с его игрой перед гостями на званом ужине. Эта приятная, жизнерадостная мелодия отвлекла его мысли от тюрьмы, Рейчел Ховарт и грядущей порки. Он откинул сетку, выбрался из постели и распахнул ставни, впуская музыку внутрь.

Кучка дощатых лачуг, в которых обитали черные слуги, светилась огоньками фонарей. Гуд сменил мотив, и певица – наделенная воистину царственным голосом – начала новую песню. Мэтью не смог разобрать слов и решил, что это какой-то африканский диалект. Ритм подхватил бубен, а затем контрапунктом подключился низкий и гулкий звук барабана. Голос взлетал ввысь и понижался, блуждал вокруг основной мелодии, шаловливо ее обыгрывал и возвращался на круги своя. Мэтью уперся локтями в оконную раму, высунулся наружу и окинул взглядом небосвод. Плотные тучи не пропускали свет звезд и луны, но зато прекратился дождь, моросивший всю вторую половину дня.

Он слушал музыку, наслаждаясь моментом.

«Кто здесь отец?» Какое странное высказывание судьи. Конечно, он плохо себя чувствовал и его разум слегка помутился, но все же... очень странная фраза.

Мэтью никогда не воспринимал судью Вудворда как отца. Как опекуна – да; как наставника – возможно. Но как отца? Ничего подобного. Не то чтобы он не испытывал к этому человеку никакой привязанности. Все ж таки они пять лет вместе работали и жили в одном доме. Но если бы Мэтью плохо исполнял свои секретарские обязанности, он не продержался бы так долго на этой службе, в чем у него не было сомнений.

Да, именно в этом и заключалась суть их отношений. В добросовестном служении. Мэтью рассчитывал проработать у Вудворда еще несколько лет, пока тот будет нуждаться в его услугах, а потом, быть может, заняться изучением права. Вудворд говорил, что когда-нибудь и он может стать мировым судьей, если изберет себе это поприще.

Отец? Нет. Слишком много Мэтью не знал о судье, даже проведя рядом с ним пять лет. В частности, ему было неведомо лондонское прошлое Вудворда, а также причины, по которым он переехал в колонии. Почему он не желал говорить о загадочной «Анне», периодически упоминаемой им в ночном бреде? В чем заключалась символическая ценность его золоченого камзола?

Это все были вещи, которые настоящий отец поведал бы своему сыну, пусть даже не родному, а усыновленному из приюта. В то же время эти вещи имели для судьи глубоко личное значение, о чем работодатель никогда не станет говорить со своим служащим.

Мелодия пришла к плавному завершению. Мэтью посмотрел в сторону болота и моря за ним, уже неразличимых в ночи, а потом закрыл ставни и вернулся в постель, где его сразу настиг сон.

Когда он проснулся – разом, испуганно вздрогнув, – о причине такого пробуждения гадать не пришлось. Эхо чудовищного грома еще висело в воздухе. По мере его угасания во всем Фаунт-Ройале нарастал собачий гвалт. Мэтью повернулся на другой бок с намерением вернуться в царство Морфея и уже начал дрейфовать в том направлении, когда второй залп небесных пушек грянул, казалось, над самой его головой. Он раздраженно сел в постели, дожидаясь следующего громового раската. Молния сверкнула в щели между ставнями, и дом содрогнулся снизу доверху, когда бог Вулкан со всей силы ударил молотом по наковальне.

Мэтью поднялся, с трудом распрямив израненную спину, и открыл окно, чтобы посмотреть на грозу. Фонари в домишках рабов уже погасли. Дождь пока не начался, но штормовой ветер уже вовсю раскачивал деревья на краю болота. После очередной вспышки молнии и удара грома вновь заголосили собаки.

Он размышлял о том, как Фаунт-Ройал, в конечном счете одолев Дьявола, может волею Божьей оказаться смытым в океан, когда нечто за окном привлекло его внимание. Кто-то крадучись перемещался среди негритянских лачуг. Он напряг зрение, вглядываясь в темноту. Через несколько секунд вновь сверкнула молния, и ее яростный всплеск осветил фигуру, которая как раз вышла из-за угла крайнего дома, быстро направляясь в сторону городского центра. Тьма накатила вновь, как морская волна на берег. Мэтью показалось, что это был мужчина – по крайней мере, судя по походке – в темной одежде и круглой вязаной шапке. В его правой руке как будто покачивался на ходу какой-то предмет. Но Мэтью не был в этом уверен. Он также не смог определить, белый это был или негр. К моменту следующей вспышки фигура успела выйти из его поля зрения, ограниченного оконной рамой.

Мэтью закрыл ставни на задвижку. Очень подозрительно, подумал он. Кто-то бродит среди хижин рабов в столь неурочный час, стараясь – в этом не было сомнений – остаться незамеченным. Очень, очень подозрительно.

Другой вопрос: в какой мере это касалось Мэтью или же не касалось вовсе? Можно было найти аргументы в пользу и того, и другого. Никому не возбраняется гулять, где хочется и когда хочется... однако у Мэтью сложилось впечатление, что кузнец – далеко не единственный человек в Фаунт-Ройале, которому есть что скрывать.

Рев и грохот бури – пока еще не набравшей полную силу – вдобавок к этой новой загадке окончательно прогнали сон. С помощью огнива Мэтью зажег серник, а от него лампу, потом из глиняного кувшина наполнил кружку ключевой водой и выпил ее одним духом. Он давно уже пришел к выводу, что вода здешнего источника была главным достоинством Фаунт-Ройала. Утолив жажду, он решил сходить в библиотеку за книгой, чтобы чтением вогнать себя в сон, и с лампой в руке покинул комнату.

В доме стояла тишина. Точнее, Мэтью так казалось до того момента, когда он расслышал где-то неподалеку приглушенный голос. Он остановился, напрягая слух; удар грома заставил говорившего умолкнуть, но потом голос зазвучал вновь, и Мэтью повертел головой, уточняя его источник.

Он узнал этот голос, хотя тот и доносился сквозь толстую дверь. Крепко спящий судья вновь беседовал со своими демонами.

Мэтью приблизился к его комнате. Между тем голос угас и сменился мощным храпом, который мог бы посрамить пилу, грызущую железное дерево. При очередном громовом раскате храп усилился, как будто состязаясь с какофонией стихий. Мэтью был не на шутку встревожен здоровьем Вудворда. На его памяти судья действительно никогда не откладывал своих дел по причине болезни, но ведь и нездоровилось ему крайне редко. Однако на сей раз Мэтью был уверен, что помощь доктора Шилдса необходима.

Храп резко прекратился. Наступила тишина, а затем из-за двери донесся стон.

– Анна! – произнес судья. – Анна, ему больно...

Мэтью стоял и слушал. Он понимал, что этого делать не следует, но надеялся, что бред Вудворда поможет выявить причину его душевных терзаний.

– Больно. Боль... – Послышался короткий клокочущий вздох. – Анна, ему больно. О Боже... Боже мой...

– Что здесь происходит?

Этот голос, раздавшийся над самым ухом, заставил Мэтью чуть не выпрыгнуть даже не из ночной рубашки, а из самой кожи, обтягивавшей его кости. Он резко повернулся и увидел перед собой Роберта Бидвелла в алом шелковом халате и с лампой в руке.

Мэтью потребовалось несколько секунд на то, чтобы вновь обрести дар речи, благо эту паузу заполнил мощный раскат грома.

– Это судья, – смог наконец прошептать Мэтью. – У него беспокойный сон.

– Еще бы, от его храпа нет покоя всему дому! Гроза не так мешает мне спать, как этот звук, прямо череп раскалывается!

Пока Бидвелл произносил эти слова, храп судьи возобновился. Мэтью отметил, что в прежние времена он не был таким громким и раздражающим. Должно быть, сказывалась хворь.

– Моя спальня через стену от него, – сказал Бидвелл. – И будь я проклят, если хоть на миг сомкнул глаза этой ночью!

Он потянулся к дверной ручке.

– Сэр, – остановил его Мэтью, схватив за запястье, – не будите его, прошу вас. Даже если разбудите, он потом захрапит снова. Ему нужен отдых перед завтрашним трудным днем.

– А как насчет *моего* отдыха?

– Но завтра не вам, а ему придется допрашивать свидетелей.

Бидвелл недовольно скривился. Без своего роскошного парика, с коротко стриженными волосами песочного цвета, он выглядел уже не столь представительно.

– Какой-то юнец без роду-племени еще будет мне указывать в моем собственном доме! – вспылil он, рывком высвобождая свою руку.

– Благодарю вас за понимание.

– Да какое там понимание!..

Он не закончил тираду, ибо в этот самый момент храп за дверью сменился всхлипом и стоном.

– Больно... – произнес Вудворд. – Боже мой... больно...

И опять его голос утонул в пронзительном скрежете храпа.

Бидвелл выдохнул сквозь зубы.

– Он говорит во сне, – пояснил Мэтью.

– Говорит во сне? Что ж, дурные сны – это не новость для Фаунт-Ройала! Сатана насаждает их в головах наших людей, как ядовитые семена!

– С ним это не впервые. Я много раз слышал, как он бормочет во сне.

– Тогда сочувствую твоим ушам! – Бидвелл провел ладонью по своей короткой шевелюре, – видимо, тщеславие напомнило хозяину города, как много он теряет в солидности без пышного парика на голове. – А ты почему поднялся? Он и тебя разбудил?

– Нет, меня разбудил гром. Я посмотрел в окно и увидел... – Мэтью запнулся.

«Что именно я там увидел? – спросил он себя. – Мужчину или женщину? Негра или белого? С каким-то грузом или с пустыми руками?» Такая неопределенность могла лишь укрепить представление Бидвелла о нем как о фантазере, создающем проблемы из ничего.

– ...Увидел приближение бури, – закончил он.

– Ха! – Бидвелл ухмыльнулся. – А ты не такой умник, каким себя считаешь, писарь!

– Простите?

- Твое окно выходит на море. А буря надвигается с запада.
- А, стало быть, я ошибся, – признал Мэтью.
- Чтоб ее, эту бурю! – проворчал Бидвелл после очередного раската. – Кто сможет заснуть под такое?!
- Только не я. Собственно, я как раз шел в библиотеку. Думал что-нибудь почитать.
- Почитать? Ты знаешь, который час? Около трех ночи!
- Позднее время никогда не было помехой моему чтению, – сказал Мэтью. И тут его осенило. – Если только... раз уж и вам не спится, вы могли бы сделать мне одолжение.
- Какое еще одолжение?
- Партию в шахматы. Я видел доску и фигуры в библиотеке. Вы играете в шахматы?
- Разумеется, играю! – Бидвелл выпятил челюсть. – И должен сказать, очень недурно!
- В самом деле? Достаточно хорошо, чтобы обыграть меня?
- Достаточно хорошо для того, – молвил Бидвелл с мимолетной улыбкой, – чтобы стереть тебя в пыль и пустить по ветру!
- Хотел бы я это увидеть.
- Тогда сейчас увидишь! После вас, мой воображалистый мистер писарь!
- В библиотеке, под звуки бушующей за ставнями бури, они поставили лампы на столик, и Бидвелл объявил, что будет играть белыми. Усевшись в кресло, он без промедления, даже с какой-то свирепостью, двинул вперед пешку.
- Вот! – сказал он. – Это первый солдат, который жаждет твоей головы!
- Мэтью сделал ответный ход конем.
- Одно дело – жаждать, а совсем другое – заполучить, – ответил он.
- Еще одна пешка ринулась в бой.
- Я учился шахматам у настоящего мастера, так что не удивляйся скорости, с какой ты будешь разгромлен.
- Тогда у вас действительно большое преимущество, – сказал Мэтью, глядя на доску. – Я-то всего лишь самоучка.
- Много вечеров я провел за этой доской с преподобным Гроувом. Кстати сказать, сама доска и фигуры принадлежали ему. Надеюсь, ты не будешь слишком долго раздумывать над самыми простыми ходами?
- Нет, – сказал Мэтью, – слишком долго не буду.
- Его следующий ход был сделан с минутной задержкой. А через двенадцать ходов Бидвелл вдруг обнаружил, что его ферзь угодил в «капкан» под натиском слона и ладьи противника.
- Ладно, чего там! Забирай королеву, и черт с ней!
- Мэтью так и сделал. Теперь настал черед Бидвелла подолгу задумываться над ходами.
- Говорите, вас учил играть преподобный Гроув? – спросил Мэтью. – То есть он дополнял богослужения уроками шахмат?
- Остричь пытаешься? – резко среагировал Бидвелл.
- Никоим образом. Я искренне интересуюсь.
- Бидвелл помолчал, оценивая позицию в поисках спасительного хода, но обнаружил лишь назревающую атаку на своего короля со стороны того самого коня, которым Мэтью сделал свой первый ход.
- Гроув не то чтобы давал уроки, – сказал Бидвелл. – Он просто получал удовольствие от игры. Я бы назвал его разносторонне одаренным человеком. А уж в чем он мог дать настоящий урок, так это в латыни.
- В латыни?
- Именно. Он любил этот язык до такой степени, что нередко во время игры начинал комментировать ходы на латыни. Это выводило меня из равновесия – чего он, возможно, и добивался своими комментариями. Ага, вот мой спаситель!

Бидвелл потянулся к слону, собираясь взять им атакующего коня.

– Э-э... если вы пойдете таким образом, – заметил Мэтью, – ваш король попадет под шах моего ферзя.

Рука Бидвелла замерла в воздухе.

– Сам знаю! – буркнул он. – Или я, по-твоему, ослеп?

Он скорректировал движение руки, чтобы напасть на короля Мэтью своим конем. Какой был тут же повержен притаившейся в засаде пешкой.

– Скажите, у преподобного Гроува были враги? – поинтересовался Мэтью.

– Да. Сатана. И эта ведьма, конечно. – Бидвелл нахмурился, скребя пальцами подбородок. – Мне пора обзавестись очками, если я не сумел разглядеть этого мелкого наглеца!

– Как долго преподобный прожил здесь?

– Почти с самого основания города. Он предложил свои услуги в первый же месяц.

– А откуда он прибыл?

– Из Чарльз-Тауна. Уинстон и Пейн повстречали его, когда ездили туда за припасами. – Бидвелл посмотрел в лицо Мэтью. – Ты во что сейчас играешь: в шахматы или в судью, ведущего допрос?

– Сейчас ваш ход, я жду.

– Ну так вот тебе!

Его ладья взяла второго коня Мэтью. И тотчас пала под ударом вражеской королевы.

– А как сюда попал мистер Пейн? – продолжил Мэтью.

– Он увидел в Чарльз-Тауне мое объявление, приглашающее поселенцев. Большинство первых жителей появились здесь тем же путем. А почему ты спрашиваешь?

– Просто любопытствую, – ответил Мэтью, не отрывая взгляда от доски. – Мистер Пейн в прошлом был моряком?

– Да. Когда-то служил первым помощником на английской бригантине. Мы с ним часто беседовали о кораблях и море. – Он прищурился. – Что навело тебя на этот вопрос?

– Мистер Пейн... удивил меня знанием некоторых морских терминов. А что такое бригантина?

– Корабль, что же еще?

– Это я понял, сэр. – Мэтью позволил себе вежливую улыбку. – Но какого типа корабль?

– Двухмачтовик с прямыми и косыми парусами. Очень быстроходный. Обычно бригантинами пользуются каботажные перевозчики, но из-за высокой скорости их, к несчастью, облюбовала и менее почтенная публика.

– Сэр? – Мэтью вопросительно поднял брови.

– Я о пиратах и каперах, – пояснил Бидвелл. – Они предпочитают их всем другим судам. Юркие бригантины могут прятаться и устраивать засады в самых труднодоступных бухтах. Когда я построю здесь военную базу, мы как следует возьмемся за пиратов и увешаем этими псами их же собственные реи.

Рука Бидвелла взметнулась над доской и переместила ладью, ставя «вилку» на слона и ферзя Мэтью.

– Шах. – Вконец обнаглевшая пешка напала на белого короля.

– Так получай! – Король моментально съел пешку.

– Шах, – повторил Мэтью, делая ход ферзем.

– Но-но, не так быстро! – Бидвелл прикрыл короля своей пешкой.

– Мат, – объявил Мэтью, беря пешку ладьей.

– Эй, погоди-ка! – вскинулся Бидвелл и начал лихорадочно оценивать положение фигур на доске.

Но долго предаваться этому бесплодному занятию ему не довелось. Снаружи донесся звон колокола, а следом сквозь ставни в дом ворвался крик – повторялось лишь одно злое слово, от которого ужас острым клинком пронзил сердце Бидвелла.

– Пожар! Пожар!

Бидвелл мигом вскочил с кресла и распахнул ставни. В ночной тьме вдали метались под порывами ветра языки пламени, рассеивая снопы искр.

– Пожар! Пожар! – кричали на улице под колокольный набат с дозорной вышки.

– Боже правый! – ахнул Бидвелл. – Кажется, загорелась тюрьма!

Глава десятая

Отовсюду слышались призывы быстрее нести ведра. Подкатил еще один фургон с двумя бочками; тут же на него вскарабкался мужчина и начал зачерпывать воду подаваемыми ему ведрами, которые затем перемещались по цепочке и выплескивались на огонь. Однако Мэтью и все присутствующие ясно видели, что таким способом не одолеть раздуваемый ветром пожар; уже все строение было охвачено пламенем, и спасти его не представлялось возможным.

По оценке Мэтью, здесь собрались практически все жители Фаунт-Ройала, поднятые с постелей набатом и криками сторожа и поспешившие на улицу Правды, чтобы помочь в тушении либо просто понаблюдать за тем, как огонь делает свое дело. Большинство было одето под стать Мэтью и Бидвеллу: мужчины в ночных рубашках и наспех натянутых штанах и башмаках, женщины – в халатах или плащах поверх ночного белья. Ранее, едва заслышав тревогу, Мэтью побежал в свою комнату, надел бриджи и кинулся будить судью, но замер перед его дверью, услышав все тот же кошмарный храп. Даже крики толпы и звон колокола не смогли нарушить сон Вудворда, – впрочем, при плотно закрытых ставнях и его собственных носовых руладах это было не так уж и удивительно. Посему Мэтью решил не тратить время на стук в дверь и помчался вниз по лестнице вдогонку за Бидвеллом.

Жар на подступах к зданию был невыносим; ветер яростно раздувал пламя. Какая злая ирония судьбы, подумал Мэтью: над морем по-прежнему грохотал гром и сверкали молнии, но хляби небесные на сей раз не разверзлись над Фаунт-Ройалом. Он был уверен, что Бидвелл сейчас молит небо о проливном дожде, дабы пригасить пожар, но, как назло, именно в эти минуты непогода сделала передышку. Фермерский дом – тот самый заброшенный дом, на крыше которого прошлым утром Мэтью и Вудворд видели троицу ворон, – без сомнения, был обречен.

Впрочем, опасность распространения огня на другие здания была невелика. Это понимали добровольные пожарные, потому и создавшие только одну цепочку вместо двух или трех. Вчерашний ливень основательно промочил стены и крышу ближайшего дома, двор которого был отделен от пожара изгородью из жердин, а другие дома – включая тюрьму – отстояли достаточно далеко, вне досягаемости искр. Так что, хотя пожар свирепствовал вовсю, стремительно пожирая свою жертву, он не представлял опасности для соседей.

Это обстоятельство озадачило Мэтью. Если все вокруг так сильно намокло, как мог возникнуть этот пожар? Удар молнии, быть может? Однако он сомневался, что даже молния способна зажечь пропитанную влагой древесину. Нет, пожар наверняка начался внутри дома. А если так, что стало его причиной?

– Этому дому конец, – раздался голос справа от Мэтью.

Он взглянул на говорившего – высокого худого мужчину в коричневом плаще и вязаной шапке. Мэтью потребовалось несколько секунд, чтобы распознать знакомые черты: длинный аристократический нос, большой лоб, внимательно прищуренные синие глаза. Без белого парика, пудры и румян школьный учитель казался – по крайней мере, на первый взгляд – совершенно другим человеком. И все же это был Джонстон, опиравшийся на свою трость с набалдашником из слоновой кости. Отсветы пламени красно-оранжевыми пятнами скользили по его лицу.

– Это был дом Уильяма Брайерсона, – сказал он. – Двое его сыновей ходили в мою школу.

– Когда эта семья покинула город?

– Сам Уильям его и не покидал. Остался на здешнем кладбище. Но вдова вместе с мальчиками... кажется, они уехали еще в начале прошлого года.

Джонстон перевел взгляд на Мэтью.

– Насколько мне известно, ваш судья намерен с утра пораньше приступить к допросам?

– Да, сэр.

– Я узнал это от мистера Уинстона. И еще я слышал, что вы повздорили с Сетом Хэзелтоном?

Мэтью ограничился кивком.

– Слухи – это самая расхожая валюта в нашем городишке, – сказал Джонстон. – Здесь любое событие быстро становится общеизвестным. Как я понял, вы случайно наткнулись на что-то им спрятанное?

– Кто вам это сказал?

– Все тот же Уинстон. У мистера Бидвелла нет от него секретов. А Уинстон частенько заглядывает ко мне после обеда – перекинуться в картишки или сыграть пару партий в шахматы – и попутно снабжает меня последними новостями.

Он снова уставился на пылающий дом. Бидвелл выкрикивал приказы, требуя подвозить больше бочек с водой, но рвение пожарных уже шло на убыль.

– Так я узнал, что в наказание вы проведете три дня под замком и получите три удара плетью.

– Это верно.

– А верно ли, что допросы свидетелей будут проводиться в здании тюрьмы? Это уже что-то новенькое.

– Такова была просьба мистера Бидвелла.

– Мистер Бидвелл, – с абсолютно невозмутимым лицом произнес Джонстон, – патологически жаден до звонкой монеты, молодой человек. Он подает себя таким альтруистом, заботящимся о развитии морской торговли с колониями, но в действительности у него одна забота: как бы потуже набить свою кошелек. Ради этого – и только ради этого – он добьется казни Рейчел Ховарт.

– Он считает ее ведьмой. – Мэтью сделал паузу в несколько секунд. – А вы разве так не считаете?

– А вы? – Джонстон изогнул губы в полуулыбке.

– Это выяснит следствие.

– Ага, в ход пошли дипломатические увертки. Это похвально по нынешним временам, однако мне хотелось бы получить более откровенный ответ.

Мэтью ответил молчанием, не зная, как далеко он вправе простирает свою откровенность.

– Кстати, о судье. – Джонстон огляделся по сторонам. – Где же он?

– Я оставил его в доме спящим. Разбудить его не так-то легко.

– Похоже на то. Что ж, раз его нет поблизости, желательно узнать ваше мнение о Рейчел Ховарт.

– Этим я нарушил бы служебный этикет, сэр.

Джонстон на несколько секунд задумался, потом понимающе кивнул и снова направил взгляд на огонь, склонив голову набок.

– Благодарю вас. Из ваших слов я узнал то, что хотел узнать. Я с самого начала считал вас образованным молодым человеком, свободным от застарелых предрассудков. У вас есть сомнения касательно ведьмовства, как и у меня. Рейчел Ховарт очутилась в тюрьме по ряду причин, не последней из которых является ее красота, оскорблявшая чувства местных толстух и уродин. Навредила ей и португальская кровь – это слишком близко к испанцам. Добавьте сюда тот факт, что Дэниел Ховарт был человеком примерно того же склада, что и Бидвелл, но без его обаяния. И у него, несомненно, были недруги среди местных.

– Вот как? – Мэтью быстро огляделся, проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь, могущего их услышать. – По-вашему, его мог убить кто-то другой?

– Да. И Сатана тут ни при чем. Это сделал обычный человек. Мужчина либо физически сильная женщина, каковые здесь найдутся.

– Но мистер Гаррик видел миссис Ховарт и... кое-что еще... за амбаром.

– У мистера Гаррика мозги как решето, – флегматично констатировал Джонстон. – В данном случае под вопросом не столько ясность его зрения, сколько здравость рассудка.

– Тогда почему вы промолчали об этом в тот вечер за ужином?

– Чтобы оказаться в камере по соседству с Рейчел Ховарт? Это не та честь, какой я хотел бы удостоиться.

– Веселенькая заваруха, не правда ли? – произнес кто-то третий, останавливаясь рядом с учителем. Тщедушный торс доктора Шилдса прикрывала только ночная рубашка; его длинные волосы растрепал ветер, а его голубые глаза были увеличены овальными стеклами очков. – Пустая трата хорошей питьевой воды.

– Привет, Бенджамин, – с легким кивком сказал Джонстон. – Я было подумал, что вы не удосужились покинуть свою постель. Эти пожары в последнее время стали чем-то обыденным.

– То же самое я мог бы подумать и о вас. С другой стороны, на большой огонь смотреть все же интереснее, чем на гниющие посевы. – Он задержал взгляд на Мэтью. – Приветствую вас, молодой человек. Я слышал, вы вчера влипли в неприятную историю?

– Мелкое недоразумение, – сказал Мэтью.

– Трое суток в камере и три удара плетью – это и впрямь такая мелочь, что не стоит даже упоминания. Но вам не помешает со мной подружиться, потому что вскоре я буду лечить мазями вашу исполосованную спину. А где мировой судья?

– Почивает, – сообщил Джонстон, опередив Мэтью. – У него, как выяснилось, на редкость крепкий сон, которому не помеха всякие пожары в заброшенных домах.

– Ну да, он ведь долго жил в большом городе и приноровился спать при ночной кутерьме за окнами.

Шилдс взглянул на пожар, к этому времени окончательно вышедший из-под контроля. Бидвелл все еще отдавал команды и подгонял пожарных, но уже без прежней горячности. Мэтью увидел Николаса Пейна, который о чем-то коротко переговорил с Бидвеллом, и тот нетерпеливо махнул рукой в направлении своего особняка. После этого Пейн растворился в толпе зрителей. Также Мэтью отметил присутствие миссис Неттлз, закутанной в длинный черный плащ. Великан-тюремщик, мистер Грин, держался поодаль, покуривая трубку из кукурузного початка. Был здесь и Гаррик, казавшийся чрезвычайно встревоженным, а рядом с ним стоял Эдвард Уинстон в серой рубашке и мятых коричневых штанах, явно натянутых в большой спешке. Оглянувшись через плечо, Уинстон на пару секунд встретился глазами с Мэтью, а затем также смешался с толпой.

– Пойду-ка я домой, – заявил Джонстон. – От этой сырости у меня адски разнылось колено.

– Если хотите, могу дать вам новую порцию мази, – предложил Шилдс.

– Нет уж, увольте! Мэтью, если он будет лечить ваши раны той же дрянью из свиного жира, какой мажет мое колено, я вам искренне сочувствую. Советую заранее запастись бельевой прищепкой, чтобы зажимать ею ноздри.

Джонстон похромал прочь, но через пару шагов приостановился.

– Подумайте над моими недавними словами, молодой человек, – сказал он. – Было бы неплохо продолжить этот разговор после вашего выхода из тюрьмы.

– Что это за секреты, о которых мне не следует знать? – спросил Шилдс.

– Никаких секретов, Бенджамин. Я просто пытаюсь просветить молодого человека в некоторых вещах. Спокойной ночи.

С этими словами он развернулся и пошел дальше, тростью раздвигая толпу перед собой.

– Мне тоже пора в постель, – со вздохом молвил Шилдс. – Я провел долгий и трудный день у постели очередного умирающего. – Он криво улыбнулся. – Что поделаешь, такова жизнь в Новом Свете.

Через несколько минут после ухода доктора рухнула пылающая крыша дома. Туча искр взметнулась к небу, кружимая вихрем. Бидвелл перестал командовать, отступил от дома и замер, свесив руки вдоль тела. Один из пожарных плеснул в огонь последнее ведро и быстро ретировался, поскольку в этот же момент вся фасадная стена осела и завалилась внутрь дома.

– Это Дьявол посылает нам предупреждение! – закричал мужской голос; Бидвелл завертел головой, высматривая крикуна, как ястреб добычу. – Сам Сатана велит нам уносить ноги из этого проклятого города, не то он обратит нас в головешки!

Он получил поддержку от женщины с рыжеватыми волосами и худым вытянутым лицом.

– Нил Каллауэй прав! – завопила она. – Это Сатана гонит нас отсюда!

– Прекратите! – взревел Бидвелл голосом, который мог бы заглушить недавние громовые раскаты. – Я не хочу слышать эти глупости!

– Хочешь слышать или нет, мне оно без разницы! – проорал еще один мужчина, стоявший в нескольких шагах слева от Мэтью. – С меня хватит! Я увезу жену и детей, покуда мы все тут не сыграли в ящик!

– Никуда вы не уедете! – запальчиво ответил Бидвелл, черным силуэтом маячивший на фоне пожара и оттого сам казавшийся порождением преисподней. – Не будь дураком, Каттер!

– Дураком будет тот, кто останется тут поперек воли Дьявола! – не унимался Каттер. – На рассвете мы с Норой собираем пожитки! – Он обвел собравшихся глазами, в которых отблескивало пламя пожара. – И все, у кого есть голова на плечах, должны поступить так же! Этот город уже не годится для жизни, с тех пор как на него положили глаз ведьма и ее хозяин!

Это заявление всколыхнуло толпу, как брошенный камень – стоячую воду. Раздалось множество голосов в поддержку Каттера и несколько – лишь несколько – криков, призывающих его заткнуться. Бидвелл раскинул руки в успокоительном жесте.

– Послушайте меня! – прокричал он. – Мировой судья уже сегодня начнет разбирательство по этому делу! Я обещаю вам – и готов отдать на закланье свою душу, – что с ведьмой скоро будет покончено раз и навсегда!

Мэтью не стал это комментировать, хотя и подумал, что Бидвелл подвергает свою душу серьезному риску.

– По мне, так и один день – это уже слишком долго! – Каттер снова завладел вниманием толпы, как опытный актер на сцене. – Нет уж, сэр! С первым светом мы уберемся отсюда, пока мы не изжарились заживо или не подхватили чуму!

– Тихо! Тихо! – вновь поднял голос Бидвелл, стараясь заглушить это страшное слово. – Никакой чумы в городе нет!

– А вы откопайте тех, кого недавно похоронили на кладбище! – визгливо вскричала какая-то женщина. – Откопайте и спросите у них, отчего они умерли и почему ваш доктор ничем не смог им помочь!

Пока на улице разворачивалась эта безобразная сцена и Бидвелл безуспешно пытался утихомирить толпу, в особняке проснулся Айзек Вудворд, обливаясь холодным потом и в то же время ощущая сильнейшее жжение в горле. Он лежал на спине, глядя в потолок сквозь москитную сетку, которая не помешала как минимум одному кровопийце оставить волдырь на его небритой щеке. Детали ночного кошмара – этого частого и жестокого гостя – запечатлелись в его памяти, как оттиск гравюры на бумаге. Он видел крошечные пальцы, сжимающие железные прутья кровати, и слышал негромкое, лихорадочное дыхание. «Анна, – произносил его собственный голос. – Боже мой, он...»

Свет! Какой-то странный свет озарял комнату.

Теперь Вудворд видел его наяву. Это не было частью его кошмара, и он сначала подумал, что сновидение вновь зацепило реальность своим багровым крылом. Однако странный свет не исчез вместе с остатками сна; это было настоящее, неровное и мерцающее, красновато-оранжевое свечение. Он взглянул на окно и понял, что свет проникает сквозь щель между ставнями. Утреннее солнце – ах, если б это было утреннее солнце! – никогда еще не светило таким странным манером. А потом он почуял запах и решил, что именно это его и разбудило: горьковатый запах дыма.

Еще не вполне пришедший в себя, судья вылез из постели, чтобы открыть ставни. И тотчас перед ним открылся вид на пожар где-то в районе улицы Правды. В опасной близости от тюрьмы, сразу же подумал он. Хотя горевший дом, скорее всего, находился на другой стороне улицы. Фантаσμαгорическое свечение выхватывало из темноты толпу зевак, а вихрь доносил до Вудворда треск разрушаемых огнем конструкций и многоголосые крики, в которых ощущалось больше гнева, нежели тревоги. Пожар и суматоха, вероятно, начались уже давно, а он все это время спал как убитый. Он зажег свечу в лампе, вышел в коридор и направился к комнате Мэтью.

Но еще до того, как он коснулся двери, изнутри донесся негромкий металлический звук. Засов, догадался Вудворд. Видимо, Мэтью только что его открыл либо задвинул.

Он постучал.

– Мэтью, там пожар, ты в курсе?

Никто не отозвался.

– Мэтью? Открой, пожалуйста!

Тишина.

– Ты, часом, не заболел?

Этот вопрос впору было адресовать самому Вудворду, о чем он и подумал, слыша собственный голос, подобный звуку тупой пилы при попытке разрезать кость.

Мэтью молчал и не открывал дверь. Вудворд взялся было за дверную ручку, но тут же ослабил давление. Это было так не похоже на Мэтью, хотя... молодого человека ждала тюремная камера, что могло сказаться на его настроении и поступках. Но почему он не откликается хотя бы сквозь дверь?

– Мэтью, я иду вниз. Ты не знаешь, Бидвелл проснулся? – Вудворд подождал немного и добавил уже с раздражением: – Неужели так трудно ответить на заданный тебе вопрос?

Но и теперь ответа не последовало.

– Ладно, как хочешь!

Вудворд направился по коридору к лестнице. Это было совсем не похоже на Мэтью. Вот уж в чем его никогда нельзя было упрекнуть, так это в непочтительности. Быть может, он заперся там, глубоко уязвленный, злясь на весь этот мир? Вудворд остановился. Нет, решил он, я буду стучать в дверь, пока он не откроет! Я ее высажу, если потребуется, потому что в таком состоянии ума секретарь будет попросту бесполезен, когда придет время судебных действий. Он уже начал разворачиваться, но не успел завершить это движение.

Внезапно из-за спины Вудворда потянулась чья-то рука и резким ударом выбила у него лампу. При падении свеча погасла. Затем судья был толчком плеча отброшен в сторону, потерял равновесие и с воплем рухнул на пол. В темноте кто-то проскочил мимо него и с топотом умчался вниз по лестнице. Ошеломленный Вудворд не сразу понял, что происходит.

– На помощь! – с опозданием завопил он. – Воры! Воры!

Между тем Мэтью, все еще стоявший на улице Правды, решил вернуться в особняк Бидвелла. Крики и взаимные обвинения не прекращались, но Бидвелл уже сорвал голос и не мог с прежней энергией отвечать сменяющим друг друга оппонентам. Еще одним стимулом к уходу Мэтью стал Сет Хэзелтон, который – пока что молчаливым зрителем, все с той же повязкой

на физиономии – замаячил в толпе. Сей же миг в мозгу Мэтью – в этом грешном, нездорово любознательном мозгу – промелькнула мыслишка: а не воспользоваться ли присутствием кузнеца на пожаре, чтобы тем временем обыскать его сарай на предмет *другого* мешка, где-то там спрятанного? Но он с ходу отверг этот план, посчитав, что своя шкура дороже, и подался назад с намерением тихо удалиться. При этом он наткнулся на кого-то у себя за спиной.

– Эй, полегче на поворотах, дурень! – возопил мужской голос с характерным акцентом лондонских трущоб.

– Прошу прощения, – сказал Мэтью.

Как тут же выяснилось, акцент был далеко не самым разительным свойством данного субъекта. Уловив это нюхом, Мэтью сморщил нос и попятился, оглядывая его с ног до головы.

Перед ним стояла приземистая пузатая жаба – по крайней мере, первое впечатление было именно таким. Вплоть до того, что и кожа субъекта имела желтовато-серый оттенок жабьего брюха, хотя чуть позже Мэтью понял, что это был цвет глубоко въевшейся в тело грязи. На вид ему было слегка за сорок – круглолицый, с венчиком всклокоченных темных волос вокруг плешивой макушки и с седыми прядями в бороде. Его бесформенное одеяние, похоже, состояло из нескольких разнородных тряпок, сшитых вместе какой-то в стельку пьяной портнихой. Этот тип вызвал в Мэтью инстинктивное отвращение, но одна деталь внешности показалась ему интересной: у грязной жабы обнаружились на удивление ясные светло-серые глаза – цвета льда январским утром, – притом что в глубине зрачков горел огонь не менее жаркий, чем в кузнечном горне. Эти необыкновенные глаза глядели на Мэтью из-под спутанных кустистых бровей, по которым не мешало бы пройти расческе. Внезапно ноздри его широкого, грубо вылепленного носа раздулись, а взгляд устремился к земле.

– Замри, – сказал он Мэтью, что прозвучало как резкая команда, хоть и поданная вполголоса.

Затем он поднял правую руку, в которой обнаружилась довольно длинная палка с острым железным наконечником. Стремительное движение рукой вниз – и человек желтозубо осклабился, поднимая острие к самому лицу Мэтью.

Там, на острие, билась в агонии крупная черная крыса.

– Любят они подбираться к людям, – сообщил он.

Мэтью посмотрел на землю и только теперь заметил темные тени, снующие тут и там меж сапог и ботинок – а порой и босых ног – собравшихся.

– Думают в толчее урвать крохи жратвы.

На его руках были перчатки из оленьей кожи, заляпанные следами предыдущих казней. Свободной рукой он потянул завязки прицепленного к поясу мешка и засунул внутрь острие с трепыхающейся крысой. Потом в мешок нырнула рука, сделала там резкое, вызывающее неприятные ассоциации движение, и острие было извлечено наружу уже без жертвы. Мэтью не мог не заметить, что мешок уже изрядно вздулся – эта крыса была явно не первой с начала охоты. И, судя по шевелению в мешке, еще не все они испустили дух.

И тут до Мэтью наконец дошло, что он сию минуту лицезрел самого Гвинетта Линча – крысолова Фаунт-Ройала – за его благородным занятием.

– Кто-то ведь должен это делать, – проворчал Линч, заметив гримасу Мэтью. – Город всяко проживет без судейских чинуш, но без крысолова его песенка, почитай, спета... *сэр*.

Он отвесил утрированный поклон и проследовал мимо Мэтью, нарочито зацепив его бедро своим трупным мешком.

Теперь уж точно пора было возвращаться. Дом уже превратился в груды раскаленных углей с отдельными язычками огня. Какая-то старуха отчаянно призывала горожан вытащить из тюрьмы Рейчел Ховарт и обезглавить ее топором, предварительно окропленным кровью ягненка. Мэтью отыскал глазами Бидвелла, который безучастно стоял, опустив плечи и глядя на дотлевающие руины, – хозяин Фаунт-Ройала явно терял почву под ногами.

На обратном пути Мэтью был настороже и периодически оглядывался, проверяя, не идет ли за ним по пятам Сет Хэзелтон.

В освещенной несколькими лампами гостиной особняка миссис Неттлз ухаживала за мировым судьей. Вудворд, запрокинув голову, покоился в самом удобном кресле. Глаза его были закрыты, а на лбу лежал компресс. Очевидно, здесь только что произошли весьма серьезные события.

– В чем дело?

Вудворд тотчас открыл глаза и сел прямо.

– На меня напали, Мэтью! – произнес он с ожесточением, но слабым и глухим голосом. – Напал тот, кого я сначала принял за тебя!

– Приняли за меня?

– Кто-то побывал у вас в комнате, – пояснила миссис Неттлз и сняла компресс, чтобы смочить его в стоявшей рядом миске с водой. – Судья услышал, как вашу дверь закрыли на засов изнутри.

– Мою дверь?! – Мэтью взял такую высокую ноту, что сам удивился себе. – Кто это был?

Вудворд покачал головой, а миссис Неттлз вернула смоченный компресс на его лоб.

– Я не разглядел его лица, – сказал Вудворд. – Все произошло очень быстро. Он выбил лампу из моей руки и чуть не сломал мне плечо. Потом я услышал быстрый топот на лестнице и... вот и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.